

Джеймс Ганн, Джек Уильямсон Звездный мост

Роман знаменитых классиков фантастики написан в лучших традициях жанра космической оперы: галактические империи далекого будущего, звездные войны и противостояние миров, сильный мужественный герой, прелестная спасенная героиня, захватывающие, головокружительные приключения. Межзвездная империя объединяет тысячи планет туннелями — каналами иного пространства, по которым гигантские расстояния преодолеваются за несколько часов. Главный герой романа, «солдат удачи» Хорн вступает в противоборство с империей и, чтобы победить, должен разгадать тайну звездных мостов.

ПРОЛОГ

«Летописец, — напомнил себе Историк, — не просто беспристрастный свидетель и хроникер происходивших событий. Плоды его трудов — это целый ряд заключений, с помощью которых можно заглянуть в будущее».

«Его главная обязанность не крюкотворство или сторонний анализ, а прежде всего предвидение...»

Затем, поддавшись нахлынувшему вдохновению, он быстро принялся писать...

Из летописи

Империя...

Величайшая империя из всех, что когда-то существовали... Распространившаяся на многие и многие световые годы, улавливающая звезды, как терпеливый рыбак, имеющий терпение закидывать и закидывать свою сеть.

Эрон. Полузабытая ныне, обнищавшая планета, поражавшая когда-то своим величием и силой. Давшая имя империи... Прибравшая к рукам мир за миром, звезду за звездой.

Давайте выберем масштаб — в одном сантиметре миллион миль. Планета размером с

Землю при таком уменьшении даже не будет видна. Но если приложить подобную шкалу к межзвездным просторам, то в свободном пространстве внезапно обнаружится золотая сеть, нити которой свяжут огромное количество светил. Вся эта паутина играет светом, сияет, как радуга...

Так постигается незамысловатая, но никогда не стареющая истина: империя — это коммуникации, а коммуникации — это империя. То же самое можно сказать и об Эроне. Вся его мощь, влияние, весомость были основаны на туннелях. Каждая посверкивающая нить в этой великолепной сети при ближайшем рассмотрении оказывалась туннелем. Мостом между звездами, перекинутым через широкую, темную, как смоль, реку пространства. Звездный мост...

Глава 1. ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА

Пылающее колесо солнца в своем путешествии по небосводу прошло высшую точку. Оно уже заметно заваливалось к смутно вырисовывающейся вдаль столовой горе — там, решил всадник, у светила, наверное, лежка. А вот наконец и источник, пробивающийся сквозь слои гипса!.. Вовремя! Пора напоить пони. Он, правда, уже пил сегодня, но мало, и это было давно — красноватая пыль, смешавшаяся с потом, задубела на солнце и стала похожа на попону.

Уставшее животное опустило запекшиеся ноздри в воду и неожиданно отпрянуло назад, удивленно глянуло и вновь стало пить. Жажда — жестокая штука. Пони шумно зачавкал...

Всадник между тем сидел неподвижно, с тревогой поглядывая на небо. Все было тихо. Раскаленный круг солнца катился к закату. Одинокий ястреб кружил в небе — раскинул черные крылья и парил в весомер, прогревом до жара духовки воздухе. Нигде и следа крейсера с Эрона.

Потом мужчина осмотрел горизонт, изучил плоскую вершину столовой горы, затем повернулся в седле и глянул назад — на мгновение припомнил путь, который они проделали через холмистую пустыню. Пони вскинул голову, переступил на месте.

Всадник пошлепал пони по вспотевшей холке.

— Что, брат, они нас потеряли? — прошептал мужчина. — Можешь не сомневаться — потеряли.

Он потянул за узду — пони неохотно оторвался от воды, помотал головой, но против воли всадника не возражишь. Скоро он уже трусил по красноватой, усыпанной выветрившимися скалами-останцами пустыне по направлению к вершине горы. К луке седла приторочена походная канистра с водой — там на ходу что-то приятно позванивало. Место было голое, унылое, а в былое время здесь шумел великий город, бросивший вызов звездам. Назывался он Санпорт...

Всадник был высок. Лицо изможденное, щеки ввалились, синеватая, заметно отросшая щетина не могла скрыть прожаренную до шоколадного цвета кожу. Казалось, что он очень устал, однако это впечатление было обманчиво — прямо сейчас он мог отмахать еще много миль. Силенки ему было не занимать — об этом говорили и широкие, словно налитые плечи, и крепкая посадка. Вот одежонка была худа — это точно. Какая-то рвань, являвшаяся когда-то военным мундиром. Штаны тоже были изорваны в клочья. Разве что сапоги... Обувь у него была в порядке — тут говорить нечего. И большой унитарный пистолет, рукоять которого торчала у всадника из-под мышки. На синеватом стволе ясно читалась надпись: «Сделано в Эроне».

Никто бы не назвал всадника красавцем, вряд ли в толпе на него обратили внимание — как раз это ему было совсем ни к чему. Алан Хорн — так звали мужчину — являлся наемником. Это был дерьмовый бизнес, как с точки зрения выгоды, так и в смысле возможности выжить. Привлекательность в таком деле только во вред, как и выставленная напоказ сила. Поверьте, силенки у него было вдосталь, так же как и умения,

профессиональных навыков, опыта и здравого смысла. Всему этому ему пришлось научиться. Те, кто оказались плохими учениками, давным-давно мертвы.

Легкое облачко пыли клубилось за ним, в такой безветренный насквозь прожаренный день эта кирпичного цвета завеса укладывалась долго. Подобное обстоятельство тревожило Хорна. Он неотрывно следил за небом, за простирающейся у него за спиной пустыней.

Уже в сумерках, за час до наступления темноты он наконец добрался до знака.

Ливни, порой бушевавшие в пустыне, пощадил гранитное основание, однако бесплодная почва вокруг была сильно размыта. Досталось и ржавой металлической пластине. Болты повылазили, и теперь надпись висела наискосок. Видать, какой-то умник из эронцев, знаток космолингвы, руку приложил. Разобрать еще можно...

ВНИМАНИЕ!

Запретная зона!

Сим объявляется, что эта местность считается закрытой для посещения, поселения, а также для занятия хозяйственной деятельностью. Все лица, нарушившие запрет, будут немедленно переданы в распоряжение представителя компании и препровождены к ближайшим воротам.

Сим объявляется, что каждый, посмевшийся появиться в запретной зоне, теряет все права как на собственность, так и на свою личность.

Сим объявляется, что отныне эта территория открыта для лицензионной охоты.

Установлено в году 1046 по приказу Генерального управляющего.

Хорн зло сплюнул, обожженные губы зашипало. С этого самого «отныне» прошло не менее двух веков. За этот срок всех кочевников переловили. Как диких зверей... Пустыня широка, еще одна запретная зона расположена почти в тысяче километров к востоку, по направлению к долине Миссисипи, однако эронцы оказались хваткими ребятами — похватали всех до единого. С одним таким парнем из кочевников Хорну довелось встретиться совсем недавно — законченный хулиган и грубиян... Хорн купил у него этого пони. Заплатил? Конечно, заплатил, однако дуло пистолета помогло совершить сделку.

Пони неожиданно вскинул голову и вздрогнул. Хорн встал в стременах и оглянулся. Так и замер... Затем он тоже услышал — по спине побежали мурашки. Всадник затаил дыхание.

Точно, издали донесся едва слышимый лай охотничьих собак. Это приближалась смерть. Всадник коротко, порывисто вздохнул.

— Все-таки учуяли, — прошептал он. — Что ж, они и раньше натывались на наш след, а мы все равно уходили от погони. Уйдем и на этот раз.

Хорошо, что его лошадка достаточно свежа. Что значит порода! Он дал шпоры, и пони сломя голову помчался дальше. Хороший скакун, выносливый... Вон как учуял опасность!.. Загодя...

Этот вопрос сам по себе пришел в голову — Хорн даже сузил глаза. Почему они так настойчиво преследуют его? За кого приняли? За кочевника? Или за случайную добычу? Или за человека, которого наняли за три сотни световых лет отсюда? Всадник ничего бы не пожалел для того, чтобы узнать, как все обстоит на самом деле. Ответ на этот вопрос позволил бы сохранить жизнь. Он невольно глянул на пистолет. Должно быть, они удивятся, увидев у него в руках эту штуку.

Он сунул руку под рваный мундир, нащупал толстый, из плотной материи пояс. Там деньги... Трудненько даются, но зато вся сумма его. Ни с кем не надо делиться. Деньги — это хорошо, если, конечно, за них ему не оторвут голову. Ничего не поделаешь, это его работа. С другой стороны, стоило ли так рисковать?

«Какого черта тебя занесло сюда с другого конца галактики? — с нескрываемой тоской спросил он себя. — Неужели все решил звон монет?»

Он пожал плечами. Кредитки имеют ценность только для тех, кто без них жить не может. Для таких ребят они — символ силы. Но не все же на один манер. Например, тот кочевник, у которого он купил пони. Нет, ребята, не все в этом далеко не лучшем из миров можно купить за деньги.

Об этом он, помнится, имел разговор с незнакомцем. Станный это был разговор. Они сидели в совершенно темной комнате. Это случилось на Кварлоне-4.

Было дело, он тоже служил не за деньги, не за страх, а за совесть. И чем все кончилось? Их боевая гроздь, входившая в состав армии Плеяд, была разгромлена уже в самом начале сражения, однако он, глупец, бился до конца. Сколько ему потом пришлось пережить... Вот тогда, нищий, безоружный, он и отправился на свидание с человеком, чье предложение давало возможность прилично заработать.

Однако темнота в комнате, в которой была назначена встреча, насторожила его. Все было очень подозрительно. Стоило ли браться за работу при таких условиях? Он твердо заявил себе — нет, не стоит!

— Не каждого можно купить.

— Правильно. Бывают такие парни, которые не продаются. Но я никого покупать не собираюсь. Я всего-навсего покупаю смерть и готов заплатить за это по-царски.

— За триста световых лет отсюда?

— Жертва будет там, у монумента Победы. Там состоится посвящение... Ее только надо встретить...

— В твоём рассказе все выглядит детской игрой... А как убийца доберется до него?

— Это его проблемы.

— В общем-то, все это исполнимо. Особенно если Эрон поможет...

От этих мыслей легче не стало. Зачем он изменил свое первоначальное решение и принял предложение? Разве у него не было выбора? Или трудность задания была настолько вызывающая, что он не устоял?

Глупец!

С самого начала было ясно, что это безнадежное дело. С другой стороны, невозможность зависит от того, как к этому относиться. Если, например, человек не соображает, что делает, то для него даже безнадежное дело становится чем-то вроде игры. А вдруг повезет?.. В этом слове таился какой-то кружащий голову аромат, какая-то манящая даль. Конечно, трудности, стоявшие у него на пути, были велики, но желание оказалось сильнее. Теперь расплачивайся. Самое интересное, что даже если он и добьется успеха, удовлетворения не почувствует.

Жизнь безжалостна к таким, как он, с этим Хорн давным-давно смирился. Был момент, когда он что-то вроде прозрения испытал: неудача подхлестывает. Особенно в том случае, если смерть прошелестела совсем близко... Успех, победа изначально пусты. Они разжижают мозг, расслабляют тело. С этим ничего не поделаешь: хочешь жить — умеешь вертеться. Точнее, уворачиваться от гибели... Хорн принял этот факт как данность.

Он глянул назад. Кажется, охотники стали ближе. Лай теперь был слышен отчетливо и разделен на отдельные голоса. Хорошо, что солнце совсем низко. Облако пыли в сумерках густело и багровело на глазах.

Тут его пронзила неожиданная мысль: почему он решил, что преследуют именно его? То есть теперь, когда охотники различили следы копыт пони, они идут по его следу, но отчего он решил, что охотятся за ним? В нем шевельнулось смутное подозрение. Возможно, ловят кого-то другого, о ком точно известно, что он совершил побег. Если вдуматься, в пустыню Хорн пробрался так, что ни одна собака не могла учуять. Что ж, как говорится, будем посмотреть. Он с силой ткнул пони пятками под бока. Тот вскачь припустился вперед. Его единственным спасением было первым добраться до вершины столовой горы. Солнце, должно быть, сядет минут через пятнадцать, тогда округу накроет такой густой тьмой, что погоня вынужденно прекратится. Собаки, конечно, смогут идти по следу, но охотники потеряют ориентировку. Да и псам в полной темноте скакать по скалам вряд ли будет в

охотку.

Пятнадцать минут...

В этот момент он и заметил следы. Совсем свежие, неровные, ведущие куда-то вбок. Все решилось мгновенно — Хорн повернул пони и погнал его вслед за беглецом. Он увидел его через сотню метров — спотыкающуюся фигуру, едва различимую в сгущающемся облаке пыли.

Лай теперь был слышен совсем рядом, однако Хорн уже не обращал на него никакого внимания. У него в запасе было несколько минут, он должен выжать из них все что можно. Солнечный диск уже начал погружаться в плоский оголовок столовой горы. Ему надо поторопиться, успеть до темноты. Иначе как!.. Он подумал об этом без всякого страха или волнения. Судьба дала ему шанс, и он использует его, чего бы это ни стоило!

Дорога резко пошла вверх, копыта зацокали по камню. Огромные скальные ступени вели к вершине, каждая из них отделялась высоким уступом. Были здесь и понижения, в которые тоже можно было спуститься, словно по гигантской лестнице. Путь был труден, и Хорн соскочил с пони, принялся помогать ему одолеть очередной выступ. Необходимо как можно быстрее догнать беглеца... Вот он!.. Хорн мягко шлепнул пони по крупу, и тот припустился еще резвее. Без седока животное совсем ожило. Теперь наемник отлично видел бредущего впереди него человека. Тот шел пошатываясь, время от времени его заносило и он валился на камни, при этом размахивая руками, словно мечтая, что они того и гляди обратятся в крылья и он взлетит в спасительную тьму. В этот момент он, по-видимому, услышал стук копыт и неловко обернулся. Рот его открылся в немом выкрике — этакое черное беззубое пятно обнажилось на его изможденном, худом донельзя лице. Тут он споткнулся, упал и остался лежать.

Хорн, прежде чем приблизиться к нему, вскочил в седло и торопливо объехал ровную каменную площадку. Сначала к уступу, отделившему ее от следующей ступени, — порог оказался пологим. Пони легко возьмет его... Пыльное облако было здесь еще гуще — оно как бы слоями спускалось к подножию столовой горы. Затем Хорн метнулся к левому откосу. Был он невысок, метра полтора, под ним — скопище пыли. Эта картина порадовала сердце, но воли радости Хорн не дал. Не время... Теперь к беглецу... Тот все так же неподвижно лежал на камнях. Учув приближение Хорна, незнакомец попытался отползти подальше. Наемник внимательно оглядел его. Когда-то это был высокий, сильный и гордый человек. Теперь — доходяга, кожа задубела и почернела на солнце. Кожа да кости — все ребра под несусветными лохмотьями, прикрывавшими тело, можно пересчитать.

Хорн терпеливо ждал — выдержкой он обладал удивительной. Мужчина кое-как приподнялся на локтях, поднял голову. Веки были воспалены и взбухли — он едва смог приподнять их. Увидев Хорна, беглец искренне удивился, на лице его внезапно вспыхнули радость и надежда.

Снизу донесся отчетливый лай.

Человек открыл и медленно закрыл рот, язык у него почернел и заметно вспух. Он пытался что-то сказать — шея напряглась, однако ни единого звука из его вновь открывшегося рта. Наконец он собрался с силами и глухо, нечленораздельно выговорил:

— Воды! Ради Бога, воды...

Хорн снял канистру с водой со спины животного, затем отошел к ведущей наверх ступени и, прикрыв емкость от глаз беглеца, хорошенько встряхнул ее. Вода удивительно вкусно забулькала.

Мужчина захныкал, лицо его плаксиво исказилось. Он на локтях пополз к манящим звукам. Хорн еще раз потряс канистрой. Мужчина задвигался побыстрее, однако расстояние между подъемом и беглецом сокращалось слишком медленно.

— Шустрой, приятель, — подбодрил его Хорн. Он нетерпеливо огляделся — тьма сгущалась, облако пыли оседало все ниже и ниже. — Вот она, вода! Поспеш...

Беглец, кажется, услышал его и начал живее работать локтями и коленями. Лицо его скривилось от напряжения, однако прежняя плаксивая гримаса так и осталась на нем. Он

полз и похныкивал. Глаза наполовину закрыты, взгляд остановившийся. Он как зацепил взглядом канистру, так и смотрел на нее.

Наконец Хорн помог ему подняться, прижал горлышко канистры к его губам. Горло беглеца конвульсивно содрогнулось. Еще раз и еще... Вода потекла по подбородку, начала капать на грудь.

— Довольно, — прервал его Хорн. — Сразу много нельзя. Ну как, полегчало?

Мужчина благодарно кивнул. Р-рав! Р-рав!

— Они уже совсем близко, — сказал Хорн. — Идти ты не сможешь, и оставить тебя на съедение этим поганым псам я не могу. Поскачем вдвоем. Ты сможешь удержаться в седле?

Тот судорожно закивал, потом принялся невнятно мямлить:

— Не надо... Брось меня... Спасайся... Спасибо за воду...

— Даже думать об этом не смей! — резко оборвал его Хорн. Он помог незнакомцу сесть в седло — сначала левую ногу, потом правую. Взгромоздившись, беглец крепко вцепился в переднюю луку. Его водило из стороны в сторону.

Р-рав!

Гончие были совсем рядом. Сколько их? Никак не меньше пяти...

— Ну, держись, — подбодрил Хорн седока. Тот все так же мучительно выдавил:

— Спаси... меня...

— Й-е-е-е-е! — пронзительно выкрикнул Хорн и с размаху шлепнул пони по крупу.

Животное прыжком бросилось вперед, седок едва не вывалился из седла, однако удержался. Потом он обернулся и глянул на Хорна — во взгляде его вдруг засквозило понимание, и прежняя плаксивая гримаса появилась на лице. Пони между тем уносил его вскачь все дальше и дальше.

Хорн, сжав челюсти, некоторое время следил за ним, затем бросился влево, взобрался на уступ и мгновенно спрятался за обрывистым порожекком.

Р-ра-ав! — в последний раз разнеслось над пустыней, и следом пришла тишина, тревожная, пересыпанная шорохами, клацанием когтей по голым камням, учащенным дыханием.

Вот первая охотничья собака выпрыгнула на площадку, где Хорн напоил незнакомца, потом еще одна и еще... Здесь псы на некоторое мгновение задержались, один из них неожиданно метнулся в сторону, где прятался Хорн. Сердце у того замерло, он неторопливо бесшумно вытащил пистолет. Тут последовала резкая команда, и вся свора бросилась вперед, в погоню за пони.

Хорн рискнул выглянуть из-за укрытия. Так и есть, это были страшные охотничьи псы с Эрона. Ростом с лошадь. В народе ходят слухи, что их вывели искусственно. Такая собака могла часами нести на своей спине всадника, ее гигантские челюсти были способны перекусить все, что только движется. Их так и называли — ужас о четырех ногах!

На спинах у собак восседали златокожие принцы с Эрона. Их рыжеватые волосы поблескивали в сумерках. Тоже мутанты — так, по крайней мере, говорят. Еще болтают, что эти существа куда более опасны, чем их псы.

Беглец, удиравший на пони, внезапно обернулся, жадно принялся что-то искать в своей одежде.

Преследователи были в какой-то сотне метров от него, когда в той стороне что-то тускло вспыхнуло. Хорн машинально пригнул голову. Тут же раздался знакомый ноющий звук, затем удар и скрежет металла по камням. Пуля, создавая вокруг себя в полете небольшое унитронное поле, просвистела вдаль, в пустыню.

«Вот это да, — изумился Хорн. — Где же этот парень раздобыл оружие?»

Он рискнул выглянуть. Одной из собак оторвало ногу, она валялась в луже крови и все равно злобно, разевая пасть, рычала. Всадник валялся поблизости, он не двигался. Эронцы собрались вокруг него, стояли неподвижно, а их псы бросились вдогонку за удиравшим на пони незнакомцем. Тот мчался, повернув голову назад, и неотрывно смотрел, как бешеная стая настигает его.

Далее все свершалось в натянувшейся до звона тишине. Ближайшая гончая вцепилась в заднюю ногу пони и разом отхватила четверть конечности. Пони отчаянно, жутко взревел и неожиданно взбрыкнул. Незнакомец вылетел из седла и уже с высоты, размахивая руками, словно веруя, что они способны обратиться в крылья, рухнул в пасти собравшихся псов.

Человек даже не коснулся земли, разве что красные струйки протекли на камни...

«Бедный пони», — подумал Хорн и поглубже зарылся в разбросанный вокруг щебень и пыль.

Из летописи

Звездный мост...

Прежде всего следует рассказать о человеке, который открыл новый способ преодоления пространства. Он, безусловно, заслуживает славы и уважения...

Веками скорость света оставалась непреодолимой преградой для всех путешествующих в космосе. Я хотел сказать — путешествующих в близком космосе, так как даже при скорости, близкой к скорости распространения света, звезды оставались недоступны для нас. До них были годы и годы пути. А то и десятилетия, века, тысячелетия... Понятно, что такие перелеты не могли иметь практического значения. Однако со временем Эрон Тьюбуэйз Пауа (транспортная компания) сотворила туннель. С той поры, как только звездные корабли доставляли специальное оборудование в ту или иную отдаленную систему, местные миры сразу получали надежную транспортную связь с Эроном. С годами звезды стали намного ближе.

Три часа пути до Эрона...

Пространство внутри таинственного, блестящего золотом туннеля непостижимым образом сжималось. Там создавались какие-то удивительные поля, пространство приобретало немыслимые свойства.

Более того, с помощью подобного туннеля можно было почти мгновенно передавать информацию и энергию. Тем самым была заложена база для создания межзвездной цивилизации. В том нет сомнения — компания Эрона заслуживает самых лестных слов, если бы...

В этом «если бы» все дело! Каждый туннель вел только на Эрон, и пошлина за пользование была очень высока...

Глава 2. КРОВАВЫЕ ДЕНЬГИ

Ночь выдалась темная, сразу после заката небо затянуло тучами. Погасли звезды. Теперь следовало хорошенько подумать, что предпринять дальше. В таком мраке вряд ли можно отыскать проход наверх, к вершине горы, тем более что чем выше, тем круче становились откосы, и, как он приметил еще вечером, самый последний вообще представлял из себя подобие крепостной стены. В нем наверняка были размывы и осыпи, через которые можно было взобраться на кручу, но поди отыщи их в непроглядной темноте. В этот момент блеснувший неподалеку свет показался ему чем-то вроде галлюцинации. Что только не померещится в такую ночь.

Однако и оставаться здесь до утра тоже было смертельно опасно. Мгла надежно прикрыла его от недобрых взоров, но она же теперь стала его врагом. Куда ползти? Разве что положиться на интуицию и следить, чтобы голова постоянно была выше ног?.. Да, врагов у него всегда хватало, начиная с того заказчика, который подрядил его на убийство. Стоило бы их сосчитать, невольно прикинул Хорн, осторожно продвигаясь вперед. Заказчик, жертва, которая тоже вовсе не жаждет получить пулю в лоб, эта пустыня — дерьмовый, должен заметить, край. Охотники — ну, эти бравые ребята!.. Как, впрочем, и их псы. И, наконец, потемки... Что-то слишком много выходит на одного.

Ладно, ночь пройдет. Так же исчезнут и все остальные недруги, кроме стены, которую он в любом случае должен одолеть до утра. Вот и еще неприятель появился. Время!.. Оно тает с каждым часом, с каждой минутой. Не остановим бег Земли, скоро планета повернется к Солнцу. Где в этот момент застанут его солнечные лучи? Ползущим к вершине? Или уже лежащим в засаде неподалеку от ничего не подозревающей жертвы? То-то поднимется суматоха — как же, испортили одну из самых торжественных церемоний, устраиваемой эронцами. Конечно, с пульей не поспоришь, тем более что деньги уже уплачены. Здесь они, в поясе. Тяжелые, однако...

Хорн на мгновение сжал зубы, потом расслабился. Ничего, в прежние годы он и не таких врагов одолевал, справится и на этот раз. Удача пока на его стороне, этим и надо воспользоваться. Хорошо бы она не отвернулась в решительный момент, когда он возьмет жертву на мушку. Тот будет разыгрывать сцену, а Хорн будет наблюдать за ним в телескопический прицел и пальцем оттягивать курок. Не спеша, по чуть-чуть, по миллиметрию...

Огонек впереди блеснул ярче, веселей. Словно крикнул во тьму: вот он я!

Хорн от неожиданности замер, вжался в сухую, прогорклую пыль. Потом рискнул поднять голову. Даже проползти вперед, чтобы было лучше видно.

Несомненно, это был костерок. В какой-то низине у самой стены... Теперь можно было различить и тени, подрагивающие на сером граните. Он подполз еще ближе и услышал голоса, сразу упрятал лицо в пыль, подождал немного, прислушался. Один голос принадлежал мужчине — тот бубнил что-то непонятное. Другой высокий, щебечущий... Неужели женщина? В этих краях?..

— Давай, и все тут, — капризно заявила она. — Я хочу есть.

Мужчина что-то пробормотал в ответ.

— А меня не интересует, — ответила женщина. — Давай, и все. Хотя бы крохи какие-нибудь припас. Зернышко маковое... Нет, ты потряси ящик. Сумку свою потряси. Я уверена, что-нибудь да найдешь для умирающей от голода Лил.

Мужчина опять что-то невнятно проворчал.

— Поищи, тебе говорят. Осмотри все хорошенько. Я же не прошу у тебя бриллианты, мне нужно хотя бы зернышко. Ну, пожалуйста... Для Лил! Или кусочек угля... Ах ты, неблагодарный старик! Ну, погоди!.. День и ночь Лил работала на тебя. Я трудилась, чтобы ты не подох с голоду. Без меня ты давным-давно ноги бы протянул. И теперь ты жалеешь для своей маленькой Лил крошечное зернышко? Ты хочешь, чтобы я померла от голода? Ты этого хочешь, старый пень?..

Следом донеслись бурные рыдания.

Хорн не вытерпел и приподнял голову. Две размытые тени отражались на скальном откосе. Или одна? Хорн сразу не разобрал. Вроде кто-то сидит на корточках, только почему-то голов у него две. Одна — человечья, круглая, а другая — жуткая, с длинным изогнутым носом и какая-то взъерошенная.

Хорн немедленно отполз от края низины, где сидели эти двое. Бесшумно обогнул яму с одной стороны, потом с другой. Затем полежал не шевелясь, послушал пустыню. Все вроде тихо. Поблизости никого не было, кроме старика и плачущей женщины.

Неожиданно рыдания сменились криком:

— Ладно, старый пьяница. Если ты не даешь мне поесть, тогда угости вином! Что это ты один пользуешься? Лучше взял бы да поймал мне слизня. Слышишь, старый развратник? Ты, разбитый горшок с ромом... — Далее последовали такие изобретательные и непристойные выражения, что Хорн невольно потер подбородок. Он подполз к самому краю, заглянул в яму и ошеломился.

Внизу, освещенный слабым пламенем костра, прислонившись спиной к огромному валуну, сидел старик. Ноги его были вытянуты, он словно грел подошвы. На голове старенькая истертая тюбетейка, лицо желтокожее, изборожденное морщинами. Раскосые глаза наполовину закрыты. Грязный желтый платок был повязан вокруг шеи — цвет его

совпадал с цветом кожи, проглядывающей из прорех рваной рубашки. Когда-то она была ярко-зеленого тона. Мешковатые штаны держались на одной помочи.

На гранитном валуне возле самой его головы стояла невиданная птица. Яркая, перья красные и зеленые... Она с трудом балансировала на одной когтистой ноге, в другой держала пол-литровую бутылку, в горлышко которой пыталась просунуть длинный изогнутый клюв. Птица явно была подшофе, однако ухитрялась наклонять бутылку так, чтобы жидкость тонкой струйкой вливалась ей в рот. Хорн обратил внимание, что у птицы только один глаз — он ярко посверкивал в свете костра.

Между прочим, на костре, в маленьком котелке, варилось что-то вкусное. Запах, по крайней мере, вызвал у Хорна прилив слюны. «Так, — сглотнув, спросил он себя, — что там еще?» Больше ничего, разве что маленький металлический чемоданчик, стоявший возле старика.

Хорн набрал побольше воздуха в легкие, бесшумно выдохнул и молнией метнулся на дно ямы. Спрыгнув, тут же одной ногой чуть пригасил огонь, накидав в костер пыли. Потом вскинул пистолет и навел его на старика.

Птица поперхнулась, уронила бутылку и, шумно ударив крыльями, взлетела в воздух. Костер между тем умер, испустив струйку дыма. Старик вскочил на ноги.

В этот момент птица завопила во всю мощь:

— Пираты! На помощь! Все сюда! Дайте жару грабителям!..

Китаец — а старик был очень похож на китайца, — к немалому изумлению Хорна, принялся слезливо уговаривать:

— Только, пожалуйста, не убивай. Зачем тебе убивать моя старая китайская парень? — Он икнул. Хорн уловил запах синтетического алкоголя. — Бедная, несчастная китайская парнишка никому не мешай, никого не беспокой!..

«Положение глупее не придумаешь, — пронеслось в сознании у Хорна, — тем более глупо все это здесь, на руинах Санпорта». Он взглянул на стоявший возле старика чемоданчик. Вещица древняя, потасканная, дешевенькая — такая же, как и речь старика. На одной стороне еще можно было различить надпись: «Мистер Оливер Ву, собственник. Новый Кантон, прачечная». Ниже: «Гигиенически чистая стирка».

Хорн сделал шаг вправо. На другой стороне прочитал: «Лил, попугай-математик. Способен складывать и умножать».

— Бедная китайская парнишка, вернее всего, погубит себя в запретной зоне, если и дальше будет пользоваться костром, — тщательно выговаривая каждое слово, сказал Хорн. — Охотники травили меня собаками в полукилометре отсюда. Все они из златокожего народа.

Ву заметно побледнел. Ноги у него дрогнули, он невольно опустился на землю, опять прислонился к гранитному валуну. Попугай тут же уселся ему на плечо и уставился на незнакомца единственным глазом.

— Бедная маленькая китайская парнишка, — дрожащим голосом выговорил старик. — Нет моя ничего. Один глупый птица.

Попугай хватил его клювом за ухо. Старик вскрикнул и съехал от страха. Опять заныл:

— Моя нет ничего. Моя никому не делай худого. — Он ударом ноги, обутой в изношенный, непонятно какого размера башмак, придвинул чемоданчик к незнакомцу.

— Златокожим плевать на это. Они в момент пристукнут тебя. А то еще натравят своих псов, — сказал Хорн, даже не взглянув на этот дар. — Сейчас они ушли, но могут появиться в любую минуту. Если они застанут нас здесь... — Наемник многозначительно не закончил фразу.

— Легко рассуждать тому, — буркнул попугай, — у кого в руках пистолет.

Хорн рассмеялся, опустил оружие. Резинка, соединявшая его запястье и рукоять пистолета, натянулась. В любой момент Хорн мог снова вернуть ствол в прежнее положение.

— Забавная птичка, — сказал он, — очень забавная. По крайней мере, она умеет

говорить куда лучше своего хозяина.

Прежний цвет лица вернулся к Ву.

— Так ты говоришь, что они теперь далеко? — Заметив, с каким удивлением незнакомец вскинул брови, китаец деловито уточнил. — Эти охотники?..

— Ну ты даешь, старикан! — восхитился Хорн. — Значит, ты и на космолингве изъясняешься? Тогда скажи, что ты здесь делаешь?

Ву протяжно вздохнул и ответил уклончиво:

— Даже такое несчастное создание, как я, хочет выжить. Или считает, что хочет... — В голосе его прозвучала печаль. — Когда богатые пируют, крохи с их стола достаются беднякам. Голод, знаешь ли, великий помощник, он не дает засидеться на месте. Вот мы и пересекли пустыню, чтобы побывать на празднике посвящения. Трудное, должен заметить, предприятие. Без воды, того и гляди нагрянут охотники... Мы уже видели трех несчастных, растерзанных их псами.

Лил помахала клювом сверху вниз:

— Жуткая, кровавая охота. Что интересно, все три мертвяка имели оружие. Как и у тебя, странник.

— Странно, — задумчиво подхватил старый китаец, — у всех у них были такие же унитарные пистолеты. Эронские гвардейцы очень ревниво относятся к подобным... э-э... любителям оружия. — Он искоса глянул на Хорна. Тот внезапно убрал пистолет, губы его сжались в одну прямую черту. Ву между тем продолжил: — А вот нам удалось перейти пустыню, и завтра мы будем возле руин. Там мы найдем способ, как продлить наше существование. Что скажешь, Лил?

Ресницы у Хорна дрогнули. Попугай невозмутимо заключил:

— Слабых убивают. Достойные живут.

Птица склонила голову вбок и принялась рассматривать землю. Точнее, бутылку, содержимое которой пролилось на камни. Попугай вздохнул:

— Мой самый любимый напиток. Все проходит, ничего нельзя вернуть назад.

Крупная слеза вытекла из его единственного глаза и капнула на рубашку Ву.

Неожиданно китаец опустил на колени, Лил ударила крыльями и взлетела. Старик на коленях подполз к костру и заглянул в горшок.

— Не варево, а сплошная пыль. Ах, моя бедная голодная парнишка! Однако, может, что-то удастся спасти.

Он достал мятую ложку, осторожно собрал налет пыли, собравшейся на поверхности, и выплеснул ее на землю. Второй черпок он уже поднес к губам. Критически оценил, скривился, потом заявил:

— Скрипит на зубах, но есть можно. Получилось что-то непонятное, как, впрочем, наши судьбы, которые у тебя в руках, незнакомец.

— Хорном меня зовут, — буркнул наемник и метнул в сторону старика непонятно как появившийся в его руке поблескивающий кристаллический диск. Ву ловко поймал его. Наемник добавил: — Не люблю быть в долгу...

Между тем облака начали оттягиваться на восток, в небе появились широкие прорехи, сквозь которые крупные звезды с любопытством смотрели на старика, который разглядывал брошенную ему монету.

— Пять келонов! И не фальшивые. Вон как новый регент отпечатан — просто красота. Причем весомая. Очень редкая комбинация — красота и полезность. Очень щедро за наше скромное угощение, правда, Лил?

Монета мгновенно исчезла в его лохмотьях.

— Трудно на голодный желудок воспринимать прекрасное, — сделал замечание попугай.

— Что я слышу! Гордая Лил, оказывается, способна на мелкий подхалимаж, — саркастически сказал старик и принялся раскладывать сваренную им бурду на две тарелки. Одну из них он протянул Хорну: — Ешь. Ты заплатил, значит, имеешь право на долю.

Хорн немного поколебался, потом шагнул вперед и взял протянутую ему тарелку. Тут же вернулся на прежнее место, сел на корточки, прислонился спиной к гранитной скале. Ву не обращал никакого внимания на все эти предосторожности и, подув на пищу, погрузил в варево пальцы. Набрал горсть и отправил ее в рот. Со вкусом зачавкал... Хорн, чуть помедлив, последовал его примеру. Тут же с удивлением обнаружил, что, несмотря на непритязательный вид пищи и временами похрустывающие на зубах камешки, еда была на редкость вкусна. Просто объединение... В ней даже попадались кусочки мяса — по всей видимости, кролик. Другие составляющие он так и не смог определить.

Хорн сам не заметил, как расправился со своей порцией. Удивленно глянул на пустую тарелку — как, уже все? — незаметно вздохнул, потом почистил ее песком и поставил у ног Ву.

— Спасибо, — тихо буркнул он. Затем вернулся на прежнее место, вновь пристроился на корточках у скалы, поерзал немного и успокоился только тогда, когда плотно оперся спиной о гранит. Сзади не подобрется...

Ву со вздохом взял использованную Хорном тарелку, подтащил поближе свой металлический, с продавленными боками чемоданчик, открыл его, при этом закрыв собой его внутренность от внимательно наблюдавшего за ним Хорна. Щелкнул замок, и чемоданчик встал рядом с хозяином, а у того в руке вдруг оказалась бутылка. Точно, поллитровая бутылка с синтетическим виски. Старик сделал несколько внушительных глотков и с намеком показал ее Хорну. Тот отрицательно помотал головой. А вот птица не отказалась — сгребла протянутую ей бутылку когтистой лапой и сунула в раскрытый клюв.

В тишине старый китаец полез в карман, долго там копался, наконец вытащил плитку жевательного табака. Также обстоятельно осмотрел ее, потом стряхнул на одном углу налипший сор, откусил и самозабвенно принялся нажевывать слюну. Глаза сами собой закрылись, только узенькие щелки остались.

Хорн все еще внимательно приглядывался к старику — прикидывал и так, и этак. Чего можно ожидать от этого божьего одуванчика? Надо же, одновременно и алкоголь употребляет, и табаком не брезгует. Последний такой чудак, которого довелось встречать Хорну, умер давным-давно. С табаком у наемника были связаны самые неприятные воспоминания. Он как-то решил провезти контрабандную партию. Намучился он с ней! Скоро весь корабль насквозь провонял табачищем, команда волками смотрела на Хорна. Лучше не вспоминать...

Старик, разгоняя пыль, помахал перед собой, потом задумчиво произнес:

— Вот ведь как бывает. Шли-шли и встретились... Трое изгнанников сошлись в запретном краю. Ты слышал, что когда-то эта земля считалась самой плодородной на всем континенте?

— Быть того не может, — сплюнул Хорн. Ву пожал плечами:

— Какое это имеет значение, веришь ты или нет. Я напомнил об этом, чтобы показать тебе, как глуп тот человек, который считает, что держит в руках свою судьбу. История любит подобные шутки — вдруг возьмет, подхватит и сведет, стукнет лбами совершенно незнакомых людей. Где-то мы встретимся в следующий раз?

— Нигде, — коротко ответил Хорн и вновь сплюнул. Потом после некоторой паузы добавил: — Я живу по своей воле. Хожу там, где хочу.

— Все мы так считаем, все так думаем, — откликнулся старик. — Оглянешься вокруг — все суeta суeta. А почему? Потому что мы не способны заглянуть в сердцевину предмета. Или события... Только спустя некоторое время, посмотрев назад, мы имеем возможность окинуть взглядом всю картину разом. Тогда станет понятно, какие силы двигали людьми, которые живут по своей воле, что их сводит и разводит. А по кусочку, по сиюминутному мгновению разве можно что-нибудь определить? Нет, только время делает ясным взор.

Хорн помалкивал.

— Лил и я, мы верим, что идем к руинам старого города, потому что нам этого захотелось. Ерунда! Голод, вот что гонит нас. Голод не тетка, это такая сила, которой нет

равных. Ну а тебя что занесло в эти края?

Этого вопроса Хорн ждал и, прямо скажем, побаивался его. Что-то отвечать все равно придется, а убивать после старика не хотелось. Занятный старикашка!.. Наемник поморгал, помедлил, потом вымолвил:

— А кто сказал, что меня сюда занесло? Хожу себе и хожу...

— Так не бывает. По пустыне просто так не ходят. Ты явился сюда, чтобы стащить что-нибудь, как мы с Лил, или убить кого?

— Разве не может быть других причин?

— Для бродяги с оружием? Зачем оно тебе на празднике посвящения? Ответ один: либо хочешь что-то украсть, либо кого-то убить. Просто хочу заметить, что эти руины охраняются лучше, чем какое-либо другое место в империи. Грубая сила всегда побеждаема силой разума. Жаль, если кому-то придется в таком юном возрасте умереть.

Хорн опять промолчал. Он решил подождать. Он это умел — ждать. Пусть другие проявят свое нутро, покажут, чего они хотят.

Ву между тем невозмутимо продолжал:

— Вот нас здесь трое, и все мы одной масти. Ладно, ты чужак, и твои дела — это твои дела. Возьмем, например, меня и Лил. У нас никогда не было секретов друг от друга, мы никогда не держали камень за пазухой — может, это и помогло нам выжить. С вершины наших лет многое видно, любой в нашем возрасте станет моралистом. Знаешь, приятель, к старости неоспоримых истин остается немного, но все они словно дубеют, становятся крепкими, как мореный дуб. Вот одна из них — люди должны жить так, как они хотят. Простенькая сентенция, а поди ж ты, сколько из-за нее крови пролилось...

— Я не хочу умирать, — неожиданно выпалил Хорн.

— И мы того же мнения, того же мнения... Правда, Лил? Но для этого надо очень постараться. Я понял тебя, и ты прав. Ты не хочешь умирать, потому что тебе не удастся вовремя достичь руин.

— Ты ошибаешься, старик, — откликнулся Хорн. — Ты сказал, что все мы одной масти, что между нами не должно быть секретов. Ты собираешься посетить праздник посвящения... Что ж, ты укажешь мне путь, как попасть на него.

Хорн скромно поздравил себя — это была отличная идея. Пусть старик со своей идиотской птицей станут его проводниками. Он, по-видимому, тертый калач, этот китаец. Возможно, он даже первым увидел его, когда он, Хорн, рыскал вокруг низины, отыскивая следы засады.

— Нет, нет, — всполошился Ву. — Я никак не могу. Мне кажется, это должно быть...

Хорн, не отрывая ледяного взора, в упор смотрел на него.

Ву обреченно повесил голову, пожал плечами и наконец ответил:

— Что ж, как пожелаешь. Бродяги должны держаться вместе. Но ты должен понять, что человек волен только в первом шаге, потом он сразу попадает в лапы необходимости.

Попугай туманно добавил:

— Люди предпочитают сами ладить для себя ловушки.

Хорн по-прежнему продолжал леденить их взглядом. Брови у него совсем сдвинулись, на лице застыло зловещее выражение. Ву неожиданно зевнул, разгреб золу на месте потухшего костерка и свернулся клубочком.

— Что, так и заснешь? И будь что будет?.. — сардонически усмехнулся Хорн.

— А что будет? — ответил Ву. — Все равно от смерти не убежишь. Так же как и от рассвета. Если они явятся вместе, спасения все равно не будет. Ради этого лишать себя сна? Зачем?

— Непонятно, как ты сумел прожить так долго.

Старик еще раз зевнул, теперь во весь рот, сладко, протяжно:

— Соблюдал режим, регулярно питался, спал, когда это было возможно, и не тревожил себя думами о том, что будет завтра. Перед нами стена, куда тут убежишь. Тем более что Лил посторожит.

Хорн настороженно долго смотрел на старика, потом, пожав плечами, встал, взобрался на край низины. Здесь он долго сидел, прислушиваясь и присматриваясь к темноте. Собственно, ночью он чувствовал себя уверенно, интуиция еще ни разу не подводила его. Или шестое чувство — как хотите, так и называйте. В пустыне было тихо, даже спокойно. Хорн спустился в низину, занял место у гранитной скалы — здесь и переберемся до утра.

Небо совсем очистилось, и над округой повисла легкая серебристая зыбь. Света было мало, но видно далеко — таково свойство безлунной ясной ночи. Звезды вверху жили своей особой, непонятной, но, по-видимому, веселой жизнью. То-то они так радостно посверкивали и перемигивались во тьме.

Хорн поправил пояс, набитый деньгами, почесал то место, где он прилип к коже. Ну и тяжелый же это был груз, а ведь не бросишь, не сдашь на хранение. Он чуть расстегнул молнию, достал одну монету — кристаллический диск, оправленный по краю в серебро. Поднес к правому глазу, левый зажмурил и глянул сквозь монету на звезды.

Неожиданно рука дрогнула — то ли померещилось, то ли в глаз что-то попало. Он задержал дыхание, странное оцепенение напало на него — кто-то смотрел из глубины прозрачного кружка.

Нет, точно померещилось, но ощущение близости человека, с которым у него когда-то состоялся разговор, не проходило. Это был он, Гарт Кохлнар. Погуби его душу, это точно был он! Если даже ему померещилось, все равно это был Генеральный управляющий компанией Эрона. Наемник ясно различил его массивное, с чуть отвисшими щеками бронзовое лицо, жесткие рыжеватые волосы, поразительно живые глаза. Он словно о чем-то напоминал Хорну. Тот невольно прислушался.

«Что ты держишь в руке? Правильно, деньги. Знаешь ли ты, что такое деньги? Это символ империи, ее основа основ. Эти монеты невозможно подделать, на них покоится мощь Эрона. Ты трудишься, чтобы заработать несколько лишних монет, живешь ради этого, и труды твои не напрасны. Награда за труд — вот она, ты держишь ее в своей руке. Приглядишься, как искусно она сделана. Как красива... Сквозь нее видны звезды, и она сама как звезда, освещающая путь в ночи. Что бы ты ни натворил ради нее, каким бы образом она ни попала в твой карман — все оправдано. Слышишь, все дозволено, лишь бы этот ручеек не иссякал и бесконечно наполнял твои карманы и душу. Владея этой монетой, ты становишься собственником Эрона, владельцем доли в нашем предприятии. Что бы ты ни попросил, все будет твоим. Ты платишь, и никто не посмеет задать тебе ни единого вопроса. Только выкладывай, не стесняйся!»

Холодный предрассветный ветер обдул разгоряченную голову Хорна, привел его в чувство. Одежка на нем была ветхая и рваная. Он мгновенно озяб, крупная дрожь родилась где-то внутри организма, принялась сотрясать тело. Усилием воли Хорн придавил озноб, положил монету в пыль у своих ног. Затем достал еще четыре, поместил вокруг первой, центральной. Монеты были разные — прозрачная сердцевина отливала то зеленой, то синевой, то чернотой, то вообще была оранжевая, — но все они имели серебряное ребро, тончайшую окантовку из благородного металла.

Итак, вот они все были перед ним: Генеральный управляющий и четверо из пяти его директоров — Матал, командующий вооруженными силами Эрона, Фенелон, отвечающий за транспорт, Ронхолм, глава Директората торговли, и Душан, которому была доверена безопасность империи.

Все они вживе предстали перед ним: один толстогубый, другой с ввалившимися щеками, третий с хитрыми глазками, последний — с откровенно наглым, надменным лицом. Однако все эти различия не имели никакого значения. Они, все пятеро, были в дальнем родстве. Эта родовая примета называлась жаждой власти. Этот голод ничем нельзя было утолить, разве что приглушить на время.

Хорн достал еще одну монету. У этого кристаллического диска окантовка была золотая. Такую он бросил старику китайцу. Эта монета символизировала Директорат коммуникаций. Наемник тоже поднес ее к глазам, глянул сквозь прозрачную сердцевину на

звезды.

Теперь он различил женское лицо, прекрасное, как утренний цветок, скопивший за ночь каплю росы и вот-вот готовый обронить ее на жаждущую землю. Ее кожа была куда менее золотиста и очень нежна. Не то, что у ее партнеров. Волосы убраны и подвязаны лентой, на которой сиял огромный бриллиант. Красиво изогнутые губы готовы были в любую минуту улыбнуться. За эту улыбку можно было жизнь отдать, положить к ее ногам империю... Однако стоило припомнить гордо вскинутую головку, и становилось ясно, что империи в этом случае будет мало. Ее рыжевато-коричневые глаза, казалось, заглядывали в самую душу, высматривали там что-то, оценивали, взвешивали... Тот ли он мужчина? Не ошиблась ли она в выборе?

— Прекрасная Вендре, — чей-то тихий хриплый голос привел Хорна в чувство. — Вендре Кохлнар, дочь Генерального управляющего...

Хорн испуганно отпрянул, уронил монету, мгновенно выхватил пистолет. Перед ним на коленях стоял съежившийся от страха старик. Он был не вооружен, и не такой уж съежившийся. Совсем наоборот — китаец задумчиво разглядывал наемника. Тот опустил оружие.

— Прекрасная Вендре, — все тем же хриловатым голосом повторил старик. — Наследница всего этого... — Он широким жестом обвел звездное небо, куполом накрывшее пустыню, двух человек, прикорнувших у гранитной стены. Опустившись на пятки, старик теперь уже совсем по-свойски и без всякой хрипотцы добавил: — Если, конечно, она сможет отыскать мужчину, на которого можно положиться, который поможет взять то, что принадлежит ей.

— Исключая только вон то пятнышко, — кивнул Хорн и указал пальцем на созвездие Плеяд — семь маленьких звездочек, расположенных неподалеку от отсвечивающего кровавым светом гиганта Альдебарана. — Эрон завоевал Кварнонскую Лигу, однако удержать ее в покорности — это совсем другое дело.

— Напор империи усиливается, — тихо сказал Ву. — Кое-кто пока может спастись бегством, но волны Эрона доберутся и до них. Сейчас они крушат Плеяды. Когда этот прилив отхлынет, там не останется ничего живого. Только выжженные, мертвые миры...

— Соппротивление пока не подавлено. До тех пор, пока жив Освободитель...

— Ты считаешь, что Эрон не знает об этом? — спросил Ву. — Питер Сэйр был помещен в тюремный терминал на Ванти. Несколько месяцев назад он там скончался. Так, по крайней мере, говорят...

— Умер? — недоверчиво переспросил Хорн. Он вскинул голову и долго-долго смотрел на Плеяды. Сестрички-звезды радостно полыхали в чистом небе. Они вполне обходились без звездных туннелей, сумели построить высокую технологичную цивилизацию. Теперь все это гibly под ударами Эрона. Там был его дом, и в этот предутренний час Алана Хорна впервые посетила мысль, что, возможно, он никогда больше не вернется домой.

Три сотни световых лет отделяли его от родины, когда-то прозванной Стожарами. Шесть часов путешествия в трубе. Эта труба, где бы ты ни воспользовался ею, вела прямо на Эрон. Он неожиданно вздрогнул: неужели он разоблачил себя? Неужели этот старикашка — соглядатай Эрона?

Что со мной?

Хорн неожиданно очнулся, поглядел по сторонам — рядом все тот же старый китаец.

— Спокойной ночи, романтик, — прошептал Ву и исчез. Хорн, словно не сознавая, что делает, как ни в чем не бывало пожал плечами, собрал разложенные в пыли монеты.

Что бы ты ни натворил ради денег, каким бы образом они ни попали в твой карман — все оправдано.

Хорн призадумался, потряс головой — куда же исчез этот старый идиот? — и, не найдя ответа, выхватил револьвер. Но куда стрелять? В кого? Палить по пустыне? Что же это с ним творится? Деньги раскидал, а ведь он их еще не заработал.

Ничего, завтра заработаю...

Из летописи

Цивилизация...

Как и все на свете, она тоже имеет свою цену. И прежде всего человеку приходится расплачиваться свободой. Привилегия, возможность жить вместе, радость общения дорого стоят — человек теряет право делать то, что пожелает. Условности, запреты, писанные и неписанные законы стискивают его. Он вынужден поступать как все, жить как все, думать как все...

Еще более дорогую цену должны заплатить те, кому даруют цивилизованные отношения. В этом случае законы пишут чужаки.

Изобретение звездного моста заложило основы создания межзвездного государства — без него никакая социальная общность на галактических просторах была бы невозможна. Только Эрон владел секретом строительства туннелей, и за свое умение империя брала очень высокую плату. Однако нашлись люди, отказавшиеся платить за все те удобства, которые несла с собой цивилизация и ее символ — империя Эрона. Они выбрали свободу и отвергли чужие дары. Они решили жить в нужде и невзгодах, есть просоленный потом хлеб, но есть его свободными.

Вот почему нашлись смельчаки, которые бежали от цепких объятий Эрона. На ржавых древних кораблях они все дальше и дальше углублялись в свободное пространство, тем самым расширяя сферу экспансии и неизбежно — империи!

В звездном скоплении, когда-то названным землянами созвездием Плеяд или Стожарами, смельчаки прервали бесконечный поход. Им казалось, что они нашли долгожданный приют и надежный кров. Звезды в скоплении располагались не так далеко друг от друга — в самый раз, чтобы торговать и обмениваться информацией, но слишком далеко, чтобы попытаться привести их под единую руку. Со временем эти миры оказались вовлеченными в государственное объединение, напоминающее федерацию. Она была названа Кварнонской Лигой. Человек стал символом этого государства, а не труба.

Шли годы, наконец и до Стожар дотянулась безжалостная рука Эрона. И в этом краю свобода нашла свою смерть. В двух грандиозных битвах империя одержала верх. Как мог Эрон спокойно взирать на гнездо бунтовщиков и свободолюбцев! Ведь их пример мог стать заразительным, к тому же звездные туннели куда выгоднее, чем древние перелеты.

Новости распространяются быстро: от одного мира к другому.

Вот и докатилось последняя весть — мертв Питер Сэйр!

Но как он мог умереть? Ведь это имя — символ. Не более чем звук, слово, оклик. Такое же, как и свобода... Это сочетание звуков не может умереть, не может исчезнуть, если хотя бы один человек верит, что оно имеет смысл.

Глава 3. УЗКИЙ МОСТ

Хорн проснулся мгновенно — как всегда даже не дернулся, как сидел, так и замер. Затаил дыхание, прислушался к себе. Внутреннее чутье подсказало — опасность, опасность!

Он, чуть раздвинув веки, принялся изучать окружающее пространство. Так, пистолет в руке... Теперь можно и голову поднять. Странно, вокруг непроницаемая тишина. Восточный край небосвода заметно посветлел. Потускнели звезды. Нет, опасностью пахло не из пустыни и не с неба. Что-то рядом, совсем близко, было не так.

Он глянул налево, однако в яме еще было темно. Мрачно и тихо, и — что особенно тревожило — пусто. Человек, постоянно играющий с опасностью, живет, порой не обращая внимания на видимый мир. Куда более важное значение имеет его бессознательное видение — именно оно порождает ясный взгляд, способный разглядеть еще только нарождающуюся опасность, — тонкий слух, с помощью которого можно услышать неслышимое. Тут все

имеет значение: и внешний вид такого бродяги, и постоянная готовность встретить вызов, и даже наличие адреналина в крови. Призыв «будь готов» — это как раз для таких, как Хорн. Угроза и опасность никогда не считаются ни с благородством, ни с великодушием. Смерть играет по своим правилам, и они куда как далеки от подобных понятий.

Хорн, преодолевая нитье и сопротивление еще не размявшихся мускулов, опустился на живот и быстро пополз к краю низины. Точно, здесь никого не было. Разве что пепел на месте давно потухшего костра. На ходу Хорн сунул в него палец. Совершенно остыл. Так, и куда же убрались этот самый Ву и его диковинный попугай? Значит, говоришь, и след их простыл? Собрали свои манатки и были таковы?.. Возможно. Но как же он упустил их? Как получилось, что он заснул как убитый? Вот что сильнее всего тревожило его в те минуты. Все то время, что он провел в пустыне, он не позволял себе спать. Такая роскошь была ему не по карману... Все, что он мог себе позволить, это легкая дрема, какое-то пограничье между сном и бодрствованием, при этом он ни на мгновение не отключался от наблюдения за окружающим.

Сон никак не входил в его планы. Чем ближе он приближался к цели, тем суровее относился к себе. Неужели тело не выдержало и взбунтовалось? Этого не может быть — уж кого-кого, а себя он знал. Он еще долго мог пребывать в подобном состоянии. Однако сейчас Хорн чувствовал себя намного свежее, чем после других привалов. Это и тревожило. Неужели этот сон — дело рук Ву? Но это тоже за пределами разумного. Загипнотизировал он его, что ли? Попробовал бы кто-нибудь загипнотизировать Хорна... Стоило посмотреть на такого безрассудного человека.

Пока все эти мысли роились у него в голове, руки наемника машинально занимались своим делом. Он просеял пепел, тщательно обыскал — точнее, прощупал — низину. Никаких следов! В этом вопросе китаец, по-видимому, специалист — исчезать умеет.

Худо! Старик мог оказаться полезным. Хорн был уверен, что он знает тропу, выводящую к вершине горы. Теперь, правда, гневаться бессмысленно, и надо отдать должное, этот самый Ву верно разобрался в обстановке. Он не хотел, чтобы Хорн использовал его в качестве компаса, и тут же исчез.

Как же все-таки одолеть эту проклятую стену? Ждать рассвета и потом, при свете дня, попытаться отыскать проход? Решение хорошее, только оно чем-то не устраивало наемника. Хотелось до наступления утра одолеть последнюю преграду. Кто его знает, возможно, придется потратить целый день, чтобы взобраться наверх. Такого срока у него нет.

Ага, а это что? Следы башмаков? Уже кое-что. Хорн взбежал на край ямы и принялся внимательно изучать найденные следы. Они вели параллельно основанию скальной стены. Хорн рысцой бросился вперед. Через сотню метров остановился, ощупал очередной отпечаток — след свежий. Человек прошел здесь не более часа-полтора назад. Ну, в крайнем случае два часа... Эти отметины в пыли были для Хорна как открытая книга. Вот в этом месте старик переложил чемодан из левой руки в правую. Здесь он остановился, чтобы перевести дух или хлебнуть водички. Через десяток метров он вдруг обнаружил, что человеческие следы исчезли и на земле отпечатались след змеи и цепочка ямок, оставленных пробежавшим кроликом.

Чудеса! С этим стариком определенно надо разобраться.

Скоро он наткнулся на брошенную бутылку. Осторожно поднял ее, прочитал наклейку:

Этиловый спирт, синтетический. Крепость 96%. Разлито отделом по внешним связям Эрона.

Жажда начала беспокоить Хорна. Он взболтнул канистру — там оставалось на самом доньшке, разве что на один глоток, но и это лучше, чем ничего.

Хорн огляделся, постарался определить, куда теперь двигаться, и в этот момент вновь различил следы башмаков. Они появились словно ниоткуда и выглядели заметно свежее. Ву находился уже не в часе, а в нескольких минутах впереди. В подступающих сумерках Хорн позволил себе сделать небольшую передышку, постарался рассмотреть, что там творится впереди. Все то же самое: слева высоченный гранитный уступ, справа подкрашенная

суриком пустыня.

Еще через полсотни шагов следы вдруг оборвались. Здесь начинался гладкий скальный выступ, с которого ветром была сметена всякая пыль. Хорн пробежал вперед — ничего. Вернулся назад, глянул вверх. Все та же отвесная гранитная стена... Попугай может ее одолеть, человек — никогда.

«Спокуха, — сказал он себе, — только без паники. Разуй пошире глаза, развесь уши. Не мог же он испариться...» Как раз это последнее замечание вызвало сомнение — Хорн накрепко запомнил, как Ву этой ночью исчез из поля его зрения. Мало ли, может, просто померещилось... Ищи как следует, досконально обнюхай это место.

Наемник внимательно огляделся. Так, скала — это понятно, у подножия заросли колючника. Что-то он слишком зелен для такой бесплодной и сухой почвы. Даже в глаза шибает его свежая и густая листва. Хорн принялся рассматривать кусты. Некоторые веточки оказались сломаны, кое-где опали листья, словно кто-то сорвал их. Или пробирался сквозь заросли...

Он обошел заросли колючника и сбоку разглядел что-то темное. У самой подошвы чернело неровное отверстие в метр в высоту и около двух третей метра в ширину. Вот чего Хорн всю жизнь не любил, так это туннелей и всяких прочих ям, пещер, схронов. Однако выбора не было. Должно быть, эта нора (или водоток) вела по направлению к Санпорту.

Гладкие камни в норе были влажны, здесь сильно пахло сыростью. Ползти пришлось на коленях, скоро его рваные штаны и мундир заметно намокли. Теперь впереди отчетливо доносилось журчание ручейка. Вода в пустыне большая редкость. Канистра его совсем опустела, в горле драло от мучительной суши. Он активнее заработал ногами, принялся помогать себе руками. Скоро в норе посерело, темнота начала отступать, впереди забрезжил свет. Наконец он выбрался наружу, осторожно выпрямился, прислонился спиной к нависающей над лазом скале. Увиденное поразило его, он никак не ожидал встретить здесь, посреди бесплодной пустыни, такое изобилие красок, в котором отчетливо преобладала зелень. Он едва сдержал возглас изумления — впечатление такое, что он наконец попал в рай.

«Ага, в рай! Как же, — саркастически подумал он, — именно туда! Для того чтобы отдать здесь концы!..»

Хорн продрался сквозь густо разросшуюся у входа в нору зелень. Ощутил аромат свежесорванной травы — от него дурманом заволокло голову. Пришлось переждать несколько мгновений. Наконец выбрался наружу. Вокруг лежала прекрасная земля — зеленые колки, заросли кустарника, открытые лужки, и везде вздымались гранитные останцы и надолбы. От их вида становилось жутко. Тут еще припомнился удаляющийся от него Ву. От этого китайца всего можно было ожидать.

Его привлекло журчание воды. Сопротивляться жажде он не стал, да и не мог — так и пошел на звук плещущей воды, не обращая внимания на впивающиеся в тело колючки. Вот он, неширокий, кристально чистый ручеек... При его появлении стих птичий хор — Хорн несколько минут стоял без движения, разглядывая прозрачные струи, и птицы запели вновь. Потом он торопливо лег на живот и погрузил лицо в воду. Защищало потрескавшиеся губы, он глотнул, сколько мог, потом принялся неторопливо цедить влагу. Спешить было нельзя — это он хорошо усвоил. Понемногу, по чуть-чуть, только так... Он погрузил голову в ручей и сразу почувствовал облегчение. Это было слишком хорошо, чтобы казаться явлю, — он выспался, а теперь напьется вволю. Удача по-прежнему на его стороне, грех не воспользоваться таким удобным случаем! А водица-то! Вкуснее не бывает. Как надоела ему вода, пробивающаяся сквозь слои гипса, — она горчила, чем-то припахивала, а эта сладка, холодна... Он вновь погрузил голову в ручей, а когда поднял ее, почувствовал, что кто-то смотрит на него. Хорн замер, напряглись руки — он подумал о том, как ловчее выхватить пистолет, но прежде неплохо бы взглянуть на того, кто уставился на него. Хорн изобразил на лице добрейшую улыбку и неторопливо поднял голову. На другом берегу сидел кролик и с глуповатым любопытством поглядывал на человека.

Наемник осторожно просунул руку под мышку, нащупал рукоять пистолета, машинально перевел собачку на самый слабый заряд, потом попытался вытащить оружие, и в это мгновение кролик сиганул в кусты. Всего-то один раз прыгнул, а теперь ищи его свисти... Жаль, с едой сорвалось, подумал Хорн, подкрепиться бы не мешало, впереди трудный день. Ладно, еще не вечер...

Вдруг какая-то пернатая тварь вспорхнула из кустов и исчезла возле разрушенной стены.

Все, решил Хорн, идиллия закончилась. Пора в дорогу... Он еще попил, набрал канистру, плотно закрыл ее и рысцей заспешил вперед. Бежал, прикрываясь зарослями, голову старался не высовывать. Наконец добрался до стены, которая преграждала путь вверх. Время давным-давно расправилось с этой искусственной преградой — целые секции рухнули на землю и рассыпались грудой обломков. Выше стены начинался долгий, местами перехваченный осыпями подъем, там смутно чернела какая-то в меру сил спешащая фигурка. Галька сыпалась у нее из-под ног и узкими языками катилась вниз — некоторые камешки добирались до рухнувшей стены. Темное пятнышко кружило над головой одолевающего подъем человека.

Хорн выхватил пистолет.

— Стой! — закричал он.

Его возглас эхом отскочил от разрушенной стены, заметался между скал.

Наёмник поднял оружие, глянул на старика сквозь телескопический прицел. Тот суетливо обернулся, лицо его сразу побелело, глаза широко раскрылись — зрачки оказались черными как ночь. Старик замер в нерешительности. Сквозь оптику он был виден на расстоянии в несколько метров.

Что-то неясное и темное промелькнуло в поле зрения и скрылось в тени за камнем-останцем.

— Стой, тебе говорят! — еще раз выкрикнул Хорн.

Ву неожиданно отвернулся и, отдуваясь, торопливо заспешил вверх по откосу. Перекрестье прицела последовало за ним. Хорн неожиданно почувствовал злобу. Вот глупый старикашка! Он, безусловно, заслуживает смерти. Наемник осторожно потянул за спусковой крючок, но в последнее мгновение чуть отвел ствол в сторону. Пуля вылетела со свистом, ударилась о камень в метре от китайца и срикошетила. В следующую секунду старик исчез в тени за скалой, где только что спрятался его попугай.

Хорн выругался и бросился вперед — начал взбираться по крутому склону, прямо по осыпям, невзирая на то, что мог вызвать обвал. Камни широким потоком покатались вниз к стене. Скоро он добрался до выпиравшего из склона громадного обломка гранитной скалы и тут обнаружил, что за камнем прятался вход в пещеру. Пол здесь был ровный, более того, в нем был проделан закрытый решетками желоб, по которому струилась вода. Удивительно, но туннель вел под уклон, внутрь горы.

Человек осторожно ступил в темноту — успел обратить внимание, что вход неестественно округл. Явно подвергался обработке... Стены тоже были сглажены. Значит, интуиция не подвела его и на этот раз — это был туннель, подземный проход, а не пещера.

Так и есть — очень скоро впереди замаячило смутное светлое пятно. Хорн припустился бегом. «Будь что будет, — решил он, — но я этого старика достану. Очень занятный старикашка, надо с ним разобраться».

Свет впереди заморгал, потом неожиданно потух и через несколько мгновений разгорелся ярче. Через несколько шагов Хорн догадался, что это был факел. Вот и спина китайца замаячила впереди. Ву обернулся и, увидев приближающегося Хорна, выпучил от страха глаза. «Это было занятное зрелище, — усмехнувшись, отметил про себя Хорн, — китаец с выпученными глазами. Никогда не видал ничего подобного. Вон и этот чертов попугай сидит у него на плече. Прелюбопытнейшая парочка!..»

Когда наемник вошел в круг света, старый Ву не выдержал и присел у стены. Оперся спиной, грудь его ходила ходуном. Он поминутно сплевывал на каменный пол. Бисеринки

пота усеяли лоб. Несколько минут он не мог восстановить дыхание, наконец, справившись с одышкой, удивленно бросил:

— Ты — храбрый парень. — Потом помедлил и добавил: — Само по себе это замечательное качество.

Тут же в разговор вступил попугай — брякнул что-то замысловатое:

— О характере можно судить только по исполнению задуманного.

Птица сурово посмотрела на Хорна, в тусклом свете факела ее единственный глаз угрожающе поблескивал.

Хорн глянул на птицу — лицо его было непроницаемо — потом обратился к старику:

— Я же просил тебя этой ночью, чтобы ты указал мне дорогу в Санпорт. Если это тот путь, то давай поднимайся — и потопали.

Ву положил руку на грудь, сказал обиженно-плачущим голосом:

— Моя старая больной парнишка. Твоя гонит меня сломя голову. Нет, серьезно, так нельзя... Кроме того, ты стрелял в меня. Ты мог убить старую китайскую парнишку.

Голос его дрогнул, на лице нарисовалась гримаса ужаса, словно Ву впервые в жизни столкнулся со смертью и вид ее ужаснул его.

— Вполне, — охотно согласился Хорн. — Ладно, поднимайся. Показывай дорогу.

Старик встал, попытался было поднять факел, однако сил не хватило. Тогда Хорн взял его и, несмотря на возражения Ву, подтолкнул его вперед. Тому ничего не оставалось делать, как углубиться в туннель.

— Что это за место? — спросил наемник. — Куда мы попали?

— Поживи подольше — узнаешь побольше. Иной раз мне кажется, — старик уже спокойно выговаривал слова, дыхание восстановилось, — что я зажился на белом свете. Я так много знаю... Когда Санпорт был городом, шумным, процветающим, вся гора была изрезана системой подземных ходов. Как соты... Ныне нижние ярусы оказались затопленными водой. Другие тоже пострадали — сейчас сам увидишь. Вот этот туннель должен вывести нас прямо к вершине.

Хорн очень скоро убедился, что старик говорил правду. Два раза они едва смогли протиснуться сквозь завалы — пришлось пробираться на четвереньках, а то и ползком. Ву опять начал жаловаться на усталость, попытался присесть, отдохнуть, однако Хорн не позволил. Забрал у него помятый железный чемоданчик — тот оказался на удивление тяжелым, — принялся подталкивать сзади. Света факела хватало только на то, чтобы разогнать тьму в пределах нескольких метров. Мрак неохотно расступался перед ними и тут же смыкался позади.

Они долго брели по завалам, время от времени погружаясь в грязь, а то и в ледяную воду, которая копилась в запрудах, перекрывших плоскость подземного прохода.

— Послушай, парень, а ты случаем не дезертир? — неожиданно спросил китаец и тут же сам себе ответил: — Конечно! Как же я сразу не догадался. Интересно, откуда же ты сбежал? Сейчас, сейчас... Как же — ты дезертировал из гвардии Эрона, а сейчас направляешься на праздник посвящения. С оружием. При этом испытываешь явную слабость к созвездию Плеяд. Занятная вырисовывается картина, как ты считаешь?

— Рад, что она тебе по душе, — откликнулся Хорн.

— О, тут есть над чем поразмышлять. У тебя много денег, столько может отвалить только Эрон. Вот и выходит, что ты родом из Плеяд, что ты был в числе тех, кто оборонял федерацию, а потом изменил присяге и поступил на службу в гвардию Эрона. Что явился сюда с какой-то определенной целью, иначе бы ты не рискнул добратся до Земли и сунуться в пустыню. Нормальному человеку это и в голову бы не пришло... К тому же ты так стремишься попасть на праздник посвящения... — Он сделал паузу, потом совсем, на первый взгляд, не к месту добавил: — Но это невозможно. У тебя ничего не получится, ведь ты же не знаешь, что это за праздник, с чем его едят. Никому из широкой публики не известно, как все происходит на самом деле...

— Ты слишком много болтаешь, — прервал его Хорн. Ву неожиданно остановился,

наемник уткнулся в него, заставив старика сделать несколько шагов вперед. Хорн шел дальше, пока у его ног не разверзся широкий провал. От стены до стены, посреди, от одного края до другого переброшена проржавевшая металлическая ферма шириной примерно в полметра. Дно ямы не проглядывалось. Наемник посветил туда факелом — свет увяз во мраке. Тогда Хорн носком скинул в провал несколько камешков. Ждать пришлось долго, наконец снизу донесся плеск воды. Потом Хорн начал изучать ферму, встал на колени, попробовал шевельнуть ее руками — металл был крепок. Ферма и под его весом, когда он встал на самый край, не шелохнулась. Тогда он, не выказывая ни малейшего колебания, быстро перебежал на другую сторону.

Здесь он поставил чемоданчик на каменный вылизанный пол, поднял повыше факел и позвал старика:

— Перебирайся, а то опоздаем?

Лил вспорхнула с плеча старика и, пару раз ударив крыльями, перелетела через провал, сел в нескольких шагах от наемника..

Страх отразился на лице Ву.

— Я — дряхлый старик, — запричитал он, — немощный, больной... Я боюсь, да и не под силу мне такие испытания. Я целый день бежал, не знал покоя, карабкался по скалам.

У меня коленки дрожат, голова кружится. Я всегда боялся высоты.

Хорн проворчал что-то невразумительное, вновь ступил на ржавую ферму, протянул руку. Лил недовольно уставилась на хозяина одним глазом. Тот вдруг запричитал:

— Вернись, дружок. Я сотворил такую глупость!.. Вернись, я постараюсь отыскать для тебя кусочек угля.

Попугай нахохлился и мрачно выговорил:

— Жизнь куда ценнее всех алмазов на свете. — Потом Лил взъерошила хохолок на голове и еще более зловеще добавила: — Может, этот молодой человек рискнет и отыщет алмазы?

Ву от удивления открыл рот:

— Ты что же, решила бросить меня? Подожди, не спеши...

— Ну хватит! — решительно оборвал разговор Хорн. — Старик, не выводите меня из себя, у нас очень мало времени.

— Иду, иду, — тут же согласился старик и, покачиваясь, раскинув для сохранения равновесия руки, ступил на ферму. Потянулся к протянутой руке наемника.

Когда Ву был на полпути, Хорн неожиданно убрал руку и ногой качнул ферму.

Ву не на шутку испугался.

— Что ты делаешь?! — закричал он. — Не надо, не трогай железяку. У меня больное сердце, оно не выдержит.

— Надеюсь, — усмехнулся Хорн, — выдержит. Я решил, что наступил наилучший момент кое-что выяснить промеж нас. Как считаешь? — И он еще раз ногой чуть шевельнул ферму.

— Конечно, конечно, — сразу согласился Ву и прижал руки к груди. — Все надо выяснить раз и навсегда. Говори, говори — все рассказывай. Я тоже тебе поведаю кое о чем. Знаешь, парень, я замечательный рассказчик. Лучший из тех, которых тебе доводилось слышать. Только подожди, пока я не перейду на твою сторону.

— Хватит! — рявкнул Хорн. — Вопросы буду задавать я. Стой на месте, не то сковырнешься в эту яму.

Ву робко продвинулся на сантиметр вперед, Хорн тут же качнул мостик.

— Хорошо, хорошо, — согласился Ву.

— Вот, значит, о чем я хочу поговорить с тобой. Вернее, услышать ответы. Что такое Санпорт и зачем ты направляешься туда? Ты расскажешь мне все, что знаешь об этих туннелях и зеленой долине. О кроликах, которые нежданно-негаданно превращаются в птиц. О следах, которые больше похожи на змеиные. О...

— Не много ли сразу? — перебил его старик. — Спроси о чем-нибудь попроще, и давай

кончать этот сидроль.

— Вот-вот, — обрадованно добавил Хорн, — ты мне расскажешь, что такое сидроль. Еще объяснишь, кто ты такой. Кто такая Лил? Когда я увидел птицу в первый раз, у нее левое око было зрячее, а теперь правое.

— Я все объясню, — простонал старик, — только позволь перейти на твою сторону. Я не могу здесь разговаривать. Того и гляди упаду...

— Не двигайся, — обратился Хорн к попугаю. — Не пытайся выручить своего хозяина, иначе...

В этот момент ферма качнулась под его ногой, наемник едва успел убрать ступню. Следом пронзительно закричал Ву и, взмахнув руками, полетел в провал.

Из летописи

Город солнца!

Санпорт!..

Он, подобно фениксу, восстал из пепла и, когда наступил срок, послал своих сынов к звездам. Город дал им крылья, одарил светом дерзания... Отсюда они вышли в межзвездное пространство и заселили его. Сколько чуждых девственных миров приняли в лоно свое семена, брошенные сыновьями Солнечного города, взрастили их. Когда же пришла пора урожая, сами отправили своих юных детей нести в иные дали искры разума.

Санпорт ждал возвращения своих сыновей, но они не вернулись. Все они нашли в космосе то, что искали. Иные редкую завораживающую сладость, с которой они не в силах были расстаться. Другие неизбывную горечь и вечную борьбу, которая не оставляла времени, чтобы посетить родину.

...Одни утопали в роскоши, другие вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Они менялись и со временем изменили других.

Между тем древний, как сама Земля, одряхлевший Санпорт все ждал. Так, в ожидании, и обратился в пепел.

Наконец они явились. Вернулись победителями, гражданами свободного пространства, и все равно они оставались его детьми. Окрепшими, повзрослевшими, но все еще людьми...

И что-то ожило в золе. Искорка проклюнулась...

Глава 4. ФЕНИКС

В момент падения старика что-то зашевелилось возле ног Хорна, однако он не смог оторвать взор от жуткой пасти провала. Когда же осмотрелся, то обнаружил, что в туннеле он остался один. Они исчезли оба сразу — Ву и Лил. Наемник прислушался — внизу было тихо. Хорн, справившись с оцепенением, перехватил факел и уже более внимательно оглядел мост. В этот момент он и увидел Ву.

Старик висел, обеими руками схватившись за один из уголков фермы. Лицо его было искажено от ужаса, открытый рот подергивался в немом крике. Внезапно он отцепился — Хорн даже вздрогнул от неожиданности — и все так же, с разинутым ртом, шевеля руками и ногами, полетел вниз. Что-то слишком долго падает — эта мысль ударила в сознание Хорна. Тут в свете факела что-то блеснуло. Наемник пригляделся — это же проволока! Она была прикручена к ржавому раскосу, а на другом конце — он еще успел разглядеть это — поблескивал крюк, который был прицеплен к поясу, поддерживающему драные штаны Ву. Вот что удивительно: в том месте, где крюк касался штанов, что-то необычайно ярко освещивало. Скорее, сияло, играя гранями. Словно бриллиант... Пламя было холодным, голубоватым, рассыпающим искры...

Ву между тем все сильнее раскачивался взад и вперед, при этом он потешно дрыгал руками и ногами. Хорн наконец справился с ознобом, охватившим тело, прошел на мост и

оглядел перекладину, к которой была прикручена проволока. На всякий случай потрогал металлическую нить — существует ли она на самом деле, или это очередная шутка старого китайца. Нет, проволока оказалась вещественной, ощутимой, тончайшей и очень холодной. Она крепилась к странному, изготовленному в виде ручки карабину, который, собственно, и был накинута на металлический раскос.

Ву все еще раскачивался вниз, однако теперь он поступал так сознательно. Махи все расширялись, пока он не схватился рукой за выщербленную стену провала. Старик судорожно вцепился в выступающий кирпич, подтянулся, наконец окончательно перебрался на стену. Передохнув, принялся выбираться вверх. Хорн, раскрыв от изумления глаза, наблюдал за ним. Чудеса продолжались, хотя все, что творилось в его присутствии, трудно было назвать чудом. Фокусом? Пожалуй... Но кто мог ожидать подобной прыти от старика? Тот наконец добрался до края провала и с помощью Хорна выбрался наружу. Попугай сел ему на плечо, сложил крылья и церемонно заявил:

— Несчастье закаляет сердца. Мы благодарны тебе. Мой хозяин и я...

Ву отер пот со лба и закивал:

— Конечно, конечно. По всему видно, что ты благородный молодой человек. И к тому же очень храбрый...

— Полюбуйся, полюбуйся на меня, — посоветовал ему Хорн. — И не думай, что стоит тебе закрыть глаза, и я исчезну.

Он поднялся, воткнул факел в трещину в стене — тот отчаянно чадил, — потом вернулся, сел поодаль, достал пистолет и вновь навел его на старика.

— Послушай, дед, — сказал наемник, — я столкнул тебя с моста. У меня рука не дрогнет повторить этот фокус еще раз. Возьму за шиворот и поминай как звали. Потом сверну шею твоей птице...

Ву заметно встревожился и робко предупредил:

— Это будет очень глупо с твоей стороны. Тогда ты не сможешь получить ответы. Мертвые по преимуществу молчат.

— Точно. Но что мне до твоей жизни? Что в ней такого ценного для меня? Поверь, старик, мне глубоко плевать, будешь ты жить или нет.

Ву порывисто вздохнул и опустил голову:

— О, насилие, как ты еще живуче! Ладно, ты припер меня к стене. Правда, Лил? Он нас накрепко припер, не вырвешься. Что мы можем противопоставить силе — ты и я, два несчастных старика?

— Правду, — ответил Хорн, — желательно добавить к ней немного доброжелательности, чтобы мне не пришлось пулять по твоей дубленой коже, старик.

— Как ты считаешь, — неожиданно спросил Ву, — сколько мне лет?

Хорн прищурился, прикинул:

— Семьдесят. Может, восемьдесят? — Потом скептически скривил губы.

— Мне давно уже перевалило за полторы тысячи. Ты можешь представить, что значит это? И все эти годы я ищу покой и никак не могу найти его. Знаешь, как я страстно хочу отдохнуть и в то же время все еще боюсь смерти. Вот так мы с Лил и тянем лямку...

Хорн только глаза сузил, на лице по-прежнему застыло невозмутимое выражение.

— Как и Лил, я — последний сколок своей расы, — продолжал Ву. — Или, точнее, огрызок... Я родился в Сан-Франциско, на Стоктон-стрит. В ту пору люди, подобные мне, были наиболее многочисленным народом на Земле. И самым древним. Но они накрепко вцепились в нашу старушку планету, и в то время как другие устремились к звездам, мы плодились и размножались здесь. Когда погибла Земля, погиб и мой народ. Мне же выпала другая судьба. Я эмигрировал на Марс. В городе Сиртис я завел собственное дело — открыл прачечную, которая, как я уверял своих клиентов, стирала лучше всех в мире. Впрочем, так оно и было... Это при том, что вода на Марсе была ужасная, и качество очень дорого стоило. Дешевле было купить новую пластиковую одежду, чем чистить и стирать старую. Сам понимаешь, я скоро прогорел и поступил коком на небольшой исследовательский корабль.

Его хозяевам жутко повезло — в Поясе астероидов мы наткнулись на Алмазную пещеру. Вообрази, летает в пространстве гигантская глыба в несколько миллиардов тонн весом, а на ней оказалась полость, битком набитая алмазами. Собственники корабля стали обладателями самого большого состояния в истории.

Ву осторожно, на карачках, подполз к своему чемодану и вытащил оттуда бутылку спирта. Глотнул из нее, удовлетворенно крикнул, затем передал емкость Лил. Маленькие раскосые глаза Ву сразу заблестели.

— Представляете, сэр? Настоящие алмазы!.. Нет, вы не понимаете! — огорченно воскликнул Ву. — Алмазы были живые! Карбоновые слои были сдвинуты во время ужасного взрыва. Их мир взорвался, понимаете? Бум — и нет никакого мира, а только горсть гигантских астероидов и камешков помельче. Вот на одном таком небесном теле мы и нашли живые алмазы. В пещере были залежи урана, и долгие годы радиоактивность питала представителей расы, к которой принадлежит Лил. Когда же количество энергии стало уменьшаться, они научились расщеплять отдельные атомы. Когда же уран был использован без остатка, они научились добывать энергию из очень холодных молекул вопреки второму закону термодинамики. Не верите? Но это правда, ведь всякая форма жизни существует в обход второго правила.

Значит, живые алмазы... Однако следует заметить, что существа, одетые в алмазные оболочки, куда более замечательны, чем их драгоценные оболочки. Как вы успели заметить, Лил не попугай. Кстати, это — она. Так называемый псевдоморф из Алмазной пещеры.

Слеза, подобная маленькому драгоценному камню, упала из зрячего глаза Лил.

— Раса, к которой принадлежала Лил, могла многое предложить людям. Их цивилизация насчитывала столько лет, сколько нашей Земле. Но время неумолимо, энергии в пространстве становится все меньше и меньше, и, хотя эти создания практически обладали бессмертием, все же конец наступил. Членам команды корабля нужны были только алмазы. Они заложили в пещеру мину и разнесли все к чертовой матери со всеми живыми существами, миллионы лет проживавшими там. Только Лил спаслась. Я спрятал ее на спасательном космоботе. С тех пор мы не расстаемся.

Тут и птица подала голос.

— Бедная старая Лил, — зарыдала она. — Она осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Ах, ах, ах... Ее народ... они все погибли. Ее мир погиб и теперь позабыт-позаброшен. И ни одного друга во всей вселенной, кроме бедного старого Ву. О, потерянный мир! Прекрасный, совершенный...

Она повесила голову. Все это слишком картинно, решил Хорн и на всякий случай навел на нее пистолет.

— Ш-ш-ш, — подал голос китаец и предупреждающе приложил палец к губам. — Не шевелись: сейчас ты увидишь то, чего ни одна живая душа, кроме меня, не видела.

Пестрый взъерошенный хохолок на голове попугая неожиданно потек, расплылся. Покрытые желтыми перышками ноги сжались и обернулись чем-то похожим на стебелек. Тело птицы словно сбросило все наносное, чуждое и превратилось в ярко блестящий в свете факела бриллиант размером с два кулака взрослого мужчины, соединенных вместе. Яркий блистающий свет теперь исходил от него.

Хорн затаил дыхание.

— Подожди, — прошептал Ву, — не торопись. Сейчас она предстанет в своем подлинном обличье.

По верху сияющего сфероида, крепившегося на стебле, побежали рубцы, и, словно бутон, драгоценный камень расцвел, обернулся подобием играющего всеми цветами радуги цветка. Лепестки — их было шесть — опустились, прикрыли стебель. Все подрагивало, сыпало искрами... Теперь лепестки стали подобны прозрачным мембранам или, точнее, белейшей паутине.

— В подобном состоянии, — шепотом пояснил Ву, — это существо способно принимать любую форму, какую только пожелает. Те следы, что ты видел — кроличьи,

змеиные, — это все Лил. Она же явилась к тебе в виде кролика, рассматривающего тебя с другого берега ручья, потом превратилась в птицу. Это все она...

Хорн невольно выпустил пистолет из руки — тот с шумом нырнул к нему под мышку. Этот звук словно разбудил удивительное создание. Сияние быстро угасло, и перед наемником сидел все тот же с взъерошенными перьями попугай.

Лил опять зарыдала:

— Все ушли, никого не осталось.

— Не надо плакать, Лил, — мягко сказал китаец. Он покопался в кармане. — У меня кое-что сохранилось для тебя. Утешься, я сберег для тебя кусочек. Я выковырял его из булавки этого раздраженного инспектора компании, который хотел засадить нас за решетку за бродяжничество.

Лил тут же перестала плакать, уселась на плечо Ву и осторожно, клювом, взяла маленький, величиной с горошину, бриллиант, который тот держал в толстых скрюченных пальцах. Послышался приглушенный треск и камень исчез.

— Подарок, оставленный на завтра, — благодарно сказала птица, — дороже миллионов, полученных вчера.

Она с благодарностью почесалась клювом о морщинистую щеку Ву:

— Очень вкусный алмазик.

— Лил очень любит углерод, не важно — графит ли, уголек... Но предпочитает все-таки алмазы. Когда у нас были лучшие дни, она их десятками поглощала. Ныне мы опустились до пошлого антрацита.

Хорну наконец удалось справиться с голосом.

— Послушай, — спросил он, — как же тебе удалось прожить столько лет?

— Это все Лил. Ее народ научился многому за то время, что они провели в пещере. Они все извели, обо всем составили понятие, многому научились — как сохранять жизнь, что есть атом. Жизнь, в их понимании, тоже своего рода материальная структура... Но кое-что они забыли. Или, скажем так, разучились делать. Так мы с ней и существуем — она поддерживает мою плоть, а я добываю ей еду.

Он помолчал, потом добавил:

— Мы вынуждены бродяжить. Стоит нам задержаться на одном месте, и указатель Душана сразу определяет наше местоположение. Понимаешь, они знают, кто мы. Наши описания получены после анализа многочисленных случаев хищения бриллиантов. Вот почему мы вынуждены скитаться в отдаленных местах, в пограничье. Путь на Эрон нам заказан... Но здесь так мало хороших камней...

Бродяги, вечные странники, мы посетили сотни миров. Мы так много знаем. Это тоже наводит на подозрения. Ты даже не поленился выхватить пистолет... Люди не любят, когда кто-то заживает на этом свете. Проходит некоторое время, и на меня начинают косо поглядывать, потом и на Лил начинают обращать внимание. Особенно когда она случайно обретает свое собственное тело. Если бы ты знал, сколько раз на нас покушались!

Одно у нас утешение — знать, что наступит завтра. Знаешь, а вдруг нам повезет! Вдруг удастся захватить корабль, найти девственный мир! Когда память обременяет душу, есть только один способ избавиться от этого наказания — обрести наконец одиночество. Много ли нам надо: мне табачок, Лил алмазы. И бутылочку рома для нас обоих.

Наступила тишина, в ней особенно резко прозвучал вопрос, заданный Хорном:

— И это все, ради чего ты собирал все эти богатства? Старик пожал плечами:

— А как бы ты поступил на моем месте?

— Подобные знания открывают перед предприимчивым человеком такие перспективы!.. — задумчиво ответил Хорн. — Можно было бы кое-что сделать для других. Для человечества, например. Нет такой области, где эти знания окажутся бесполезными. Это твой долг...

— Ради чего? — Ву поджал губы. — Чем человечество заслужило такой подарок? Оно упустило свой Шанс, когда его представители взорвали Алмазную пещеру.

— Первородный грех. Что с нас взять, — слабая улыбка появилась на лице Хорна. — Если с нами поступать не торопясь, отложив палку, ничего не навязывая, мы на многое способны. Наилучшую жизнь, например. На разумное отношение к себе подобным... Если вдруг восторжествует тирания, подобная империи Эрона, он, например, может...

— Один — против всей империи? Подумай сам, что ты городишь! — прервал его Ву. — Государства рождаются и гибнут — в этом круговороте нет места состраданию, разуму, предвидению. Человеку, наконец... Здесь всегда господствует сила. Все это свершается помимо воли человека, в становлении империи скрывается какая-то тайна, соизмеримая разве что с прихотью судьбы. Придет время, и Эрон падет! Но ты, скорее всего, уже давным-давно будешь мертв. Даже Лил не дано избежать подобного исхода.

— Сила, говоришь? — пожал плечами Хорн. — Откуда она берется, эта сила? Все, что построено руками, руками может быть разрушено. Нет здесь никакой тайны. Сила — в людях. В массах. Вот открыть им глаза, организовать, вдохнуть в сердца отвагу — это да. Это не каждому по плечу. Но ведь были такие люди! Они же не исчезли... Если действовать разумно, в нужное время, в нужном месте, верным образом, можно сдвинуть и неподъемный камень.

— И быть им раздавленным, — добавил Ву. — Нет, спасибо. Ты думаешь, я не пытался? За всю свою долгую жизнь?.. Даже более отчаянно, чем ты. Что ты видел за свою жизнь, за те несколько лет, что потратил на эту идею? Чем ты рискуешь, что можешь потерять? Только эту свою жизнь — больше у тебя ничего нет. Опасность для тебя — это не более чем игра со смертью, игра без правил. Я уже прошел через все это, эта память обременяет. Она как каркас, обессиливающий душу, лишаящий, как ты выразился, отваги. Я должен сберечь знания, что хранятся во мне.

Хорн ничего не ответил — вытащил факел из расщелины, махнул им, приказывая старику и Лил подниматься и двигаться вперед. Ву испуганно схватил свой чемодан, глянул на Хорна.

— Вы мне не верите, сэр? — робко спросил китаец.

— Ты же не в яме? — вопросом на вопрос ответил Хорн. Что он еще мог ответить. Был момент, когда он принял все сказанное за некую истину. Точнее, за рабочую гипотезу. Этот старикашка может пригодиться. Но тут он одернул себя. Этот рассказ звучал слишком фантастично, чтобы в нем не было доли правды. Такое не выдумаешь, тем более он сам был свидетелем. Но вот сомнение в качественном соотношении лжи и правды заставило его примолкнуть. С этой парочкой еще следовало разобраться. Старик говорил о времени — вот на него и необходимо положиться. Его в этом случае много не потребуется. Века здесь ничего не решают. Дни, в крайнем случае месяцы — другое дело. Так что пока следует попридержаться язычок и вести себя как и прежде.

— Давай пошевеливайся, — с мрачным видом выговорил он. — А то можем опоздать.

— Эх, — в сердцах воскликнул старик, — сколько раз тебе твердить, что твое предприятие более зависит от пригляда судьбы, чем от спешки! Даже если мы бегом побежим.

Хорн не ответил.

Скоро туннель начал расширяться. Наконец они попали в череду огромных, забитых тьмой помещений. Хорн догадался, что это были склады. Их создавали для межпланетной торговли — в ту пору она делала первые шаги. По наклонным пандусам они поднимались все выше и выше. Скоро впереди посветлело, смутным отблеском на стены легло сияние дня. Хорн воткнул факел в стену и осторожно пробрался вперед — за плавным изгибом очередного туннеля отчетливо забрезжил свет. Ясно очертилось устье широкого подземного коридора. Вход почти до верха был забит нанесенной сюда дождями и ветрами грудой мусора. Хорн по стенке, боком приблизился к выходу, некоторое время прислушивался, принюхивался, потом взобрался на преграду. Снаружи вход в туннель надежно прикрывали густо поросшие деревья и заросли можжевельника. Все вокруг было спокойно, на ветвях весело заливались птички. Наемник перевел дух, выбрал удобное место и сквозь прореху в

листве оглядел прилегающую к подземному проходу местность.

Ближе всего были навалены кучи битого камня, сквозь который частоколом торчали длинные изогнутые арматурины. Трава уже заметно одолевала руины. Вот что было замечательно — бродить по этим завалам просто смерти подобно. Эти горы мусора с налету не одолеешь. Этот факт следовало взять на заметку. Тут и Ву успел подойти к нему и коротко объяснил путь, по которому можно выбраться из завалов. Когда они добрались до полуразрушенной стены, китаец ткнул Хорна в бок и указал пальцем:

— Обелиск победы.

Наемник глянул в указанную сторону.

Что-то чудовищное вздымалось в полуденное, пропитанное жаром небо. Как объяснил Ву, памятник был построен на месте причалов, на которых когда-то садились корабли с Марса. С тех пор прошло много лет — граждане

Санпорта при всей их неумной гордыне и мечтать не могли о подобном сооружении.

До обелиска было около километра — точнее, до выполненного в форме куба основания, на которое была надвинута гигантская, из черного камня полусфера высотой в девять сотен метров. Из полусферы торчала теряющаяся в зените колонна. Поверхность ее переливалась всеми цветами радуги. Это было непосильное для непривычных глаз зрелище. На колонну на высоте не менее четырех километров от земли был насажен гигантский серо-стальной, ошетилившийся тысячами шипов шар. Каждое острие отливало густым золотистым тоном.

Ву выпятил нижнюю губу и многозначительно покивал:

— Это и есть Эрон.

— Никогда не видел ничего подобного, — ответил пораженный Хорн.

— То-то, — удовлетворенно сказал старик. — Теперь понял, что к чему? Что есть Эрон?

Хорн ничего не ответил. Он внимательно изучал прилегающую к монументу местность. Большая часть вершины горы представляла из себя огромную, ровно укатанную площадь, отделенную от развалин высоченной бетонной стеной. Вся внутренняя сторона стены была покрыта многоцветными фресками. Противоположный край площади терялся в сероватой дымке.

Старик, пристроившийся рядом, принялся объяснять:

— Санпорт — город великолепный, знаменитый — был построен на руинах другого древнего поселения, которое называлось Денвер. Место оказалось очень удобным, отсюда ближе всего к звездам. Когда-то, подобно Эрону, Санпорт являлся столицей освоенного свободного пространства. Легенда говорит, что некий варварский вождь привел сюда орду и сокрушил Санпорт в зените славы. Таков оказался итог для города, взросшего на насилии и крови. Санпорт получил то, что посеял.

— Эрон тоже должен быть разрушен, — глухо отозвался Хорн.

— Наивный человек, — хихикнул старик. — Разве можно доверять легендам! Банда грабителей и мародеров ворвалась сюда, когда Санпорт был мертв уже несколько веков. Город угас, когда в нем не стало надобности. Варвары сожгли кладбище.

Наемник опять промолчал.

Напротив кубического основания, над которым вздымалась исполинская колонна, была устроена временная платформа — это стало ясно сразу по обилию использованного цветного пластика. Доминантой в украшении этой сцены являлись золотистые тона, которые очень ладно гармонировали с фундаментом, полусферой и вознесенным над землей ежистым шаром. Перед возвышением полукругом размещались трибуны, готовые вместить тысячи зрителей.

Хорну всегда казалось странной — даже чуждой — любовь эронцев к буйному многоцветью. Монотонность они признавали только как контраст к обилию радужных пятен. Вот и теперь раскиданные на задах трибун павильоны слепили глаза переливами красок. Между ними толпились люди — все златокожие. Избранная раса. Победители... Согласно

обычаю, на праздник собралось большинство представителей этой расы и, конечно, вся аристократия. Законные, как они сами называли себя, наследники властителей вселенной, гордые, сильные, надменные. Правда, ни к чему не способные. Изнеженные и ленивые. Их голоса, смех, веселые возгласы, долетавшие до Хорна, будили в нем ярость. Он легко управился с этой страстью — нельзя было поддаваться ослеплению в решающий момент, тем более что правда была на его стороне. Он являлся мстителем за всех униженных и оскорбленных. Так что не волнуйтесь, друзья, рука не дрогнет.

Все они, златокожие, пиявки. Кровососы!.. Сокрушить их — не только акт справедливости, но и несказанное удовольствие. Сейчас пришло время расправиться с одним из них. Пусть так и будет. Пробьет час и для других. Все поработанные миры будут благословлять его, Алана Хорна, за то, что он дерзнул быть первым, за то, что не сложил оружие...

Сами по себе златокожие никакой угрозы не представляют. Угроза заключена в силе, которую им удалось купить. Охранников на площади больше, чем хозяев. Гвардия была выстроена вдоль периметра, усиленные отряды были собраны в ключевых местах — у ворот, у платформы, у павильонов. Цепочка элитных стражей окружила куб и возвышение. Ничего не скажешь, здоровенные ребята, под три метра ростом. Их называют копьеносцами с Денеба.

Этих тоже нечего опасаться: пока они сообразят, что к чему, можно полпустыни отмахать!..

Опасность копилась за пределами площади, где были причалены космические корабли. Прежде всего Хорн внимательно изучил боевые крейсера. Они напоминали исполинские иглы с широкими золотыми полосами на носу и на корме. Длиной в полкилометра, диаметром в сотню метров, они только по сравнению с обелиском казались миниатюрными. Каждый из них мог одолеть, пространство по межзвездной трубе, отсюда и золотые пояса на корпусах. Эти бандажки должны были предохранить звездолеты от касаний стенки туннеля.

Девять боевых кораблей отличались особенно крупными размерами. Поверхность их ярко блестела на солнце. Каждый из них нес на борту двенадцать тридцатидюймовых орудий, способных запустить по спирали двенадцатитонный снаряд. Общий залп мог испарить всю столовую гору. Этих тоже можно не опасаться.

Куда опаснее были мелкокалиберные унитронные пушки, жерла которых были утоплены в особых приямках, выступающих над поверхностью корпусов. Хорн был уверен: их следящие системы непрерывно сканируют все прилегающее пространство как в небесах, так и на земле. Пока вокруг было тихо — видимо, ничего опасного замечено не было.

Кроме этих стражей, в небе и у причалов можно было различить множество других космических средств — от транспортников до прогулочных яхт и катеров.

Хорн невесело усмехнулся — один-единственный маленький пистолет против целой армады. Немыслимое соотношение! Силы куда как не равны, но он и не собирался сражаться с боевой эскадрой. Его задача — выпустить одну маленькую пульку и поразить всего одного человека. Этого вполне достаточно.

Он прикинул, на чем основывался расчет тех, кому доверено обеспечивать безопасность праздничной церемонии. Ясно, что пушку сюда не подтащишь, а действенность стрелкового оружия ограничивается восемьюстами метрами. Они строго следуют инструкциям. Тем лучше. Эронцы сами не знают возможностей изготовленного на их же заводе пистолета. Правда, Хорн сделал там небольшое усовершенствование, но кто о нем знает? Никто.

В этот момент сверху его накрыла тень. Хорн инстинктивно нырнул в заранее высмотренную в завале нору, прикрытую кустами, потом уже глянул вверх. Фантастически огромная туша боевого корабля зависла над ним. Брюхо его переливалось всеми цветами радуги, они волнами ходили по округлой поверхности корпуса. Генераторы унитронного поля работали на полную мощность — это они придавали кораблю подобную невесомость и маневренность.

Неожиданно Ву не выдержал, вскрикнул и вскочил на ноги, намереваясь бежать. Хорн едва успел поймать его, прижать к земле.

— Заткнись и не двигайся! — злым шепотом приказал он. Ву отчаянно колотило, лицо исказила гримаса страха.

— Предки мои, спасите и сохраните меня!.. Корабль чуть продвинулся на сотню метров вперед, затем гигантская корма опустилась и из нее выдвинули посадочные, похожие на широкие полозья опоры. Корабль с их помощью умял под собой руины, потом чуть подвсплыл. Гора дрогнула, когда ее придавила эта чудовищная масса. Хорн невольно вжал голову в мусор, когда же вновь глянул вверх, обнаружил, что корабль висит на прежнем месте. Тревожная мысль мелькнула у него в голове: что, если этот удар завалил вход в туннель? Проверять времени уже не было.

Корабль теперь загораживал половину обзора. С другой стороны, его поле надежно укрывало Хорна от следящих систем. Тут что-то промелькнуло у него перед глазами, и наемник в первый раз обратил внимание, что попугая нет с ними. Следом раздался шум крыльев, и птица, усевшись ему на плечо, доложила:

— Охранников здесь как вшей на ложе бродяги. Однако монстр безмятежен. Человек с ружьем не обращает внимания на муравья, заползшего на его сапог.

Ву плаксиво возразил:

— Человек с ружьем способен озлиться и раздавить муравья. Ты представляешь, что здесь начнется? Они разнесут планету на атомы!..

Хорн даже не повернулся в его сторону. Он достал пистолет, отцепил резиновый шнур, с помощью которого оружие убиралось под мышку. Он привык орудовать и с резинкой, но все-таки в предстоящем деле она могла помешать, а времени более чем на один выстрел у него не будет. Хорн был старый вояка и ловко обращался с оружием. Для начала разрядил его — вытащил зарядное устройство, представляющее набор тончайших, плоских, динодных пластин. Они способны были запастись колоссальное количество энергии. Затем вытащил из рукоятки магазин, рассчитанный на пятьдесят пуль. Все было хорошо смазано, пули свободно поступали в казенник. Ствол тоже был чист и тускло поблескивал в сумраке, копившемся в яме.

Оружие никогда не подводило Хорна, потому что он любил его и умел с ним обращаться. Вот эта пулька, например, будучи выпущенной из ствола, имеет убойную силу древнего артиллерийского снаряда крупного калибра.

Ву никак не мог унять дрожь — и за руки себя хватал, и зубы стискивал. Ничего не помогало. Хорн наконец посмотрел на него. Тот жалко улыбнулся:

— Такое впечатление, что все идет к тому, что ты погубишь себя. Послушай, сэр, не надо пистолета, а-а? Смерть одного человека ничего не решает. Выстрелив, ты первым делом погубишь себя. Выпущенная тобой пуля к тебе же и вернется.

Хорн промолчал. Что он мог ответить? Другие мысли занимали его в тот момент. Они были созвучны мольбам Ву, но выбора уже не было. Он явился сюда, чтобы сделать свою работу, и он ее сделает.

— Человек с ружьем, — неожиданно подала голос Лил, — очень опасный попутчик.

— Ты, как всегда, права, — вздохнул Ву. — Как всегда...

В следующее мгновение старик как-то очень ловко подхватил свой чемоданчик и с неожиданной легкостью бросился наутек. Он одним прыжком одолел невысокую стену. Хорн дернулся, но его руки в тот момент были заняты пистолетом. Наконец он привел оружие в боевую готовность, высунулся из укрытия и повел стволом в сторону шумов и шорохов, производимых беглецом. Было поздно: старик и попугай уже смешались с толпой внизу. Хорн прицелился, но стрелять не решился. У него была возможность выстрелить только раз. Тут наемник усмехнулся — вот какую цену он заплатил за излишнюю доверчивость и мягкость. Поделом! Этот узкоглазый старикашка уже, наверное, докладывает начальнику караула о наемном убийце, затаившемся в кустах.

Что теперь делать? Ничего. Хорн пожал плечами. Что ему остается — только ждать.

Из летописи

Тайну не сохранить... Как ни пытайся!

Природа, казалось бы, надежно хранит свои секреты, но разум сумел проникнуть и в межатомное пространство. Там он нашел ключ к разгадке. Каждый раз, когда перед взором любопытствующего человека начинала маячить очередная загадка, в конце концов он находил пути, чтобы приоткрыть завесу.

Только один секрет стойко держался на протяжении почти тысячи лет.

Сколько храбрецов погибло, пытаясь проникнуть в тайну Эрона! Сколько их было — ученых, шпионов, авантюристов, патриотов, профессионалов и любителей!.. Собственно теория, математическое обоснование, технические детали были изложены в многочисленных научных трудах. Захваченные инженеры и техники могли возвести терминалы, однако соединить пока не удавалось никому, кроме эронцев. Не хватало одной небольшой детали, неуловимой, невесомой. Разгадки...

Есть много способов сохранить тайну, но все они в конце концов представляются ненадежными. Есть только одно верное средство — чтобы разгадку никто не знал. Но это кажется невозможным — секрет межзвездных туннелей существовал. Они плодились, сеть расширялась.

Кто-то ведь должен владеть им! Кто? Главы директоратов? Генеральный управляющий? По крайней мере один из них всегда появлялся в новоиспеченном терминале перед открытием трубы.

В чем же тайна? Где она хранилась? Кто носил ее в своем сознании? Никто не мог сказать наверняка. Эрон умел хранить свои тайны. В этом был смысл. Если люди научатся прокладывать туннели сквозь межзвездное пространство, кто будет платить высокую пошлину за право пользоваться ими?..

Глава 5. НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

Невыносимо медленно тянулись секунды. Хорн все ждал, когда же внизу поднимется тревога, огромные охранники побегут в ту сторону, где он скрывался. Однако на площади все было тихо — точнее, шумно и весело. Разряженный люд разгуливал между павильонами, где, по-видимому, были собраны самые разнообразные развлечения. Рукоятка пистолета впилась в ладонь — Хорн с трудом оторвал ее от вспотевшей ладони, размял пальцы. Потом отважился высунуться из своего укрытия. Тут он и увидел Ву и Лил.

Старик взгромоздился на свой чемодан и неожиданно зычным голосом созывал публику. Орал так, что какие-то фразы отчетливо долетали до Хорна.

— ...короли пространства! Господа инженеры всемогущего Эрона! ...все сюда! Одна из увлекательнейших тайн матушки-Земли. Спешите увидеть невиданное чудо, услышать неслыханное диво!..

Лил покорно сидела у него на плече и время от времени, удерживая равновесие, взмахивала крыльями. При этом птица что-то зорко высматривала в толпе! Поживы у этого псевдопопугая, решил Хорн, здесь вдосталь. Все в толпе были разодеты так, что рябило в глазах. О килограммах и говорить нечего! Каждый из эронцев считал своим долгом украсить бриллиантами цветастые, переливающиеся всевозможными тонами наряды. Меха, шелк, золото — что только не мелькало в толпе!

— ...птица с человеческими мозгами! — продолжал кричать Ву. — Обладающая удивительными математическими способностями... даст верный ответ на самую трудную задачу. Только задайте ей вопрос — и ответ немедленно готов!..

Какая-то матрона в пурпурном, подобном сари, одеянии ткнула усыпанной бриллиантами тростью попугая и что-то — Хорн не расслышал — сказала при этом. Лил

взлетела с плеча и принялась пронзительно выкрикивать:

— Дважды два — четыре! К четырем прибавить четыре будет восемь! Восемь прибавить к восьми...

Ву взмахнул рукой. Попугай тут же замолчал.

Высокий, плотный эронец протолкался вперед и четким, поставленным голосом задал задачу. Судя по украшавшей его тунику большой, усыпанной драгоценными камнями звезде, он являлся офицером космического флота.

— Слушай, тварь. Определи элементы синэргетической кривой унитронного транспортного средства, входящего в бинарную Джи-суб-4 систему под углом в 46 градусов в проекции на плоскость эклиптики. Корабль готовится совершить посадку на планету типа масс-18, орбита которой относится к классу Е-3. Предельное торможение не более 80,8. Планета находится в восьми градусах от предполагаемой точки приземления.

Ву быстро повернулся и принялся что-то шептать попугаю, однако тот не послушал его и, перелетев на плечо пьяненького офицера, заговорил, точно копируя его голос:

— Кривая должна быть подобна типу V, с 18-кратным увеличением фактора е; плюс точка коррекции о-о-де-вять-четыре.

Испуг нарисовался на лице офицера.

— Однако полное решение поставленной задачи невозможно, — продолжил попугай, — так как подобный маневр приземления нельзя назвать разумным. Планета с орбитой Е-3 типа масс-18 в состоянии Джи-суб-4 совершенно не стабильна. Действительно, через четыре часа она должна врезаться в местное светило.

Челюсть у офицера отпала. Несколько мгновений он стоял оцепенев, потом судорожно полез в карман, достал портативный компьютер и лихорадочно принялся набирать цифры. Лил перелетела на плечо к Ву. Хорн улыбнулся, заметив, что крупный алмаз, красовавшийся в центре офицерской звезды, исчез. Ну и парочка!

В этот момент площадь огласили звуки горнов. Многочисленная толпа тут же замерла и, словно странный многоглазый зверь, уставилась на Хорна. Это было жуткое ощущение. Наемник сразу нырнул в свое укрытие и там затаился, сжался в комок. Однако бежали секунды, но ни взбудораженных криков, ни выстрелов, ни отрывистых приказаний не доносилось до него. Он, если сказать откровенно, несколько потерял присутствие духа, однако старая закалка помогла унять расходившееся сердце, успокоить мысли. Чем дальше, тем невыносимее становилось ожидание. Наконец он не выдержал и приподнял голову.

Трубы ревели по-прежнему. Рядовые гвардейцы стелили ковры, которые должны были обозначить пять подходов к временному возвышению. Денебские копьеносцы стронулись с места и попарно, разделившись на пять отрядов, направились к коврам — там, по-видимому, они должны были занять свои посты. Все они были в голубых, украшенных эмалью доспехах. На головах — шлемы, над которыми развевались синие плюмажи. Однако не эти наряды поразили Хорна. Он беззвучно присвистнул, увидев, какими гигантскими шагами шествуют эти разряженные, похожие на истуканов великаны. Между тем над площадью — в метре над каменными плитами — проплывал странный, похожий на торпеду аппарат. Он как раз и привлек внимание толпы. В нем находился какой-то человек. Хорн припал к телескопическому прицелу. Человек был молод, он не спеша вышел из аппарата и строевым шагом направился к платформе. Там он легко взбежал по ступеням и поклонился по очереди на все четыре стороны. Хорн отметил, что парень крепок, мускулы бугрились на руках и груди. Ноги тоже были сильны... Во время поклонов буря аплодисментов пронеслась над площадью.

Он был истинный эронец — рыжеволосый, златокожий, надменный. Он и улыбался с тем же присущим всем эронцам легким презрением к окружающему. Хорн сразу узнал его — это был Ронхолм, глава Директората торговли.

По второй ковровой дорожке — она была зеленого цвета — к возвышению с тем же невозмутимым величием приблизился сухопарый, узоколицый управляющий Директоратом транспорта Фенелон. Глаза были глубоко утоплены в глазницах. На толпу он смотрел с

нескрываемой властью — перед таким повелителем любой склонит голову. Разве что взгляд его неприятно колюч, что-то звериное промелькивало в нем.

Затем церемония пошла быстрее. Следом к началу оранжевой дорожки подплыл аппарат, в котором находился Матал, главнокомандующий вооруженными силами Эрона. Был он невысок, плотен, даже мешковат. Когда же повернулся в сторону Хорна, тот различил жирные, обвисшие щеки, двойной подбородок. В прицел было видно, что Матал просто тает от доставшихся на его долю криков восторга и аплодисментов. Сытое удовлетворение проглядывало в его маленьких заплывших глазках. Жаден и любит поест, решил Хорн.

Теперь пришел черед черному цвету. Этот цвет, по обычаю, символизировал службу безопасности, а в тот день самого Душана. К подножию он добрался на спине громадного, двухметрового в холке охотничьего пса. Зверь был угольного цвета. Ни единого пятнышка... Он подвез хозяина к нижним ступеням лестницы и, когда тот соскользнул с седла, уселся тут же, разинул пасть и высунул язык. Поднимался Душан медленно — толпа в тот момент замерла. Ни единого вскрика, ни хлопка, ни приветственного возгласа. Подобный прием был явно по душе этому темноволосому, сухопарому, высокому человеку. Он казался чужаком среди златокожего народа. Кожа его отливала нездоровой желтизной, не имеющей ничего общего с золотистым тоном, который был характерен для истинных эронцев. Он был силен, этот чужак, как физически, так и в более общем смысле. Этот не знает ни жалости, ни сомнений, отметил про себя Хорн. К тому же похотлив... Его агенты шныряют по всем закоулкам империи. Власть его была скрыта, но приближалась к абсолютной. В том-то и была загвоздка: почему Душан никогда открыто не стремился к верховной власти. Возможно, вся борьба происходила под ковром или были какие-то таинственные обстоятельства, которые изначально запрещали ему получить пост Генерального управляющего.

В этот момент Душан внезапно глянул в сторону Хорна. Тому показалось, что взгляд начальника службы безопасности впился прямо ему в душу. Это было жуткое ощущение, и наемник машинально спрятал оружие, пригнул голову. Не в силах справиться с разгулявшимся сердцем, он замер, ожидая шума, толкотни солдат, посланных захватить его. «Хорошо, если пристрелят, — с тоской подумал Хорн. — Все равно живым я им не дам!» Секунды шли, а на площади все также стоял приглушенный гул, который после паузы перешел в свободный обычный шум толпы. Наемник решил наконец высунуть голову. Тревога оказалась напрасной. Вот что напугало его — солнечный зайчик! Лучик, отразившийся от какого-то стеклышка... Удивительно, неужели старик не выдал его? От подобного благородства на душе стало еще тревожней.

Тут подоспел повод для новой тревоги. Где-то поблизости, вверху и чуть в стороне, что-то отчаянно закричало, потом зашуршало — он опять невольно втянул голову в плечи. Корабль, который все еще висел в сотне метров от него, чуть покачнувшись — оттуда выдвинулся трап, по которому к золотого цвета дорожке спустилась женщина в свободном, того же тона платье. Руки ее были оголены до плеч. Унитронный аппарат ей не понадобился — она добралась до возвышения пешком. Время от времени женщина приветствовала толпу взмахом руки. Это был тонкий расчет — так она собирала куда больше восторженных криков, ликующих возгласов и аплодисментов. Толпа не скупилась на приветствия. Хорн, затаив дыхание, глядел ей в спину. Вот она, Вендре Кохлар, глава Директората, отвечающего за коммуникации, а попросту за создание новых звездных туннелей. Была ли она так же красива, как ее изображение на монете? Хорн загадал: если да, то все, о чем он мечтал, исполнится. Но это невозможно! Такой женщины не может быть на свете.

Вендре поднялась на помост и, вскинув руку, медленно повернулась. Хорн открыл рот, забыл о пистолете — невозможное случилось. Мало сказать, что она была прекрасна. Вендре была обольстительно хороша. Более того, была в ней какая-то разумная — материнская? — сила, которая сразу отличала симпатичную потаскушку от знающей себе цену, умной и приятной во всех отношениях женщины. Была в ней какая-то необъяснимая глубь. Другое

дело, что таилось в этой провальной, манящей красоте — смерть или возрождение, но она была, была...

Гром аплодисментов встретил ее появление на сцене, где должно было разыгаться главное представление праздника. Она склонила голову перед публикой — та же лента, украшенная бриллиантами, поддерживала ее рыжие густые волосы. Когда она выпрямилась, взгляд ее, казалось, коснулся Хорна. Все те же карие глаза... Хорн отвернулся.

Горны вдруг заиграли во всю мощь, на самых высоких тонах. Неожиданно все стихло. Серебристого цвета аппарат подплыл к серебряной ковровой дорожке. Оттуда, поддерживаемый двумя громадного роста гвардейцами в отливающих серебром латах, вышел Генеральный управляющий. Копьеносцы подхватили его под локти и легко отнесли к лестнице, где осторожно поставили на ступеньку.

Хорн испытал недоумение: что творилось с Кохлнарм?

Генеральный управляющий, однако, самостоятельно поднялся на возвышение. Наемник припал к прицелу. Точно, Гарт явно испытывал проблемы со здоровьем — вон как судорожно он вцепился в перила, мелкие бисеринки пота выступили у него на лбу. Батюшки, да у него брови подрисованы! И румянец на щеки наведен... Все равно морщины, обмякшую кожу, бледность, испарину не могла скрыть никакая косметика. Но какое лицо! Какой властный взгляд! Недаром Кохлнар всегда славился железной волей, тонким, расчетливым умом. Как иначе он смог бы столько лет держать в узде эту свору властолюбцев?... Однако всему приходит конец — и Гарту тоже. Его, Хорна, задача — помочь Генеральному управляющему поскорее отойти в мир иной и тем самым освободить место кому-то другому. Кому, это его не касается. Кохлнар разгромил Плеяды — он должен получить свое. Вот и все, что ему следовало знать. Конечно, если все произойдет, как задумано, это будет серьезным потрясением для компании, а значит, и для Эрона. Демон раздора будет выпущен из бутылки. Хорн всегда считал, что то, что плохо для Эрона, хорошо для Плеяд, а значит, и для него, Хорна. Игра, на первый взгляд, незамысловатая, однако смертельно опасная, и Алан не надеялся сохранить голову. Разве что повезет... Но сколько ему может везти? Он прикинул: благополучно пересек пустыню — это было трудно, но в принципе возможно; затем повстречал старого придурка китайца — тоже, считай, улыбка судьбы. Окидывая внутренним взором пройденный путь, Хорн ясно осознавал, что без старика и его удивительного пернатого псевдоморфа он бы никогда не добрался до обелиска в честь победы, никогда бы не занял такую удобную позицию для стрельбы. Подобное везение уже никак нельзя было отнести к игре случая, и как бы китаец ни прикидывался, что только под угрозой оружия помогает Хорну, все-таки в этом приключении угадывался некий тайный подтекст. Или умысел?... С этим стоило разобраться. Но не сейчас... В эти минуты ему следует подыграть этому таинственному «подтексту» и пухнуть точно в цель. Ну, за этим дело не станет. Вся эта круговерть была захватывающе интересна, выжить в ней представлялось совершенно невозможным, но попробовать стоило, и это придавало жизни особый аромат. Кто-то, наверное, сочтет его неисправимым глупцом, но без подобной солицы жизнь, в общем-то, была не в радость.

Судьба играет с человеком... Хорн усмехнулся, глядя на седовласого, пытающегося сохранить достоинство и власть человека. В минуты триумфа, на вершине славы, в присутствии героических руин, попирая стопой тысячелетнюю историю человечества, ощущая себя завершителем его истории, хозяином галактики, удивительно чувствовать, что твой час пробил, — это может свести с ума. Как ни цепляйся за жизнь, как ни сокрушай звезды, что ни предпринимай, но удержать под своей властью это обрюзгшее, обессилившее тело он уже не в состоянии. Тоже своего рода шутка...

Между тем главы директоров рассаживались по отведенным им креслам. Устраивались они спиной к публике и лицом к исполинскому монументу. Кохлнар, с трудом опустившись на сиденье, судорожно вцепился в подлокотники. У него даже пальцы побелели от натуги... То-то удивился Хорн, когда его голос — мощный, ровный, подчеркнuto молодцеватый, чуть подрагивающий от волнения — вдруг зазвучал над площадью.

— Граждане Эрона! — объявил Генеральный управляющий. — Сыновья Земли!.. Мы собрались здесь для того, чтобы в первую очередь отпраздновать победу человеческого духа. Не Эрона, — нет! Но величие и нестигаемость существа, которое когда-то появилось на этой планете и, преодолев все трудности и лишения, не только шагнуло к звездам, но и простерло над ними свою длань. В истории человечества было множество сражений. Кто только не выходил на поле брани, чтобы решить для себя вопрос — быть или не быть! Все было — и победы, и поражения, но чем шире шагал человек, тем быстрее забывались эти битвы. Уходили в тень племена, народы, государства, империи... Одно только оставалось нетленным — дух! Его победы, торжество света над тьмой, по сути, и составили летопись, по которой можно судить, как далеко ушел человек от первобытного состояния. Вот для чего мы сегодня собрались здесь!.. Чтобы отпраздновать очередную славную страницу в этом своде, которую мы заполнили собственными руками. Чтобы оценить величие, достигнутое нами, позвольте сначала вернуться к истокам.

Он сделал паузу, незаметно перевел дыхание. Кое-как справившись с одолевающим бессилием, он нажал кнопку на пульте, вделанном в подлокотник кресла. Черная полусфера быстро обрела пронзительную ясную глубину, в которой обозначилась обширная область свободного пространства: мириады звезд, сведенных в многочисленные галактики, облака межзвездного газа, истекающие светом и совершенно непрозрачные. Как мог судить Хорн, перед зрителями предстала начальная стадия создания вселенной. Изображение было трехмерным, потрясающе живым...

Неожиданно из глубины космоса на зрителей надвинулась обширная спиралевидная галактика. Ее рукава широко раскинулись в прозрачной угольной мгле. Чуть ниже, ближе к левому краю сцены, предстала главная звездная последовательность, заполненная изображениями настоящих звезд. Тут же были приведены основные данные эволюции светил. Между тем в первобытном космосе сжимались красные гиганты, взрывались новые и сверхновые звезды, сгустки космической пыли конденсировались в планеты. Одна из них, входящая в систему, рождающуюся в окрестностях желтой звезды, выдвинулась на первый план. Это была Земля. На противоположной стороне изображения точно такие же изменения происходили еще с одной планетой. С Эроном, догадался Хорн.

— Вот он, вектор развития, — над площадью вновь раздался голос Кохлнара. — От хаоса к упорядоченности и затем к живым формам.

Он нажал еще одну кнопку, и треть объема, к удивлению Хорна, как бы выдвинулась вперед. Здесь поплыли уже совершенно другие картины: Земля в своем изначальном состоянии, затем первобытный океан, гигантские монстры, выползающие на берег подсохшей суши. Тропические, пропитанные влагой леса. Наконец, пещерные люди, собравшиеся у груды хвороста. Один из них с помощью кремня пытается добыть огонь. Вот первая искра упала на сухой трут, легкой струйкой потянулся вверх дымок, и следом робкий язычок пламени сверкнул в темноте. Картины начали сменяться, как в калейдоскопе. Вот древние охотники гонят мамонта к яме-ловушке, бородатые пахари ковыряют землю деревянной сохой, собирают хилый урожай, следом по пыльным дорогам замаршировали римские легионы. Конница кочевников, широко раскинувшись по полю, пошла в атаку на строй рыцарей. Империи рождались и гибли, кровь лилась рекой, катаклизмы сотрясали землю, воды океана шли штормом на твердь, но сквозь все эти ужасы ясно проступало постепенно изменявшееся лицо человека. Густая, лохматая борода сменилась аккуратно подстриженной бородкой, затем совсем гладкое лицо явилось перед зрителями. Наконец человеческий облик растворился и на его месте предстали башни Санпорта, устремленные ввысь, а справа возник образ человека, который, по преданиям, был прародителем златокожего народа. Это был Рой Келон. Он стоял у створки, прикрывавшей вход в первый межзвездный туннель.

— Ради этого, — провозгласил Кохлнар, — человек страдал, терпел невзгоды, упорно трудился.

Он нажал на следующую кнопку. Теперь в прозрачном объеме открылся вид на другую

планету. Хорн сразу узнал ее.

Эрон... Его ни с чем не спутаешь. Вращающийся в космосе шар был похож на утыканную остриями сферу, которая была вознесена вверх, в самую зыбкую голубизну. Только если на модели шар казался ошетилившимся ежом, то в натуральном изображении золотые нити, исходящие от Эрона, тянулись во все стороны далеко в глубь свободного пространства. Здесь они начинались и, по существу, оканчивались. Самые дальние уголки империи были связаны только с Эроном. Красные гиганты, массивные сверхгиганты, белые карлики и тусклые красные, бело-голубые, белые, желтые звезды — все они были увязаны в плотную сеть с центром в Эроне. Самая толстая труба, одолевшая галактические просторы, вонзилась в сердце исполинского Канопуса.

«Действительно паук, — вздохнул Хорн. — Без конца плетет и плетет свою паутину. А то затаится и ждет, откуда докатится легкое шевеление? Где появилась новая жертва?»

Златокожие, собравшиеся на площади, дружно скандировали: «Эрон! Эрон!» Их ликующие выкрики эхом отражались от ближайших холмов.

— Да, Эрон! — тоже воскликнул Кохлнар. Его ревуший голос перекрыл ликующие возгласы толпы. — Но прежде всего — человек! Вот наша величайшая ценность. За нее мы идем в бой. Мы сражаемся за то, чего ему удалось добиться, — за межзвездную цивилизацию. Да здравствует Эрон!.. Именно здесь человек подошел к пику своей эволюции. Здесь он создал культуру, которая не знает себе равных на расстоянии в пятьсот световых лет от нашей родины. Всего этого человечество смогло добиться только благодаря Эрону. Вот она, недавняя в этом ряду победа Эрона. И, надеюсь, далеко не последняя...

Он еще раз нажал на кнопку.

В прозрачном объеме возникло изображение созвездия Плеяд. Следом возникло широкое поле, за пределами которого были видны еще дымящиеся руины последнего оплота обороняющихся. Падение Кварнона-4 все присутствующие на площади встретили приветственным гулом. Теперь на том же поле появился маленький плотный человек, который стоял на коленях перед высоким, казавшимся непобедимым Кохлнаром. Пленником был Питер Сэйр. Он, опустив голову, рассматривал акт о капитуляции, который протянул ему Генеральный управляющий. Позади Сэйра, также на коленях, выстроенные по подразделениям, стояли пленные. На заднем плане просматривались многочисленные заводы, на которых день и ночь трудились рабы. Над ними кружили черные, окантованные на носу и корме золотыми ободьями боевые крейсера Эрона.

— Победа! — еще раз провозгласил Кохлнар. — Но не ради Эрона. Ради человека! Тот, кто выбрал Эрон, выбрал не империю, не насилие, но великую будущность, которая предстоит человеку. Вот каков наш ответ на вызов злобных врагов, обстоятельств и самого космоса! Эрон воплощает общечеловеческое стремление распространиться дальше и выше, стать сильнее! Наша цель — объединить звезды, в этом мы видим нашу главную задачу. Вот в чем заключается миссия Эрона, вот что придает нам силу. Мы пришли и взяли то, что принадлежит нам по праву. Это наше, — он театрально указал пальцем на изображение, — наследство. Теперь в честь такого торжественного для всех нас дня позвольте мне открыть только что проложенный межзвездный туннель, соединивший две самых дорогих для нас планеты — Эрон и Землю.

Кохлнар с трудом поднялся и шагнул вперед, в сторону ближайших к обелиску перил. Тут же поднялась Вендре, обняла его, помогла подойти поближе. Душан и Матал сопровождали Генерального управляющего справа, а Фенелон и Ронхолм слева. Наконец Кохлнар добрался до искусно украшенной резьбой ручки, воткнутой в также богато украшенный приборный щиток, и положил на него дрожащую руку. Сверху ее прикрыла Вендре, потом все остальные директора.

Тишина стояла такая, что слышен был зуд неугомонных насекомых. В следующее мгновение хозяева Эрона опустили ручку, и из ничего в мгновение ока из восточной грани черного куба выпорхнуло золотистое продолговатое свечение, тут же оформилось в блещущий бледным золотом цилиндр, который распространился в голубом небе. Труба была

в диаметре около сотни метров — так решил Хорн, сравнив ее размеры с диаметрами корпусов причаленных поблизости кораблей. Хорн проводил туннель взглядом — вот он пересек расстояние почти в тридцать световых лет и уперся в приемную станцию на Эроне.

Земля и Эрон оказались связаны во второй раз, однако на этот раз пуповина была слишком обременительна для старушки-Земли, когда-то породившей такое ненасытное дитя, каким оказался Эрон. Не для того, чтобы возродить планету, напоить ее высохшие земли-груды живительной влагой, был проложен этот туннель, а совсем наоборот. Хорн горько усмехнулся. Видимо, у этого ненасытного кровопийцы Эрона возникла какая-то надобность в матушке-Земле, вот он и впился острыми зубками в ее ссохшееся тело. С него станется... По крайней мере, все те миры, к которым были протянуты подобные трубы, очень скоро приходили в упадок.

Удивительно, подумал Хорн, как иногда сила превращается в слабость. Будучи сильнее всех в обитаемой части вселенной, Эрон тем не менее оказался самым зависимым от других миров. Стоит прервать несколько туннелей, как он задохнется, в системе начнутся сбои, она пойдет в разнос... Но как организовать подобную аварию? Этого никто не может сказать.

«И все же, — вздохнул Хорн, — надо отдать им должное. Эта труба — великолепное зрелище. Красивее не бывает...»

Он долго разглядывал золотистый цилиндр, пронзивший небо. Паривший в синеве кобчик нечаянно коснулся стенки цилиндра и, вспыхнув ярким факелом, пал на землю. Затем Хорн обратил внимание на часто посверкивающие искорки — это насекомые ударялись о сотворенное человеческими руками чудо.

Вот, что значит труба — мертвящая красота. Губящая все живое... Это было символично. Хорн усмехнулся. Радость для Эрона. Жуткая игрушка для жадного, гадкого мальчишки. Эх, дать бы ему по рукам!..

В этот момент он заметил, как денебские гвардейцы бросились к выходу с трибуны. Там поднялась суматоха. Хорн разглядел в прицел отбивающегося старика китайца, которого тащили под руки два великана. Ву судорожно вцепился в свой помятый чемоданчик. Лил не было видно, разве что сзади, на шее у Ву, посвечивал большой красный карбункул.

Хорн понимающе усмехнулся: до чего же хитрый старикашка! Вовремя сообразил, что мелкий воришка, которого посадили под замок, никак не может быть наемным убийцей. Он вновь перевел видоискатель прицела на возвышение. Высшие руководители Эрона подошли к самому краю платформы, чтобы поприветствовать публику. Толпа бурно выражала свой восторг.

Словно знак судьбы, по их лицам двигалось перекрестье прицела.

Вот молодой, насквозь отравленный гордыней Ронхолм. Его лицо покраснелось, он не может и не желает скрывать удовольствие, которое доставляют ему крики собравшихся.

Тошечу, сардонически усмехающемуся Фенелону глубоко плевать на эту бурю восторга. Он презрительно, даже несколько сожалея, посматривал на зрителей, подбегавших к тому месту, где собрались вожди.

Сияюще-прекрасная Вендре Кохлнар — ее, казалось, заботило только состояние отца. Тому с трудом удавалось высоко держать голову. Губы Генерального управляющего были растянуты в натужной улыбке, пот обильно выступил на лбу.

Словно глыба, неподвижно нависал над толпой Душан. Взгляд у него и в эти минуты торжества был по-полицейски пытлив и испытующ. Он как бы молча составлял реестр тех, кто, по его мнению, недостаточно активно приветствовал руководство компании, в ком испытываемый восторг в какой-то мере смешан с ленцой и скепсисом.

Наконец, жирный, коротконогий Матал. Этого, по-видимому, заботило только одно — чтобы число достававшихся на его долю изъявлений восторга было не меньше, чем у глав других директоратов. Его маленькие глазки пытливо перебегали с одного края площади на другой, как будто вели учет выплескиваемого энтузиазма.

Который из них? Это был праздный вопрос. Тот, за которого заплатили, для этого он и явился сюда. Но почему именно этого — вот что все время мучило Хорна. Он никак не мог

решить эту шараду. Ясно, что его используют только в качестве орудия, которому, в общем-то, ни к чему задаваться подобными вопросами. Сделал дело — гуляй смело. Загвоздка была в другом: не уберут ли его сразу после того, как он нажмет на спусковой крючок? Исходя из этого, ему казалось очень важным знать, почему именно дряхлого, стоявшего одной ногой в могиле старика кому-то пришло в голову убрать. Суть заговора оставалась непонятной, а это внушало серьезные опасения за свою собственную судьбу. Конечно, те, кто заказывал убийство, вполне могли рассчитывать, что ему не уйти от службы безопасности. Но в этом случае они не могли ожидать, что он будет хранить молчание, пусть даже ниточка, ведущая вглубь, оборвется на нем. В любом случае это будет считаться заговором, а это уже куда более серьезное дело, чем преступление фанатика-одиночки, решившего отомстить за разгром Кварнона-4. Вот это да! Интересная мысль мелькнула в голове Хорна. А может, на том и строился весь расчет и, поймав его, он именно в таком образе будет представлен публике? Тогда выходит, что заказчики таятся где-то совсем рядом с Кохлнар... Уж не сам ли Душан? С него станется.

Хорн лихорадочно обдумывал ситуацию. Если его догадка верна, то он будет нужен молодцам из службы безопасности только живым. Иначе никак не сохранить честь Эрона. Этот момент очень важен. Ладно, решил он, будем посмотреть, но сначала ухлопаем старикашку. Деньги взял, значит, стреляй! Перекрестье замерло на левой стороне груди Кохлнара. Хорн большим пальцем подкрутил колесико и совместил штрих на нем с отметкой, определяющей условия стрельбы в плотной атмосфере. Потом еще раз глянул через прицел. Пистолет, упертый в стену, был неподвижен. Кохлнар, казалось, разгуливал в нескольких метрах от него. Символ несокрушимости империи, не ведая о том, ждал исполнения казни.

Хорн не спеша нажал на курок. Выстрела он не слышал — только короткое шипение, да оружие чуть подбросило вверх. Наемник опять припал к прицелу. Несколько мгновений Генеральный управляющий стоял как ни в чем не бывало, разве что удивление постепенно проступало у него на лице. Затем он, как-то нелепо согнувшись, рухнул на забранный коврами помост.

Из летописи

Полеты к звездам...

Это было странное, горячее время, начавшееся сразу после падения межпланетной цивилизации. Казалось, силой неодолимого мощного взрыва людей раскидало по межзвездному пространству. Семена земной цивилизации были разбросаны в сфере диаметром несколько сотен световых лет. Жуткая была пора, полная борьбы и трудов, насилия и героизма.

Свершения тех лет теперь кажутся немыслимыми, лежащими за пределами человеческих сил, поэтому, может быть, вернувшихся со звезд — таких, как Рой Келон, — считали полубогами. Такие люди составили пантеон новой мифологии.

Вернувшиеся из странствий несли на себе и явные признаки эволюционных изменений. Долгие годы в повышенном поле радиации, чуждые миры, десятилетия одиночества отразились на их телах и сознании. На Земле они действительно казались людьми сверхъестественными, хотя трезвые головы после многочисленных исследований утверждали, что все изменения не более чем обычные отклонения от нормы. Пока, объясняли они, рано говорить о появлении сверхчеловека. Даже великаны с Денеба являлись просто разновидностью *homo sapiens*.

Даже златокожие с Эрона! Они рождались, проживали свой век, любили, производили потомство, как и все остальное человечество. Глупо утверждать свое превосходство на основании особой пигментации кожи и цвета волос.

Так, с веками, все больше и больше тревожил человечество вопрос: кого же можно

назвать сверхчеловеком?

Златокожие знали ответ...

Глава 6. БЕГСТВО

Хорн, затаив дыхание, наблюдал за происходящим на помосте. На площади наступила гробовая тишина — она длилась совсем недолго, пока Вендре, встав на колени и припав к телу отца, не подняла заплаканное лицо...

Затем начался хаос!

Главы директоров отшатнулись от убитого, только Вендре по-прежнему сжимала в руках его голову. Неожиданно она бросила взгляд в сторону, откуда, по ее расчетам, могла прилететь пуля. Хорн сразу убрал пистолет, сунул его под мышку. Его удивлению не было предела. Во взгляде женщины он прочитал благодарность!.. Однако теперь было не до сантиментов. Группы гвардейцев уже шустро двигались в ту сторону, где, по прикидкам, мог скрываться снайпер. Денебские копьеносцы тут же окружили на помосте правителей Эрона, прикрыв их своими телами. Последнее, что успел разглядеть Хорн, — это неподвижное тело гигантского черного пса, на котором приехал Душан. По-видимому, пуля, пронзив грудь Кохлара, угодила в собаку.

В этот момент над площадью прозвучал громовой голос. «Это голос Душана», — сразу определил Хорн.

Тот вкратце и точно обрисовал случившееся, потом отдал распоряжения. Всем оставаться на своих местах, всякое движение запрещено. Двигаться позволено только гвардейцам и сотрудникам службы безопасности. Все они должны немедленно собраться у подножия монумента и поступить в распоряжение своих командиров. Катера, до сих пор безмятежно летавшие в воздушном океане, начали суетливо нырять к причальным шлюзам крейсеров и транспортников, к которым были приписаны. Кое-какие боевые корабли начали лениво всплывать в чистое небо. Группы гвардейцев, работая быстро и слаженно, принялись охватывать кольцом площадь. Поисковые отряды бросились в прилегавшие руины. Те же гвардейцы, что направлялись в сторону Хорна, уже добрались до опущенного трапа, ведущего на борт корабля, с которого спустилась Вендре.

— Генеральный управляющий мертв, — спокойно произнес Душан. Голос его прогремел над всей округой.

Только теперь до Хорна окончательно дошло, что он сделал. Все досужие рассуждения испарились сами собой. Он вдребезги разбил символ крепости Эрона — представителя его верховной власти. Он поднял руку на святое. Он, Хорн, посягнул на всеисие и безнаказанность, которым поклонялись златокожие. Он убил в них веру и надежду... За это его ждало суровое и неотвратимое наказание.

Психологический фактор также важен для спокойствия империи, как и технические атрибуты — количество боевых кораблей, заметное превосходство в вооружении. Всего этого у Эрона было вдоволь. Если прибавить к этому списку межзвездные туннели, то превосходство становилось подавляющим. Собственно, все это давало златокожему народу уверенность в завтрашнем дне. Всякий мятеж, вспыхивающий то на одном, то на другом конце галактики, безжалостно подавлялся. Эрон был способен в течение нескольких часов сокрушить любой мир. Вот только чего он не мог себе позволить — это оставить безнаказанным государственное преступление. Стоило дать послабление в единственном случае, и им уже не будет конца. Подобный либерализм в условиях, когда Эрон ничего не производил сам и все поступало к нему через звездные трубы, был недопустим.

Власть Эрона основывалась на мифе о всемогуществе этого государства-монстра. Все было в пределах его досягаемости — бунтующая планета в далекой галактике, мятежные мысли в головах рабов. Эта узда держала в повиновении куда крепче, чем унитронные орудия и служба безопасности. Эрон не может испытать горечи поражения — и он не знал неудач. От победы к победе, все вперед и вперед — таков был девиз империи. Естественно,

даже маленькая, пусть случайная неудача должна была заставить задуматься миллиарды подданных, которые работали на небольшую в общем-то горстку златокожих. Тем более покушение на главу государства!

Таким образом, этот террористический акт приобретал неслыханную политическую остроту, а Алан Хорн помимо своей воли стал преступником номер один на всем протяжении Млечного Пути и соседних галактик.

Хорошенькое дельце, вздохнул он. Точнее, дерьмовенькое!.. Если бы жажда мести и гнев толкали эронцев на поиски преступника — это было бы полбеды. Страсти со временем улягутся, по инстанциям может пойти удобоваримая для вышестоящего руководства информация. Когда же поиски преступника превращаются в политическую, первостепенной важности проблему — пиши пропало. Рано или поздно найдут. Тут писульками не отделаешься — его будут искать вечно, целенаправленно, шаг за шагом. Конечно, найдут, куда он денется. Может, лучше сразу, сейчас, вот здесь? В этой паршивой яме?.. Найдут труп, опознают, объявят во всеуслышание, что преступник не смог вынести тяжести содеянного и покарал себя сам. Это был бы для них наилучший исход. Вот как могуч Эрон, что даже закоренелый негодяй, каким является террорист, посмевавшийся покуситься на главу государства, осознав содеянное, наложил на себя руки. Для их пропаганды лучшего случая не найти.

Хорн облизнул губы — ну, попал в положение!.. Ладно, пора сматываться. Для начала будет лучше, если он не сразу попадет в лапы этих доблестных гвардейцев. Интересно, сколько они будут искать вход в туннель? Думается, недолго, но и эти несколько минут — хорошая фора. Хорн пополз через кусты, потом, согнувшись в три погибели, добрался до щели, ведущей в подземелье. На мгновение прикинул — может, стоит замаскировать устье, потом решил, что это напрасная трата времени.

В темноту он бросился неторопливой рысью — ориентировался на подрагивающий свет факела, который воткнул в стену. Дальше помчался с факелом в руках. Вернее, побежал в среднем темпе, при котором мог одолеть значительное расстояние. Когда ноги вступают в соревнование с межзвездными крейсерами, спешка ни к чему. Ему еще надо будет пустыню одолеть, а это испытание потруднее, чем бег по темным пустынным туннелям. Легко было рассуждать на эту тему, но стоило Алану услышать позади себя какой-то неясный шум — ему даже крики почудились, будто гвардейцы нашли вход в туннель, — как он не выдержал и припустился во всю прыть. Страх подгонял его, безмерный, панический...

Только через некоторое время он обнаружил, что туннель что-то слишком резко идет под уклон. Он остановился, перевел дух, огляделся. Неужели он попал не в тот туннель? Он заблудился?.. Хорн еще немного прошел вперед и уткнулся в озерко, заполненное черной стоячей водой. Такого препятствия он не мог припомнить. Точно, заплутал! Поддался страху, бросился сломя голову — и заблудился!..

Он повернул назад. В первом складском помещении он попытался точно воссоздать в памяти путь, по которому они добрались сюда. Где-то здесь у входа в разыскиваемый туннель должен валяться большой булыжник. Вот он! Теперь большой завал, за которым прятался вход в нужный проход. Он повеселел, не пожалел нескольких секунд, чтобы заложить камнями узкий лаз за собой. В этот момент факел мигнул и погас. Дальше Хорн бежал в полной темноте, непонятно зачем сжимая в руке потухшую головешку. Наконец способность ощущать опасность вернулась к нему, он начал различать посторонние звуки. И вовремя! Едва слышимая редкая капель окончательно отрезвила его. Где-то впереди должен быть провал, через который перекинута ферма. Стоп, сейчас самое время вновь зажечь факел. Так и есть — в нескольких метрах впереди широкой-, набитой мраком пастью чернел провал. Ноги у Хорна мгновенно ослабли, он несколько секунд с места не мог сдвинуться. Он заставил себя шагнуть вперед, наступить на край металлической фермы, перекинутой через провал. Всего несколько часов назад он с легкостью пробежал по ней... А сейчас никак не мог заставить себя сделать еще один шаг. Вспомнил Ву, ужас, отразившийся на лице китайца, когда он начал раскачивать узкий мосток. Что же с ним, с бесстрашным Хорном,

произошло? Ответ был ясен: этим утром, направляясь на праздник, он не ведал, что такое страх, а теперь это чувство обрело реальные очертания. Он знал, что спасения нет. Знал, что ждет его в случае, если попадет в руки ребят из службы безопасности... Это знание обременяло, камнем висело на ногах. Вот и сердце до сих пор не может успокоиться, не может восстановиться дыхание, руки подрагивают. О ногах лучше не вспоминать...

«А за спиной, — Хорн нашел в себе силы усмехнуться, — смерть. Впереди — неизвестность. Передо мной — провал, где до дна очень далеко. Выбирай!» Он собрался с силами и, стиснув зубы, не глядя под ноги, перебрался на другой край. Здесь уже не мог сдержать рвущийся из груди ужас. Паника вновь охватила его — он сломя голову бросился бежать. Успокоило его легкое зыбкое мерцание, открывшееся впереди. Дневной свет — вот что мгновенно и напрочь избавило от страха. Прежние хладнокровие и сметка вернулись к нему. Он не торопясь затушил факел, затем спрятал его — зачем, не смог бы объяснить. Так, для порядка...

Долго он сидел перед выходом из туннеля — прислушивался, приглядывался, принюхивался. Вокруг все было спокойно. Сердце билось ровно, в руках ощущалась прежняя сила. Он сидел, приглядывался к пустыне и все раздумывал, что же случилось с ним в подземелье. Словно он был не он. Теперь все вернулось на круги своя.

Перед ним сразу за зарослями колючника открывалась небольшая зеленая долина, половина ее скрывалась в красноватой пыли. Солнечный круг уже почти касался вершин выступающих скал — еще немного, и светило уйдет на покой. Наступит ночь. Это его время. Хочешь не хочешь, но он должен пересечь пустыню за одну ночь. Другого шанса не будет. Итак, если прежде пустыня была ему врагом, то теперь — по крайней мере, на эту ночь — она станет ему другом.

Однако прежде всего он должен поесть. Этот день окончательно вымотал его. Желудок сводит от голода... Надо запастись силенками.

Он еще раз внимательно оглядел открывшийся его взору оазис. Удивительно, как он мог сохраниться в пустыне. Ответ был прост. Хорн вспомнил струившуюся по особым желобкам, проложенным на полу в туннеле, воду. На выходе было сухо, значит, вода где-то пробила себе другой путь. Осторожно, затаив дыхание, он выбрался из кустов и принялся спускаться по каменистому склону. Точно — из-под нависшего обломка скалы выбивался ручеек и бежал вниз в небольшую ложбину, густо поросшую кустарником. Там даже виднелось несколько деревьев. Хорн забрался поглубже в заросли, понаделал из лиан и срезанных веточек силков, расставил их по всей долине, тщательно замел свои следы, потом отправился вниз по течению. Скоро он набрел на небольшое озерко, образовавшееся возле запруды, сложенной из опавших древесных стволов, веток и нанесенных сверху камней. Тут же на берегу, под сенью пышно разросшегося дерева, он скинул сапоги, ветхую, разорванную в нескольких местах рубашку, прочую одежду и погрузился в воду. Купался долго — никак не мог заставить себя вылезти на берег. Долго оттирал жирной грязью тело, нырял, фыркал от удовольствия. Наконец решил — хватит! На берегу, снова водрузив на тело тяжелый пояс с деньгами, накинув на плечи рубашку, натянув штаны, он почувствовал себя заново родившимся. Теперь бы поесть... Но прежде побриться. Щетина раздражала его. Он глянул на свое изображение в спокойной воде, достал карманный нож, наточил его на плоском камне и взялся за дело. Минут через пятнадцать Хорна было не узнать — щеки, подбородок были иссиня-белы, что особенно заметно на фоне смуглого лба и носа; И рот у него оказался совсем не плох. Красивый, чувственный изгиб губ... Хорн одобрил свое отражение. Вот только сохранить бы это личико в целости и сохранности. Дожить бы до лучших времен!..

Ему страстно захотелось жить — до истерики, до жгучего желания завопить, объявить во всеуслышание, что они не смеют касаться его такого молодого, крепкого тела! Не смеют бить дубинками по такой разумной, удачливой голове, которая выдумала все эти хитрости. Ему нельзя ломать ни руки, ни ноги, нельзя бить по животу. Молодой здоровый эгоизм проснулся в нем, заговорил в полный голос и тут же увял. Стоит только попасть к ним в

руки, и дубинками ему тогда не отделаться... Это была жуткая мысль, нельзя было давать ей волю. Хорн вздохнул, подумал о том, что он сотворил нечто такое, что считалось невыполнимым в принципе, так что и наказание ему выпадет соответствующее. Но для этого его надо сначала поймать, а в этом он им не помощник. Ловите, дяди. Поймаете — я ваш, а пока...

О жертве он даже не вспоминал. Когда же подобная мысль приходила в голову, Хорн только плечами пожимал — Кохлнар получил то, что давным-давно заслужил. Руки у него по локоть в крови. Это соображение как раз и придавало силы, подымало боевой настрой. Он один против всей громады Эрона. Действительно, дело это не простое. Политическое... И Хорн многозначительно, выпятив нижнюю губу, часто тряс головой. Смех смехом, но он должен уйти от преследования. Не столько впечатляет убийство, сколько безнаказанность. На этом стоит любое государство. Безнаказанность есть форма поощрения. Это не им сказано, но сказано точно. Вот так, на одной чаше весов вся мощь Эрона, на другой — его страстное желание выжить и стремление дать урок этому обожравшемуся чужим добром кровососу.

Гладко было на бумаге, грустно рассмеялся Хорн, обнаружив, что все ловушки пусты. Выходит, он остался без еды? Ладушки, что же у него есть? Полная канистра свежей, вкуснейшей в мире воды. Это было немало. Все же перспектива двигаться пехом, на ночь глядя, огорчила его, однако горевать времени не было. Пора было в путь-дорогу.

Он направился вниз, по берегу выбегающего из запруды ручейка. Скоро, добравшись до второго скального откоса, Хорн обнаружил, что вода уходит в промоину, через которую было куда сподручнее спуститься к подножию обрыва. Тут еще какое-то странное завывание начало досаждать ему. Хорн протиснулся в расселину и, помогая себе локтями, кое-где вставая на четвереньки, добрался до нижнего выхода. Вой, сотрясавший пустыню, заметно усилился. Наемник выглянул из расселины и замер — все небо над пустыней было заполнено боевыми кораблями. Они творили что-то несусветное. Только приглядевшись, трезво оценив происходящее, Хорн вдруг ясно осознал, что из этой переделки ему не выбраться.

Сгустившаяся полутьма была иссечена пучками света, бьющими из-под днищ кораблей. Лучи нарезали поверхность пустыни на огромные квадраты, чередующиеся с такими же ровными пятнами тьмы. Причем, вся картина поминутно менялась — туда, где только что был свет, приходил мрак.

Как только световой квадрат упал на то место, где он прятался за камнем, Хорн невольно вжался в гранит. Огромный корабль проплыл над ним, вокруг стало светло как днем. Что бы случилось, застань они его в голой пустыне? Все, считай тогда, что песенка его спета. Ладно, на этот раз он избежал опасности, но что дальше?

Кораблей, парящих над землей были десятки, если не сотни. Работая совместно, они превратили предночную пустыню в подобие шахматной доски. Причем принцип смены светлых и темных квадратов Хорн никак не мог уловить. Не сразу он сообразил, что они пользуются каким-то набором случайных чисел — запустили программу и бдят. Единственное упорядоченное движение в этом разгульном световом хаосе состояло в перемещении кораблей с одной позиции на другую. В этом деле недогляда нельзя было допускать.

Со стороны все это мельтешение представляло собой жуткое зрелище. Эрон сумел вывести в небо над пустыней мощь, с помощью которой можно было уничтожить небольшую звездную систему. Однако на что она использовалась? Это было характерно для Эрона, собственно как и для любой империи, — вера во всемогущество силы. Торжество мускулов!.. Хотя в этом случае подобная демонстрация — Хорн не колеблясь признал это — была малоэффективна. Конечно, поймать его они и при такой системе поисков могут. И все-таки!.. Поднимать весь космический флот сектора на ловлю какого-то завалящегося террориста — Хорну понравилось придуманное сравнение — по меньшей мере неразумно. Ясно, что не он один это понимает, в экипажах кораблей среди командного состава тоже

немало разумных людей. Но попробуй они пикнуть... Есть инструкция или приказ — будь любезен действовать согласно изложенным в них пунктам. При подобной системе умение подчиняться, слепо действовать согласно букве приказа куда важнее, чем личная инициатива, не к месту проявленная доблесть. За инициативу куда чаще наказывают, чем поощряют, и этот урок хорошо усвоен командирским составом. Им предписано освещать пустыню — они и освещают, а дальше хоть трава не расти.

С подобным подходом Хорну приходилось сталкиваться очень часто, он и сам был не свободен от него. Однако это там, в строевых частях, потом в гвардии. Теперь другое дело, теперь он сам должен подумать о себе. Он внимательно вгляделся в работу висящего над ним корабля, который освещал участок пустыни, его наемнику следовало одолеть как можно скорее. Операторы работали нечетко — это стало ясно, как только освещенный участок зажегся слева от Хорна, а то место, где он прятался, попало в квадрат тьмы. Стыковки не было! Между освещенными и затемненными участками лежали мертвые полосы. В смене кадров Хорн быстро установил примерный маршрут, по которому ему надлежало следовать. Он мог ошибиться, но сидеть здесь до утра было смерти подобно. С первыми лучами солнца его участь будет решена. Эронцы начнут досконально прочесывать местность.

Беглец перевел дух, дождался новой смены квадратов и со всех ног бросился под уклон. Бежал от предварительного ориентира к ориентиру. При этом считал про себя. Добравшись до девяти, отыскал камень побольше и постарался слиться с ним. Расчет оказался верным — граница светового поля пролегла в нескольких метрах от него, оператору на корабле и в голову не пришло, что эта пара метров является чертой, отделяющей жизнь от смерти. Легкое отраженное сияние чуть коснулось спины Хорна, он замер. Сидел не дыша, отсчитывал...

Десять! Он со всех ног бросился дальше, к огромному останцу, под которым можно было спрятаться более надежно. Так и вышло. Нырнув под выступ скалы, он дождался смены. Теперь оператор осветил торчащую из песка скалу... Одним словом, прихватил лишний метр. «Теперь свети, свети», — как ребенок, обрадовался Хорн и тут же замер. Как только свет вокруг погас, он выглянул из укрытия — так и есть, издали до него долетел отрывистый басистый лай сторожевых псов. Алан пригляделся. Световая шахматная доска кончалась примерно через километр. Далее, по-видимому, шла полоса, охраняемая патрулями златокожих. Ему следовало подумать об этом. Что за облава без этих исчадий ада! Как бы он организовал наблюдение, имея под рукой таких свирепых помощников? Он бы погнал патрули по периметру вокруг всей столовой горы. В любом случае, обегая местность, собаки тут же учуяли бы свежий след и бросились в погоню. Тогда от них не уйти. Воспоминание о взлетевшем в небо незнакомце, исчезнувшем затем в их раскрытых пастях, накрыло его жутким холодком...

Что ж, план был хорошим и единственно возможным в условиях подступающей ночи. Как же обмануть собак? Вот еще какой вопрос взволновал его в ту минуту. Предположим, что линию патрулей с собаками он минует. Что ждет его дальше? Сплошной заслон гвардейцев с оружием на изготовку? Вполне возможно. А за гвардейцами?..

Вокруг заметно похолодало, однако Хорн время от времени вытирал пот со лба. Ситуация казалась безнадежной. Рано или поздно они заметят его. Если человек бросил вызов империи, он будет найден и распят. Почему-то именно это слово, такой вид казни пришли ему на ум. Его даже передернуло от страха и отвращения. Не в пустыне, так где-нибудь в другом месте. Наступит день, откроется истина, и он будет схвачен. С первыми же лучами Душан организует прочесывание местности. Они здесь каждый камень перевернут.

Абстрактно Хорн соображал, что следует предпринять в такой ситуации. Стог сена — наихудшее место, где можно спрятать иголку. Наилучшее — в коробке, где иголки хранятся. Это была азбучная истина, но как применить ее к данному случаю? На песчаном пляже песчинку не отыскать. Никакая империя на это не способна. Выходит, человек должен укрыться среди подобных ему. Что, если?.. Попытка не пытка, решил он и,ждавши

очередной смены света, вприпрыжку бросился к следующему ориентиру. Помчался в пустыню. Добежал до ориентира и, не останавливаясь, побежал обратно. Густое облако пыли вздымалось за ним. Хорн скатился на дно высохшего русла и, улучив момент, бросился по направлению к столовой горе. В ту сторону, откуда он пришел...

Вой вверху усилился, рассыпался сначала на несколько голосов, потом в небе зазвучал многоголосый заунывный хор. Хорн мчался вперед, прикрываясь стеной. Дождавшись очередной смены, он побежал в ту же сторону. Облако пыли густыми клубами заволокло впадину. Теперь луч света, падающий сверху, из непроглядной темноты, уперся в полосу пыли и попытался пробить ее насквозь. Еще несколько лучей оказались направленными в то же место.

Действия Хорна смешали заранее установленный порядок освещения пустыни. Световые пучки с других кораблей потянулись к сухому руслу.

Между тем Хорн, изнемогая от быстрого бега, молил лишь об одном — только бы не сбиться с верного пути, найти ту зеленую долину, в начале которой был скрыт вход в подземелье. Прежде всего следовало добраться до скальной стены — в этом ему помогали снующие лучи прожекторов. Порядок кое-как восстановился, пыль осела, и наблюдателям стало ясно, что там никого нет. Следовательно, инструкция опять вступала в силу, и корабли эронцев вновь принялись щупать пустыню квадратами света.

Наконец Хорн добрался до гранитного откоса. Теперь куда — влево, вправо? Определиться, сориентироваться было невозможно, значит, надо положиться на удачу. Ах, мать-удача, ты уже столько раз выручала меня. Подскажи и на этот раз.

Итак, в какую сторону? Он выбрал правую и поспешил вдоль стены. Несколько раз лучи света настигали его, однако Хорн каждый раз удачно маскировался, пока наконец не добрался до знакомых, милых сердцу кустов. Он нырнул в расщелину, здесь перевел дух. Обдумал положение. Из дали уже отчетливо доносился лай охотничьих псов. Сумел ли он обмануть собак? Кто может сказать? Даже если обманул, охотники быстро раскусят придуманную им хитрость. Загадка ли для них эта петля, которую он сделал по пустыне? Через какое время их можно ждать здесь? Думается, очень скоро. В любом случае ему надо хотя бы немного отдохнуть. Тем более что, кажется, его приключение на этом и окончится.

Когда и где оно началось?

Это был легкий вопрос. Он даже с некоторым удовольствием ответил на него: все началось в совершенно темной комнате на Кварлоне-4. Конец всей этой истории случится здесь, в бесплодной пустыне, на древней Земле. Ну, разве что с какими-то небольшими поправками... На этот раз ему из переделки не выбраться, и план, придуманный им, — пшик, труха. Не более того...

Вот на какой вопрос он ответить не мог — за каким чертом надо было убивать человека, который одной ногой уже стоял в могиле. По виду Кохлнар мог протянуть от силы несколько дней. Неужели заказчик не знал о состоянии здоровья Генерального управляющего, пусть даже это была строго охраняемая тайна? Этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда. Зачем кому-то оказалось необходимым связывать их две судьбы — Кохлнара и его, Хорна? Тоже вопрос.

Невольно Хорн вспомнил кое-что из своей прежней жизни. Он родился в Плеядах, здесь он стал взрослым.

В его краю личность, ее право поступать так, как она хотела, были священны. Слишком много забот было у колонистов, чтобы тратить время попусту на написание законов. Тем более что выполнять их никто не собирался. Жизнь в том краю состояла из постоянной, никогда не прекращающейся борьбы. Человек значил там столько, сколько мог взять. Граница была повсюду.

Хорн рано усвоил этот принцип. Первая Кварнонская война осиротила его. Местным властям было на это наплевать. Алан не озлобился, просто принял все как должное. Чем быстрее человек усваивает полученные уроки, тем у него больше шансов на выживание.

Всего, чего он добился, он добился с помощью собственных усилий. От природы он

получил крепкое тело и хорошо работающие мозги. Ему не надо было повторять дважды. Он быстро овладел всеми навыками, которых требовала от него выбранная им профессия.

Собственно, жизнь устроена очень просто, все происходящее — как хорошее, так и плохое — похоже. Человек достоин того, чего он достоин. Брать он должен то, что может взять. И конечно, никаких сантиментов. Никогда — жалость, сострадание, мягкотелость... Потому что все эти так называемые чувства тоже являются оружием если не нападения, то уж определенно обороны. И что бы ни напевали ему в уши умники моралисты, плевать он, Хорн, на них хотел. Пусть вселенная идет своим путем, он пойдет своим. Если им никогда не доведется встретиться, это ее, вселенной, проблемы.

Алан выглянул из расселины, бросил взор на звезды. Когда-то он верил, что люди в чем-то похожи на них. Наивный человек!.. Люди более похожи на этих охотничьих псов, что идут по его следу. А внутри у них такие же мясистые мускулы, паутина нервов, красная жижа. Говорят, что все люди связаны между собой так или иначе... Посмотрим... Он пока этого не замечал. Вероятно, уже и не успеет получить Удовлетворительный ответ на этот вопрос. Так же как и на другой — зачем надо было подставлять его, Хорна? Зачем поручать работу, которую смерть могла куда лучше исполнить через несколько дней?

Так что все. Кранты! Амба!.. Об одном жалел он в тот момент — почему не погиб вместе с родителями, когда эронские корабли сбросили свой смертоносный груз на его родную планету? Тоже повезло? Не скажите — такая удача ему была совсем не по сердцу. Он пошарил по ближайшим кустам — просто так, назло судьбе — и неожиданно наткнулся на тушку кролика, попавшегося в один из его силков. Это было хорошее предзнаменование. Удача опять улыбнулась ему. Он тоже улыбнулся ей — глянул вверх на звезды и соорудил радостную гримасу. Хватит ерничать, теперь хотя бы он набьет желудок, так что помрет сытым и довольным.

Из летописи

Человек и культура — понятия трудно сопоставимые. В то же время кое в чем они схожи. Живое существо состоит из клеток, объединенных в органы, исполняющие те или иные функции. Также и культура... Она возможна только тогда, когда отдельные индивидуальности объединятся в некую совокупность, называемую обществом. Подобно клеткам, индивидуумы выполняют те или иные функции. Труд, наследственные признаки порой разделяют их. Размножение и развитие происходит примерно сходным образом. Люди, как и клетки, бывает, тоже начинают выходить из-под контроля, развиваются бурно, поспешно, наобум и в конце концов начинают угрожать существованию самого организма.

В этом смысле империя представляла собой удивительное явление. Она тоже являлась организмом, и если продолжить аналогию, то следует отметить, что центральная планета была как бы сердцем, мозгами и желудком, а кровеносной и нервной системами ей служила паутина туннелей, с помощью которых из завоеванных миров высасывались все соки. Самый большой, наиболее хорошо защищенный туннель вел от Эрона в недра гигантской звезды Канопус, в самую ее желтоватую сердцевину... Оттуда столица империи качала энергию. Посредством этого неиссякаемого притока энергии поддерживалась в рабочем состоянии вся транспортная сеть галактики. Энергия передавалась по стенкам других труб, и путем модулирования потока имела возможность организовать надежную и сверхбыстродействующую систему связи.

Туннели были спроектированы таким образом, что могли пропускать суда любых типов — большегрузные транспортники, пассажирские лайнеры и боевые крейсера. Более мелкие суда грузились в специальные контейнеры. Все средства имели один и тот же диаметр и ограждались от касания стенок широкими золотыми ободьями, устроенными на носу и на корме. Так действовала кровеносная система империи.

Аналогии можно перечислять, однако подобный метод не может дать полного и ясного

описания предмета. Дело в том, что Эрон как таковой в чем-то был очень похож на живое существо, но в чем-то существенно отличался. Если попытаться уловить это соотношение, тогда, возможно, суть вопроса могла проясниться.

Глава 7. ТЕМНАЯ ДОРОГА

Что творилось в эту ночь на опустевшей теперь площади вокруг монумента, передать было невозможно. Лучи света во всех направлениях секли пространство вокруг терминала, из которого удивительным золотистым столбом наклонно уходила в небо межзвездная труба. Зрители, приглашенные на празднование победы, уже давным-давно были проверены, отсортированы и отправлены домой на Эрон. На территории мемориала оставались только специальные подразделения службы безопасности, гвардия и часть боевого флота, который был разделен на две неравные части. Большая часть крейсеров кружила над пустыней, где создавало освещенную зону, в которую время от времени врывались патрули на охотничьих собаках. Меньшая прочесывала светом прилегающие к площади руины, что, как рассудил Хорн, тоже было бестолковым занятием. С другой стороны, что еще, при нехватке личного состава, они могли предпринять? Спустить команды с кораблей и начать прочесывать местность? До утра этим заниматься бесполезно. Тут он оборвал себя — стоит ли рассуждать за врага, да еще в подобном абстрактном плане.

Он стоял последним в цепи охранения, которое было выстроено вдоль стены, ограждающей площадь от развалин. В момент полной темноты пристроился, занял место и вытягивался по стойке смирно всякий раз, когда мимо него пробегали служаки из службы безопасности или высшие командиры, которые внезапно обрели невиданную прыть. Никто из них толком не присматривался к выставленному охранению. Никто не пересчитывал количество гвардейцев... Другое тревожило Хорна — ладно, до утра он простоит, что потом? Опять нырять в подземелье? Но с утра здесь обязательно начнут изучать местность, доберутся и до туннеля... Вот тогда людей не пощадят — всех погонят обыскивать подземные ходы. Спрятаться-то он спрячется, только чем питаться будет? Ох, беда, беда... Тут еще его внимание привлекла неясная тень. Кто-то бродил по площади — в свободном черном плаще, капюшон накинута на голову, — подходил то к одному, то к другому гвардейцу.

Теперь к нему направилась. Ну, Алан, держись!

— Гвардеец! — окликнула его тень. Голос у нее был женский, певучий.

— Я! — рявкнул удивленный Хорн.

— Тебе удалось что-нибудь заметить?

— Ничего, кроме других солдат.

Женщина уже сделала шаг в сторону, потом неожиданно повернулась и пристально посмотрела на Хорна. Тот в свою очередь бросил на нее мимолетный взгляд. В темноте трудно было разобрать что-то определенное — разве что бледное пятно в глубине широкого капюшона. Запах неизвестных ранее духов долетел до него — от неожиданности Хорн поморщился, едва удержавшись, чтобы не чихнуть. Это была она — у него больше не было сомнений. Золотая женщина... Она была так близко, что при желании он мог даже прикоснуться к ней.

Об этом и думать не смей! Он вытянулся в струнку. Взгляд устремлен прямо перед собой.

В этот момент она спросила нечто такое, что Хорн едва не поперхнулся.

— Как ты думаешь, гвардеец, что, если убийца вернулся назад?

— Мне платят не за то, чтобы я думал.

— Забудь на время об этом. Я прошу тебя — прикинь! — В ее голосе послышалось волнение. — Они только засмеялись, когда я упомянула о такой возможности. Ты как считаешь? Он может вернуться?

— Он должен вернуться. Если бы я был на его месте, я бы не раздумывал...

Теперь она подошла ближе, удивленно глянула ему в глаза. Хорн по-прежнему отчаянно пялился на монумент.

— У тебя какой-то странный акцент, гвардеец. Ты родом из Плеяд?

— Так точно.

— И был зачислен в гвардию после войны?

— Так точно.

— Ты хорошо знаком с этой местностью?

— Не очень.

— Каким образом убийца мог добраться сюда?

— Он пересек пустыню. Скорее всего...

— Но это невозможно, в пустыне находятся патрули с охотничьими собаками. Там нет пищи, практически нет воды.

— Другого пути я не вижу. Умный и сильный человек способен все одолеть.

— Но как же он проник сюда? Как ему удалось сбежать?..

— Значит, есть подземный ход... Мы тут осматривали развалины. Неподалеку от корабля есть дерево. — Хорн позволил себе обернуться и указать на то место, где он недавно прятался. — Там мы обнаружили вход в туннель. Куда он ведет, не знаю, но куда-то он должен вести. Полагаю, в пустыню. Другой возможности проникнуть на мемориальную площадь не вижу.

— Так вы знали об этом?! Почему же не доложили по инстанции?

— Доложили. Туда сунулись ребята из службы безопасности и ничего не нашли. Что ж там найдешь без собаки...

— А ты, значит, помалкивал.

— Меня не спрашивали.

— Ясно, тебе платят не за то, чтобы ты думал. — Женщина некоторое время молчала, затем сказала: — Может, ты прав. Однако ты не очень любишь Эрон, правда?

— За что мне его любить?

— Зачем же ты записался в гвардию, если не хочешь служить Эрону?

— У меня не было выбора.

— Хорошо, но теперь Эрон платит тебе, кормит, одевает, дает защиту. Чем же ты отплатил Эрону за все это?

— Самым ценным, что есть у человека, — исполнением долга и беспрекословным повиновением.

— Значит, ты считаешь, что мы, златокожий народ, жестокие угнетатели?

— Это зависит от конкретного человека... — Хорн замялся, потом решил — будь что будет, и добавил: — Каким бы ни был тот или иной человек, Эрон всегда остается Эрном. Свою силу он набрал, используя не доброту и милосердие, а совсем другие качества. Эрон процветает, вся остальная империя голодает.

— Если ты так откровенен, то признайся как на духу: ты бунтовщик?

— Никак нет. Я не настолько глуп, чтобы с кулаками бросаться на боевые крейсера. Эрон, создав туннели, обезопасил себя.

Женщина долго молчала. Хорн, проклиная себя за длинный язык, стоял перед ней навтыяжку.

— Почему ты решил, что убийца должен вернуться?

— У него нет другого выхода. Через пустыню ему не пройти. Единственный шанс — вернуться, постараться пробраться на корабль и там спрятаться. Если он окажется в толпе себе подобных, вы его никогда не отыщете.

— Мне кажется, ты ему симпатизируешь?

— Он такой же человек, как и мы все. Что-то мне не верится, что он по собственной воле взялся за это дело. Зачем ему лишняя смерть? Что она решает?.. Его, по-видимому, крепко надули те, кто заплатил за эту смерть.

Женщина некоторое время размышляла, потом сделала замечание:

— По крайней мере, ты честен. И рассуждаешь здраво. Я не спрашиваю твой номер. Мне бы следовало сдать тебя за подобные разговоры куда следует, но ты мне здорово помог... Сегодня, на исходе дня... Я благодарна тебе за это.

Она повернулась, совсем уж было собираясь отойти от гвардейца, как в этот момент тот набросился на нее. Первым делом он зажал ей рот — все равно женщина попыталась подать голос, поднять тревогу, однако только легкое сдавленное мычание вырвалось наружу. Тогда она попробовала вырваться. Ее сопротивление было отчаянным и, к удивлению Хорна, умелым. Она оказалась очень сильна для женщины. Не тело, а сгусток мускулов.

Неожиданно она ловко извернулась и нанесла ему точный удар локтем в солнечное сплетение. Хорошо, что Хорн всегда следил за своей формой — ему хватило времени напрячь брюшной пресс. Потом ему удалось перехватить ее руки, зажать их в замок. Другой ладонью он по-прежнему зажимал ей рот. Кляп бы какой-нибудь забить!.. Но как ее выпустишь. Вот в тень следует обязательно затащить, а то того и гляди полоснут лучом света с крейсера. Хороша будет картина!..

Всего несколько минут назад он осуществил часть намеченного плана: напал сзади на зазевавшегося гвардейца, оглушил его, хотел было добить, потом сообразил — парень-то ни в чем не виноват. Наверное, такой же бедолага, как он. Хорн содрал с него форму, напялил ее на себя, связал гвардейца, сунул ему в рот кляп. Ты уж прости, парень, но, кроме твоих трусов, ничего подходящего не подвернулось под руку. Далее все казалось достаточно простым и выполнимым. Под видом посыльного он должен был проникнуть на ближайший крейсер, найти там укромное место, что, в общем-то, было не трудно, и, затаившись, дожждаться отлета. Зачем он напал на эту женщину? Ему что, приключений не хватает?!

Хорн тут же придавил подобные панические мысли. Если он рискнул на такой безумный поступок, значит, так надо. Следует довериться интуиции...

Внезапно сопротивление женщины резко ослабло, ее глаза оказались совсем близко от глаз Хорна. Он прочитал в них ужас.

— Точно, — едва слышно прошептал он. — Я и есть наемный убийца.

Яркий луч, похожий на лезвие меча, двинулся в их сторону. Хорн втащил женщину поглубже в тень, которую отбрасывала стена, тем не менее расплывчатый край светового пятна коснулся их. Капюшон неожиданно откинулся — обнажилась густая грива темно-рыжих, с золотистым оттенком волос, изящные завитки прикрывали шею. Ее изгиб, нежная золотистая кожа на мгновение совершенно обезоружили Хорна. Она воспользовалась этим моментом и едва не вырвалась. Наемник тут же пришел в себя, машинально сделал захват, и Вендре Кохлнар обмякла у него в руках.

— Я не хочу убивать вас, — злым шепотом промолвил он. — Если только вы не вынудите меня. Сейчас двигайтесь за мной. Когда будет возможно, я вас освобожу. Только не кричите и не зовите на помощь. Эти вопли вам не помогут, а у меня нервы тоже не железные. К тому же я хорошо вооружен. Унитарный пистолет поставлен на стрельбу в атмосфере, пуля имеет низкую начальную скорость, так что звук выстрела никто не услышит. Все понятно? Растолковывать не надо?

Она кивнула. Хорн отпустил ее. Вендре порывисто вздохнула — вернее, всхлипнула. Дуло пистолета уперлось ей в спину.

— Осторожно! — предупредил ее Хорн.

— Я не могу вздохнуть, — быстро заговорила она. — Ты, грязный убийца...

— Это сейчас пройдет, — ответил Хорн, — только не дышите полной грудью. По чуть-чуть... Что касается грязного убийцы, я прикончил только одного человека. Сколько миллиардов погубил твой незабвенный папаша? И не только солдат, но и женщин, детей...

— Откуда ты знаешь? — спросила она, обернувшись к нему.

— Держал глаза открытыми. Вот еще что: я знаю, кто ты.

— Это что, меняет положение?

— Существенным образом...

Вендре прикусила губу, потом, словно в ответ на откровенность, с которой отвечал на

ее вопросы Хорн, спросила:

— Зачем ты убил его? Ведь он уже одной ногой был в могиле.

Хорн промолчал. Что он мог ответить, когда сам не знал ответа на этот вопрос? Он сам не раз задавал его себе. Зачем? Кому на руку была гибель Кохлнара, да еще в такой форме? Чьи деньги ему вручили? Почему так было важно, чтобы Генеральный управляющий погиб именно при таких обстоятельствах?

Теперь Хорн проникся важностью ответа на эти вопросы. В них вся суть. Но это, так сказать, в общем смысле. Сейчас другая проблема занимала Хорна — как выбраться, отсюда живым.

— Послушай, — медленно заговорил он, — сейчас мы не торопясь пойдем по площади. Ты — впереди, я — следом. Направление — разведывательный катер. Когда мы доберемся до него, ты не спеша поднимаешься по трапу и прикажешь команде покинуть борт. Если попытаешься поднять тревогу, будешь убита. Ясно?

— Хорошо.

— Тогда пошли.

Так они и двинулись через площадь. До намеченной цели было недалеко — может, метров двести. Вот еще какое обстоятельство встревожило Хорна: чем ближе они подходили к монументу, тем светлее становилось вокруг. Его блистающего сияния, густого посвечивания межзвездной трубы вполне хватало, чтобы разогнать тьму.

Вендре шла, чуть раскачиваясь на ходу, с трудом сохраняя гордую осанку. Как раз эта несуразность мало беспокоила его. Кто посмеет остановить и задать вопрос главе директората! Хорн шагал, как и положено по уставу караульной службы, в двух шагах позади нее, чуть слева. В руке пистолет...

Они одолели половину расстояния. Пока все шло нормально. К ним никто не посмел подойти. Когда они добрались до трапа, ведущего внутрь разведывательного катера, Хорн приказал:

— Помедленнее.

Вендре повиновалась и умерила шаг.

В этот момент Хорн почувствовал привкус опасности. Чувство было неуловимое, но сильное, неодолимое... Ему стало горько — до свободы оставалось несколько шагов. Он прикусил нижнюю губу, попытался сохранить спокойствие, проанализировать свои ощущения. Сомнений не было — здесь, на корабле или возле корабля, что-то не так. Но что?..

Вендре ступила на первую металлическую ступеньку.

— Помедленнее, — еще раз предупредил ее Хорн. — Я не хочу убивать тебя.

Женщина впереди ссутулилась, с трудом заставляла себя поднимать ноги.

Где? Что? Откуда?.. Вопросы метались в голове Хорна. Он решительно приблизился к Вендре. Наконец его что-то толкнуло под локоть — перед самым люком он машинально толкнул вперед женщину и в следующее мгновение услышал характерный воющий звук выстрела. Пуля пролетела между ними, ударилась о корпус корабля и со звоном отскочила.

— Охрана! — неожиданна завопила Вендре. — Убийца!.. Здесь убий...

С лязганьем захлопнулся входной люк. Хорн не успел проскочить в него, так как в этот момент навскидку послал пулю в том направлении, откуда был произведен выстрел. Стрелял в густую тень, отбрасываемую корпусом разведывательного корабля. В тени послышался придавленный стон, затем там что-то повалилось, послышался треск разрываемой одежды.

Только теперь Хорн осознал, что Вендре предала его. Ничего подобного, поправил он себя, он же сам втолкнул ее в шлюз. Каким-то образом почувствовал, что сейчас по ним выстрелят. По ним? В этом он сомневался, но разбираться не было времени. Прыжками он бросился вниз по трапу. В этот момент со всех сторон начали долетать крики. Раздались выстрелы. Лучи прожекторов заволновались, стали сбиваться в единое размытое огромное световое пятно, оно постепенно перемещалось в сторону разведчика. Надо было любыми путями избежать того, чтобы попасть в этот блестящий, слепящий глаза круг.

Теперь он не испытывал колебаний и изо всех сил бросился к монументу. С той

стороны, откуда он привел Вендре, к кораблю уже мчалась, все разрастаясь и разрастаясь, толпа охранников.

— Вот он! — во всю мощь заорал Хорн и ткнул пистолетом в сторону корабля. — Держите его!!

Сам он бегом бросился к возвышавшемуся посреди гигантскому кубу. Кое-кто из толпы побежал за ним, однако выстрелов слышно не было. Кто бы решился стрелять по своему брату гвардейцу, который указал место, где прячется коварный враг. Непонятно только, куда он сам припустился, — наверное, к начальству, ошалел немного от стрельбы.

Подобный расчет устраивал Хорна. Действительно, пока он направляется к основанию монумента, никому в голову не придет заподозрить его в чем-то преступном. Главное, добежать до этого черного куба, потом бочком-бочком он обогнет его и стремглав бросится к развалинам. Укроется там...

В этот момент до него донесся щелчок распахнувшегося люка и женский голос истошно закричал:

— Держите его! Он уйдет!..

«Как раз вовремя, — с какой-то неуместной рассудительностью подумал Хорн. — Она сейчас наведет панику».

Никто из гвардейцев не видел его в лицо, никто не знает, во что он одет. Даже Вендре. Черты его лица она определенно не смогла разглядеть. Сомнительно, что она разглядела знаки различия или какие-нибудь другие приметы. Что она может сказать — переоделся в гвардейца? Их здесь несколько сотен. Какое звание, как он из себя выглядит? Она не ответит. Пока они обнаружат того растяпу в развалинах, пока разберутся, какого именно гвардейца следует искать... Все, что ей известно, — это чепуха. За ним сейчас бежит с десятков подобных гвардейцев. Попробуй на расстоянии в этой игре света обнаружить того, кого надо...

Кто-то столкнулся с Хорном. Он решительно отпихнул от себя какого-то верзилу и продолжал бежать к основанию монумента. Тот даже не попытался преследовать его. Хорн чуть повернул голову, бросил взгляд назад. Те, кто бросились за ним, заметно отстали — так, трусили в нерешительности. Там, где собралось высшее руководство, им делать нечего.

Правильно, ребята! Ищите-свищите в другом месте... Он даже позволил себе сбросить скорость, грудь уже разрывалась. Все-таки этот день тяжело дался ему. Мысль о том, что ему снова придется прятаться в развалинах, затаиться там без воды и жратвы, потом, если повезет, топтать через пустыню, надломила его. Он больше не выдержит. Этот вариант отпадает. Любой другой — пожалуйста, но снова лезть в какую-нибудь яму?.. Лучше смерть... Может, спрятаться в терминале, откуда стартуют уходящие через туннель к Эрону корабли? Входной портал открыт. Будь что будет.

Уже подбегая к исполинской стене, на которой до сих пор стыло изображение коленопреклоненных защитников созвездия Плеяд, он внезапно поразился слепоте того мерзавца, что сидел в засаде возле разведывательного корабля. Так промахнуться!.. Может, он не в него целился? Тогда в кого же? В Вендре? Хороши делишки! Точно, он еще успел подтолкнуть ее, и пуля угодила в корпус. Выходит, были и другие наемные убийцы. Ну и дела творятся среди этих чертовых златокожих!.. Значит, сначала папашу, потом дочь... Ловко! Потом поди разберись, кто виноват. Кровожадные фанатики вроде него...

Возвышения, с которого покойный Кохлнар обращался к публике, уже не было. Вот и стена гигантского куба совсем рядом. Что ж, фортуна, вот еще одна возможность излить на него свою милость.

Он попытался припомнить расположение внутренних помещений терминала, который ему довелось осматривать на Кварноне-4. То сооружение внешне мало чем напоминало этот грандиозный комплекс, но все равно по своим размерам превосходило все, виденное Хорном раньше. Терминал возвышался в окрестностях столицы Кварнона и служил грозным напоминанием побежденным о неизбежности их судьбы. Хорн слышал, что где-то в созвездии Плеяд был построен еще один приемный пункт.

Теперь надо было поспешать медленно. Хорн двинулся вдоль гигантской стены. Шел, внимательно вглядываясь в абсолютно черную поверхность. Наконец наткнулся на узенькую, едва заметную дверь. Провел по ней пальцем и убедился, что в этом месте в стене врезана дверь. Нажал на край плиты — она медленно отплыла в сторону. Хорн скользнул внутрь и оказался в просторном, вытянутом в длину скудно освещенном помещении: Здесь никого не было... Дверь у него за спиной, глухо чавкнув, закрылась. Хорн не выдержал, метнулся к ней, осмотрел изнутри. Рядом со створкой в стене был утоплен диск из серебристого металла. Он нажал на него, однако дверь не сдвинулась с места.

Так, запечатан наглухо... Что будем делать? Хорн осторожно обошел помещение. Скоро разобрался, что попал в столовую: в дальнем торце раздача, за стойкой гора посуды. Вот и выход... Но почему здесь так пусто? Должен быть наряд, сторож. Где люди? Тут его кольнула ошарашивающая мысль: что, если терминал еще не готов принимать и отправлять корабли? Может, здесь еще не закончена наладка оборудования? Тогда его дело швах! Долго он не продержится...

Через арочный проход Хорн вышел в короткий коридор, который заканчивался единственной, обычной дверью. Он нажал на ручку и осторожно заглянул в открывшуюся щель. Это была спальня для личного состава. Здесь тоже было пусто — это понятно, все силы брошены на поимку опасного преступника. То есть его... Благодарю за внимание, но лучше бы остаться в тени. Из спальни вели четыре двери. Две оказались заперты, но третий проход вел в святая святых станций — в машинный зал. Он представлял собой камеру почти километровой высоты. Столько же было в диаметре. Посередине, чуть сдвинутая в сторону от геометрического центра, была расположена главная установка, генерировавшая унитронное поле для межзвездного туннеля. Сам туннель был похож на ствол гигантского орудия, с заметным отклонением от зенита направленный вверх, в широкое отверстие, прорезанное в куполе, накрывшем машинный зал. Пол немного вибрировал...

Вот оно, понял Хорн, сердце терминала, святая святых

У нижнего конца туннеля был виден гигантский, подвешенный на шарнирах прямоук. Корабли вкатывались в машинный зал с помощью особых тележек, которые двигались по специально проложенным рельсам. Затем с помощью особых тяг корабль втаскивался на прямоук, тот в свою очередь, задирая верхнюю часть досылал транспортное средство в «казенник» трубы или, как еще его называли, входной шлюз туннеля.

Хорн бросился к платформе, здесь принялся карабкаться по лестнице, которая была приварена к одной из опор, поддерживавших трубу. Из последних сил взобрался на двухсотметровую высоту, где еще снизу приметил маленькую дверь. Вот она! Рядом такой же округлый запор — Хорн нажал на него, вошел внутрь и очутился в тесной камере. Здесь вдоль стены висели скафандры, позволявшие работать рядом с унитронным полем в условиях повышенной радиации. Хорн подобрал оболочку по размеру и принялся быстро переодеваться. Дело привычное. Сколько раз за свою жизнь он облачался в подобный наряд. Теперь необходимо было понадежнее спрятать форму, которую он снял с зазевавшегося гвардейца. Сделано! Теперь шлем... В этом шлеме его вообще невозможно узнать. Защелки застегнуты. Прекрасно. Он готов! К чему? В первый раз этот вопрос встал перед ним. Глупый вопрос! В этом скафандре он на многое способен. Прежде всего как он заправлен? Хорн сунул руки в специальные перчатки и, когда защелки сработали, нажал кнопку на грудной панели. Немного выше глаз внутри шлема тускло, но четко засветилась надпись: «Запас воздуха — 12 часов; вода — 1 литр; пища — два НЗ; герметизация — полная».

Понятно, всего под завязку. Отлично! Теперь ему необходимо найти надежное убежище, Где придется провести Не менее суток. Пока не улягутся страсти... В дальней стене была дверь. Хорн отправился туда, нашел серебристый диск, шагнул через порог. Небольшая камера, скорее куб, где был только один светильник, размещенный под потолком. В противоположной стене еще одна дверь. Что за ней? Хорн приблизился, нажал на диск — эффект оказался совершенно неожиданный. Дверь не шелохнулась, но та, через которую он попал сюда, захлопнулась напрочь.

Сколько он ни пытался ее открыть, все было напрасно. Пот заструился у него по лицу. В этот момент дверь, которую он первоначально пытался открыть, сдвинулась в сторону. Хорн подошел и заглянул в проем. Внутренняя полость исполинской металлической трубы открылась перед ним. Полкилометра длиной, метров сто в Диаметрe.

Труба на этот раз лежала почти горизонтально. Сумасшедшая мысль прошибла сознание: если пути назад нет, может, стоит рискнуть и попытаться добраться до нижнего шлюза?

Сказано — сделано! Хорн торопливо зашагал к двум совмещенным, вертикальным полукруглым створкам, наглухо перекрывшим нижний вход в направляющий ствол. Он уже почти добрался до цели — вот и маленькая дверь, через которую, по-видимому, можно было проникнуть в аппаратную... В этот момент в стволе замигали красные лампы, послышалось легкое надсадное завывание приводных двигателей. Следом над гигантскими створками загорелась надпись: «Внимание! Опасность!»

Хорн на мгновение замер. Они решили снова привести трубу в рабочее состояние? Или сейчас будет запущен корабль? Страх прошиб его, однако спустя несколько секунд Хорн успокоился. В любом случае этот выход будет для него наиболее удачным. Спасибо судьбе... Смерть будет мгновенной, безболезненной, он бесследно растворится в унитронном поле, тем самым посрамит Эрон, который никогда не сможет раскрыть тайну исчезновения наемного убийцы, поднявшего руку на святая святых — на власть! Тут он вспомнил кобчика, который сгорел, прикоснувшись в стене трубы, ведущей к звездам. Теперь пришла его, Хорна, очередь. Всему на свете приходит черед, к этому надо относиться храбро... Его неожиданно шатнуло, он почувствовал, как проваливается в бесконечную ночь.

Ночь длиной в тридцать световых лет.

Из летописи

Эрон...

Нелюбимое дитя нерадивой матери... Или, может быть, выкидыш, случайно оставшийся в живых? Злобный в зависти, наглый в силе...

Эрон... Величайший триумф в истории человечества и в то же время неслыханные, сковавшие его кандалы. Шутка дьявола, подмывавшая под себя человека.

Эрон, ты умеешь только ненавидеть, желчь ты выделяешь обильно! Ты оказался умницей, Эрон. Пока человек трудился, чтобы поднять плодородие твоей скудной почвы, пока учился обходиться твоими скудными минеральными богатствами, ты исподволь овладел его душой, вполз в сердце. Ты изменил его куда сильнее, чем человек свою новую, рожденную во зле родину.

Первым делом Эрон отвратил тебя от звезд, лишил исконной бескорыстной любознательности. Теперь на космические просторы человек смотрел исключительно с практической точки зрения — где что плохо лежит. Эрон, двуличная планета, ты заставил человека заняться торговлей, при этом стер в его сознании разницу между честным обменом и грабежом.

Легенда гласит, что Рой Келон первым посетил этот мир. Можно ли ей верить, не знаю. Известно только, что легенда и миф всегда являлись приживалами у сильных мира сего. Удивительно, как Рой Келон мог выбрать эту планету для заселения? Он повидал столько новых земель, и каждая из них была куда обильнее, наряднее, добрее к человеку. К тому же Эрон расположен так далеко от матери-Земли.

Эрон... Всю силу своего ума, мастеровитых рук, крепость духа, умение терпеть человек приложил, чтобы скрыть твое гнилое нутро. Он выстлал поверхность планеты металлической сияющей броней, понастроил города, понатыкал терминалов, насытил атмосферу кислородом, ведь на заре колонизации воздух на твоей груди был скверный.

Теперь ты можешь быть спокоен, галактический паук. Ты покори́л человека, заставил его работать на тебя, принудил насытить твою утробу богатствами, доставляемыми со всех концов освоенного свободного пространства. Вокруг тебя вращается вселенная, все дороги ведут к тебе...

Во сне тебя не мучают кошмары, Эрон?

Глава 8. ВОЗРОЖДЕНИЕ ИЗ ХАОСА

Гулкая пустота... Никаких ощущений... Без звука, без проблеска света, без любого другого ощущения, способного напомнить, что я жив. Значит, я мертв? Вопрос-мысль родился во мне, всплыл из бессознательного, заставил встревожиться — я замер в ожидании ответа, однако ответа не последовало. И как ответить на этот вопрос, если глаза не видят, уши не слышат, тело не ощущает? То ли я ослеп, оглох, лишился способности ощущать, осязать, различать, то ли всего этого лишилось пространство? Оно погибло, и теперь не может явиться мне посредством ощущений. Так что я имею право выбора. Более идиотской дилеммы передо мной никогда не стояло, хотя люди веками бились над разгадкой, что первично и что вторично. Сунуть бы одного из этих философов в межзвездный туннель — он бы навсегда открестился от подобного вопроса, потому что даже возможность мыслить не является подтверждением факта моего, Хорна, существования. Кто может подтвердить, что мыслю именно я, Хорн? То-то и оно!..

Ни о чем здесь в этой пустоте, нельзя судить определенно. Верх, низ, там, здесь, раньше, потом, дальше, ближе... Все эти термины — чепуха, когда нет точки отсчета. Такое даже в дурном сне не привидится. Нельзя же воочию зреть ничто!.. Выходит, можно, и я этим занялся против своей воли. Вот он путь, слабенькая надежда зацепиться за что-то существенное. Что-то должно сохраниться в памяти. Как я очутился здесь? Мне просто необходимо ответить самому себе на этот пустяковый вопрос, который и вопросом назвать нельзя. Так, небольшая справочка... Каким образом я попал сюда? Не помню! Не помню-ю!.. Значит, это не я! Все это творится не со мной!.. Я кричу и сам не слышу своего крика. Дышу, а грудь не вздымается!

Вспоминай! Вспоминай!

Неопределенность внезапно раскололась. Что это за новенькое словечко «внезапно»? Как это?.. А вот так — в «мгновение ока» означает, что немного назад я ничего не помнил, а теперь вполне соображаю, что вошел в ствол этой паршивой трубы.

Батюшки! Я как будто вновь появился на свет. Родился заново! Вот теперь я уверен, что это мои мысли. Значит я существую?! Вот радость! За это и хватайся. Держись крепко... Я родился вновь. Что же еще? Какой-то следующий вопрос вертится на кончике языка. Как мучительно он рождается!.. Попробуем сначала. Я — это я, некое существо, только что появившееся на свет... Вот именно — где этот свет? Где я?.. Хватайся за это. Держись крепко, зубами вцепись...

Следом родилось ощущение, что я падаю, лечу куда-то в тартарары. Если я падаю, то это значит, что я откуда-то выпал. Из чьего лона? Помнится, там было тяжело. Ощущался вес, под ногами была твердь. Это место называлось?..

Это место называется Земля!

В следующее мгновение перед глазами предстало вновь сотворенное нечто — зеленые равнины, снеговые шапки гор, реки, озера. Моря, голубой купол неба, белые облака и изобилие света; падающего сверху, источника веселым сияющим колесом, катящимся по крутой дуге, проложенной в голубиной выси. Он населял когда-то этот, благодатный край. Обитал там вместе с другими людьми и животными. Итак, он падал с Земли... Но куда?

На этот вопрос ответить уже было легче. Там, куда он стремится, тоже присутствует ощущение тяжести, под ногами тоже окажется твердь. Это место называется Эрон. Постараемся сотворить Эрон. Вот он какой — укрытый железом, повсюду одинаковая температура. Что-то подобное точке, вокруг которой вращается вселенная. Что там прячется

под броней? Многочисленные туннели, заводы, энергостанции, а в них людишки, накрепко привязанные к своим так называемым «рабочим» местам. Вот что такое Эрон. Он стремительно падает туда. Одолевает пространство...

Что такое пространство? Это та область, через которую он падает. Ответ верный. Теперь память немного ожила, начала набухать воспоминаниями. Он попал в ствол исполинского орудия... Правильно — оно дает начало трубе или туннелю, который проложен в чем-то, что он поименовал «пространством»... Из этого ствола его выплюнули в это «ничто», в которой он потерял самого себя. В пустоту! Верно! Безвременье! Точно. В забвение! Несомненно, в небытие...

Наконец-то! Я все-таки сотворил это самое... Эту самую реальность.

В следующее мгновение — он уже был способен ощутить этот микроскопический промежуток времени — Хорн вспомнил. Все восстановилось ясно, без пробелов. Какой вопрос ни задай, он на любой готов был ответить. А на те вопросы, на которые ответов не было, их не существовало и до его рождения.

Другое волновало его теперь — он по-прежнему ничего не ощущал. Словно был напрочь лишен тела, и в холодном, беззвучном, набитом непроницаемым мраком пространстве путешествовала его душа. То есть сознание... Все впитывающий, пытающийся определиться в этом безвременье разум. Связь с телом оказалась разорванной? Вечности не потребна телесная оболочка? Он на самом деле провалился в вечность?

В этом пространстве каждое мгновение превращается в вечность, и бесконечность времени уместается в одном-единственном мгновении. Хорошенькое дельце! Я знаю, как называется подобное состояние. Это же смерть!

Хорну хватило ума сообразить, что подобное допущение весьма приблизительно и, как всякое сравнение, страдает недосказанностью, расплывчатостью, односторонностью. Хороша смерть, если он с такой легкостью рассуждает об этом. К тому же если он попал в поле этой губительной силы, то где же миллиарды подобных ему, успевших покинуть Землю еще до той минуты, как он вступил в трубу? Неужели здесь каждый страдает в одиночку? Накладно будет для этого самого пространства... Что-то не складывалось со смертью. Смерть меня подождет. Пойдем с самого начала — с момента, как он очутился в трубе...

До этого ему два раза приходилось путешествовать в межзвездном туннеле. Сначала его перевезли с Кварнона на Эрон, затем с Эрона на Калисто. Оба раза он находился без сознания. Сначала решил, что в каюты подкачивают какой-то усыпляющий газ, и во время второго путешествия решил насколько возможно задержать дыхание. Тогда он летел в составе подразделения гвардейцев, их набили в пассажирский отсек как сельдей в бочку. Ничего не получилось. Снова неодолимый провал в забытие... Те же ощущения испытывали и его сослуживцы, которые охотно разговаривали на эту тему. Возможно, эронцы использовали комплексные средства для усыпления?

В ту пору он подозревал, что подобные меры применялись с целью сохранить в тайне какой-то важный секрет, касавшийся труб. Теперь понял, как глубоко он ©шибался. Очевидно, подобные меры были необходимы, чтобы не допустить случаев массового умопомешательства. Сон, конечно, лучшее средство, чтобы в целости и сохранности доставить сознание в точку назначения.

Теперь Хорн был способен анализировать происходящее с ним — он делал это охотно, словно играя. Итак, он попал в трубу и теперь падает с Земли на далекий Эрон. Это перемещение сопровождается отсутствием света, звуков, любых других ощущений. Он даже не чувствует, что летит куда-то. Более того, не ощущает своего существования.

Но ведь как-то это состояние можно описать. Его просто необходимо описать, чтобы не потеряться в нем, чтобы вновь осознать себя полноценным существом. Для этого ему необходимо каким-то образом разогнать сгустившуюся вокруг него тьму. Должен же существовать какой-то сверхчувствительный взгляд, который поможет воссоздать окружающую его реальность. Ведь она существует, не правда ли? Даже если ее бытие никак не подтверждается опытом. Даже если оно не более чем, иллюзия.

Должны же быть какие-то способы проверить, какая из альтернатив подтверждается в его случае. Как это можно сделать, утратив способность воспринимать ощущения? Хорошо, зайдем с другого конца. Что у него, Хорна, есть в наличии? Исправно работающее сознание. На что способно это так называемое сознание? В его распоряжении, собственно, всего три функции — память, способность анализировать и синтезировать.

Память:

Человек в серой униформе смотрит на часы и удивленно заявляет: «Я рассчитывал, что путешествие продлится около трех часов, а на циферблате секундная стрелка даже с места не сдвинулась».

Анализ:

- 1) Эрон лжет, перемещение в трубе происходит мгновенно.
- 2) Человек ошибается, возможно, его часы просто остановились.

Синтез:

Если первое положение верна, тогда те мысли, что в настоящий момент рождаются в моей голове, тоже не имеют временной протяженности. Может ли это перемещение, которое кажется неопределенно долгим, быть одновременно и неопределенно коротким? Время — человеческая выдумка. На самом деле его вообще может не быть, и, Попадая в трубу, мы как бы оказываемся в реальном мире. Но ведь я в настоящий момент ощущаю продолжительность. По крайней мере, последовательность движения мысли. Последующее в моей голове все-таки не сливается с предыдущим. В этом я уверен. Кроме того, мгновенное перемещение предполагает необходимость нахождения одного и того же предмета в двух удаленных друг от друга точках. Это не подтверждается — я способен рассуждать о той точке, из которой стартовал, а также о месте, куда меня несет. Вывод — подобное предположение неправдоподобно.

Если второе предположение верно, то, выходит, в трубе прекращается всякое движение. Абсолютно. Тогда, действительно, все должно остановиться: распространение световых и звуковых колебаний, всякое проявление тепловых процессов. Значит, и мое тело должно замереть, вплоть до движения электрических сигналов по нейронным цепям... Тогда каким образом я мыслю? Остается предположить, что сознание как таковое не связано с движением подобных, блуждающих в голове импульсов. Вывод — подобное предположение более вероятно.

Опять же выбор между первой и второй гипотезой невозможен. Обе точки зрения одинаково последовательны и подкрепляются наблюдениями. Выходит, что они обе верны, но этот вывод нелеп. Как бы проверить?..

Хорн опять уперся в стену. С другой стороны, у него два возможных объяснения, а это все-таки лучше, чем ничего.

Стена... Стены! Он вдруг вспомнил, что пограничный слой, образующий цилиндр, грозил гибелью. Его нельзя касаться. Для того чтобы предотвратить соприкосновение, на корабли надевали специальные бандажы — золотистые пояса на носу и корме. Но ведь его скафандр не имеет подобного приспособления, и он рискует в конце концов столкнуться с этой жутью. Но ведь до сих пор этого не произошло, значит, все развивается не так, как он предполагает.

Прежде всего успокойся. Не надо паники! Насчет этого не стоит беспокоиться. Если он коснется их, он об этом не узнает, а предотвратить подобное событие ему не дано.

Так, что еще он может вспомнить, напрямую относящееся к конструкции трубы, принципу ее наведения?

Прежде всего он попытался вообразить туннель в его первоизданном виде. Что сначала бросилось ему в глаза? Легкое, но заметное свечение. Цилиндр, удалявшийся в бесконечность, напоминал прочерченную прямую, постепенно сходящую на нет. Еще на что похож этот объект? На стеклянную трубу, нагреваемую из середины и растягиваемую в обе стороны.

Что ему дают эти образы, зрительные метафоры? Если его предположение верно, то, в этом случае при растягивании диаметр трубы должен уменьшаться и в пределе она должна превратиться в слабо светящуюся нить. Каким же образом через нее проходят многотонные корабли? Или функция золотых колец заключается совсем в другом? Вот еще вопрос — он где находится? Не в суженном ли пространстве?

Необходимо срочно что-то предпринять! Нельзя бездействовать!.. При определенных обстоятельствах фатализм и покорность неизбежны, но чисто психологически он должен оказать сопротивление. Он решил, что в этом смысле следует сконцентрироваться на каком-то одном чувстве и последовательно, раз за разом попытаться вернуть себе эту способность. Начать он решил со зрения. Затея, конечно, безумная, но выбора у него не было. Точнее, у него была бездна времени, чтобы опробовать все варианты. Теперь ему стало совершенно очевидно, что справиться с трудностями, вырваться из плена «ничто» ему может помочь только разум. Усиленная работа мысли. Капля за каплей, открытие за открытием...

Он долго вглядывался во тьму и скоро пришел к выводу, что находится в самой сердцевине этого мрачного пространства. Если у него есть границы, то он, Хорн, равноудален от них. Можно ли было доверять подобному выводу? Но что оставалось делать? И Хорн допустил такую возможность. Правда, никаких практических выводов отсюда сделать было нельзя.

Бесконечность путешествия все же утомила его. Попытка разобраться в своем состоянии, в окружающем сменилась глухим злым отчаянием. Пришлось напомнить себе, что рыдания и вопли делу не помогут. Время, конечно, могло быть человеческой выдумкой, даже инструментом измерения чего-то проистекающего только в одном направлении, но уж в злом умысле его не стоило обвинять. Время ему не враг! Ты в этом уверен? Почему бы не предположить такую возможность? Что запрещает видеть во времени потенциального врага?

«Так, — усмехнулся Хорн, — я, кажется, приоткрыл дверцу, ведущую к безумию, этак можно дорапортоваться до чего угодно! Значит, природа — мой личный враг. Так и ждет, как бы заполнить меня в когти!»

Ждет! Ждать!.. Вот чего ему не хватает — умения ждать. И не просто дожидаться решения своей участи, а целенаправленно и постоянно заполнять сознание свежей пищей, не давать ему ни минуты отдыха. Не допускать провалов в панический ужас. Только думать, думать и думать...

Тяжело? Бродить по пустыне не легче.

Чем, например, он займется, достигнув Эрона? О том, что он может никогда не добраться до него, вспоминать не стоит.

Итак, он на Эроне. Первым делом корабль, стремящийся к нему, попадает в околопланетное пространство, затем медленно втягивается в один из терминалов, подобный тому, из которого он был выстрелен в сторону Эрона. Терминал, естественно, устроен на одном из полюсов. Далее корабль попадает на приямок, ствол которого постоянно направлен на какую-то область пространства. Он независим от вращения планеты. В противном случае вся сеть межзвездных туннелей превратилась бы в нечто, напоминающее комок спагетти. Каждая опорная рама с выставленным направляющим стволом плавает в бассейне, наполненном ртутью. Бассейн мелок. С помощью особых приспособлений по заранее заданной программе стволы поворачиваются в нужном направлении. Правильно! Эрон вращается практически вертикально! Продолжим... Как только корабль попадает в терминал, его тут же сажают на предназначенный подъемник, который опускает его на заранее определенный ярус или уровень. Грузовые суда опускаются глубоко в тело планеты. Выше располагаются этажи, занимаемые военными — они принимают там боевые корабли. Пассажирские лайнеры, которые перевозят почти исключительно златокожих, остаются на верхних ярусах.

К сожалению, он не корабль и укрыться на корабле не имеет возможности. Вход на Эрон для него не предусмотрен. Стоит ему очутиться в границах космического вокзала, как

он тут же будет обнаружен. И сбежать сразу после появления на Эроне он тоже не может. Загрузка, посадка пассажиров происходят так глубоко, что добраться туда нельзя. Даже если сумеет проникнуть на посадочную палубу, как он избежит контрольно-пропускных пунктов? Просто так попасть на Эрон не может никто — только на корабле. Может, несмотря на разницу в скорости вращения, выбраться на поверхность Эрона и попытаться найти какой-нибудь лаз? Безумная затея! Как он достигнет поверхности этой до предела урбанизированной планеты, представляющей собой более искусственное сооружение, чем естественное небесное тело.

Да, но ведь как-то вращающийся относительно планеты терминал связан с нею? Конечно, что-то напоминающее систему подшипников должно существовать. Подсчитаем... По его наблюдениям терминал в диаметре составляет около пятидесяти километров. Примем скорость вращения Эрона равной скорости вращения Земли (они, в общем-то, не совпадают, но не намного). Тогда относительная скорость не должна превышать семи километров в час. Скорость приемлемая, но никто и никогда не пытался проникнуть на планету таким способом.

Безусловно, рассуждая здраво, проходы должны быть, но как их найти? Еще один вопрос в череде таких же незамысловатых, вопросиков — как быстро он движется? что случилось со временем? сколько могут тянуться три часа?

Бесчувственное сознание, которое — по праву ли? — называет себя Хорном, по-прежнему плыло в бесформенном, не обладающем временным измерением «ничто». Под действием непонятных и неосязаемых сил... Полностью изолированное от чего-то существенного, привычного. Стремящееся к цели, где его поджидает гибель. Ему в удел осталась только способность мыслить. Если сформулировать точнее — то, что можно было бы назвать его «я».

Вот в чем заключалась ирония, отметил про себя Хорн. В прежней своей жизни он порой ощущал себя куда более несчастным, чем сейчас, испытывал безграничное отчаяние, терзался от всякой попытки внешней среды вторгнуться в его жизнь, однако в ту пору его никогда не посещало ощущение, что он спеленат, как младенец. Мог, если надо, постоять за себя... В нынешнем своем состоянии, умудренном, исполненном спокойствия, он не то чтобы пошевелить членами, но даже каким-то образом повлиять на окружающее был не в состоянии.

Может быть, его испытывают, пытаются натолкнуть на осознание чего-то запредельного? Божественного?.. Хорн всегда считал, что подобные домыслы являются одной из форм добровольного подчинения обстоятельствам. В этом случае на него оказывала давление вселенная, пыталась натолкнуть на мысль о существовании неподвластного его разумению существа. Поверь в него, отдайся его воле — и сразу наступит покой. Можно поклониться и не существу, а великой энтропии, которая является эффектным завершением колеса страданий.

Это выглядело красиво — раствориться в «ничто». Он, собственно, уже добился этого и вот плывет в нирване, рассуждает... А страдания между тем не убывают. Как, впрочем, и желания... Все-таки хочется обрести тело, смысл...

Есть еще один кандидат на роль вседержателя. Это Эрон... Как ни крути, а только Эрону удалось создать систему, которая не только живет и трудится, но с каждым веком набирает все больше и больше мощи. К сожалению, подобная вера в сути своей была ущербна. Вся она сводилась к признанию всемогущества силы и ненависти.

Сколько же ему еще пребывать в этом состоянии? Как далеко до Эрона?

Что же остается в осадке, если последовательно пройти по пути веры? Если не побояться взглянуть правде в глаза? Единственное, что достойно почитания, — это он сам! Это не гордыня, не попытка махнуть рукой на обстоятельства, отрешиться от них и положиться на «что будет, то и будет». Нет, эта вера имела практическое применение — только он сам, своими «руками» может помочь себе. Основанием для подобного взгляда может служить тот импульс, который толкнул его добраться до земного терминала, влезть на

опору, натянуть на себя космический скафандр и ринуться в непроглядный мрак небытия. Что подвигло его на подобный поступок? Вот за это «что-то» и надо схватиться. Одним словом, довериться себе. При этом ясно сознавать, что при наличии в мире событий немислимых, а значит, невозможных в реальности есть также обстоятельства неизбежные, события неотвратимые.

Глупая теория? Возможно. Однако она еще раз помогла ему избежать умопомешательства и удержала в границах разумного. Значит, возможного. Эрону и на этот раз не удастся сломать его. Эта планета-город столкнула его в беспросветный мрак с единственной целью — лишить его, Хорна, разума; заставить признать наличие все и вся подавляющей воли — пусть то будет Господь Бог, энтропия или сам Эрон.

Он, Хорн, постоянно терпел поражения: сначала в созвездии Плеяд (тогда он еще был наивный идеалист, верующий в добро, справедливость), затем на площади перед исполинским монументом и вот теперь один на один с собой. Однако он никогда не считал, что все кончено. Он всегда верил, что главное сражение еще впереди.

...Единственный путь, который мог привести его на Землю, лежал через Эрон. Выбора у него не было, так как только тем, кто соглашался служить империи, предоставлялась полная амнистия. После короткого срока обучения на Кварлоне, во время которого ему пришлось сражаться с варварами-наемниками с далеких миров, Хорн был доставлен на планету-метрополию. Здесь он попал в руки местных знатоков муштры и военной подготовки.

Офицеры называли полк, в котором были собраны такие же, как и Хорн, изгои, «полком счастливицков». За все время боевой подготовки никто из них не погиб. Однако уже во время службы он узнал, что никому из этого полка не «светит» сразу после окончания учебных курсов отправиться на Землю. Сначала его прикрепили к Генеральному штабу — там он должен был нести охранную службу. Наконец ему удалось добиться перевода на Землю — Хорн был внесен в список команды боевого корабля, местом приписки которого была эта древняя планета.

Скоро корабль перелетел на Калисто. Это был гигантский мир, относившийся к той же самой звездной системе, куда входила Земля. Затем путешествие на Землю, которое заняло куда больше времени. Наконец цель была достигнута, и он занялся изучением возможности дезертировать. Пора было приниматься за сделанный ему заказ. Однажды ночью его поставили на пост возле снятого с корабля орудия, которое подлежало ремонту. Дело происходило в Третьем порту. С поста, предварительно оглушив и связав своего лучшего друга, он и дал деру. Около недели, избежав погони и прочих ловушек, он добирался до унитронной изгороди, отделявшей плодородные фермы от Великой американской пустыни. Чтобы миновать зону ограждения, ему пришлось прорываться через строго охраняемые ворота, при этом Хорн убил двух стражей. Один из них поднял тревогу...

Он двинулся через пустыню. Он верил в себя, верил в удачу. С ним был пони, который никогда не подведет. Нюх у него почище, чем у охотничьей собаки. Если бы не пони, он никогда бы не смог избежать патрулей свободных охотников. Далее все происходило словно в сказке — встреча с китайцем, подземный туннель... Конечно, ему не стоило с такой жестокостью обходиться со стариком, но у него не было выбора, иначе он не смог бы добиться правды. Собственно, все сказочное в его приключениях было связано исключительно со старым Ву. В этой встрече было много непонятного:

Где он теперь, вечный скиталец? Где его удивительная птица? Живы ли они или, что скорее всего, сидят в какой-нибудь темнице?

С чувством стыда вспоминались ему те минуты паники, которые охватили его, когда после убийства Кохлнара он нырнул в подземный туннель. Тут его — изнутри — коснулась вся гамма ощущений, которые он испытал, купаясь в маленькой запруде. У него даже дух захватило от удовольствия. Следом нахлынуло уже что-то совершенно невероятное, волнующее и томительное... Он держал ее в своих объятиях, ощущал запах ее дыхания. Батюшки, он же за грудь ее держал!.. Возбуждение достигло неслыханной силы, сердце

рвалось из груди — ад она, грудь-то? — голова закружилась от необузданного желания... Где голова, какая голова?

Когда же это наконец кончится? Сколько еще до Эрона?

Не глупо ли мечтать о Вендре, наследнице империи? Но это лучше, чем постепенно скатываться в безумие. Хорн с горечью понял, что долго ему не продержаться. Память не беспредельна, вопросы, которые стоило обсудить в подобном безвыходном положении, тоже скоро иссякнут, и как только он начнет повторяться, это будет верный признак, что крыша поехала. Тогда Эрон может торжествовать окончательную победу. В этом случае лучше смерть, потому что безумцу никогда не выбраться из терминала. Ой станет законной добычей какого-нибудь верного служаки, чья бдительность и рвение, несомненно, будут отмечены наградой.

Вот о смерти стоит поразмышлять пообстоятельней. Она того заслуживает. Эта тема до поры до времени неисчерпаема. Прежде всего его привлек вопрос — кто и зачем стрелял в Вендре. Теперь в этом сомнений не было, стреляли именно в нее. Кому была на руку ее гибель? Тому же, кто нанял его, чтобы застрелить Кохлнара?

Интересные вопросы, но времени, чтобы осмыслить их, у него уже не оставалось. Когда в первый раз где-то впереди мелькнул проблеск, Хорн решил, что это галлюцинация. Оказалось, что он ошибается — свечение действительно оживало вдали. Словно в той стороне занималась заря... Труднее было определить, то ли он действительно видел это, то ли свечение рождалось у него в сознании. Возможно, это была иллюзия, возникшая от страстной жажды увидеть свет? В этом случае Эрон приготовил ему очередную ловушку — теперь его будут, манить огни, потом звуки. Глядишь, ему почудится, что кто-то поглаживает его поруке, он вновь почувствует ее запах...

СЛИШКОМ МНОГО ВОПРОСОВ!

Держись, Хорн, империя вновь пошла в атаку. Теперь на тебя натравят монстров, рожденных твоим собственным сознанием. Однако зарево, не унималось захватывало новые участки непроглядной тьмы. И надвигалось оно неспешно. Человек невольно начал отсчет расстояния, потому что он воочию различил, что до свечения оставались метры. По крайней мере, не более двадцати метров. Уже пятнадцать. Четырнадцать. Тринадцать... Десять!

Слишком быстро. Слишком быстро!

Существует ли вероятность того, что он не попадет во входной шлюз? Или скорость окажется слишком велика, ведь программа, управляющая работой туннеля, не предусматривает появления таких объектов?

Неожиданно падение замедлилось — он подвис метрах в десяти от устья, откуда полыхало светом.

Десять. Десять. Десять. Одиннадцать.

Что-то необходимо предпринять. Следует поступить так, как будто все вокруг него реально. Нельзя поддаваться подступающему к горлу страху. Но как действовать? На что решиться?.. Он же двинуться не может!..

Двенадцать. Тринадцать...

Соображай! Если он не попытается, то может отправиться в обратное путешествие на расстояние тридцати световых лет. Приятная перспектива!.. Каким-то образом следует пробить стенку. Это бессмысленно!.. Нет-нет! Что же удерживает его на одинаковом расстоянии от стенок трубы? Его сознание? Тот бессознательный страх прикосновения к тому, что несет смерть? Но ястреб погиб, прикоснувшись снаружи, а если изнутри? Другого выхода нет. Какая-то сила должна действовать в этой странной вселенной! Попытайся! Рванись!.. Представь себе, что ты рванул в сторону. Изо всех сил.

Он так и поступил. Без слов. Яростно и неодолимо. Что-то вцепилось в него. Сила гравитации? На мгновение он почувствовал, что обрел тело, заныли мускулы, он упал на что-то твердое. На пол шлюзовой камеры? Определить не мог — вспышка света ослепила его. Она оказалась такой силы, что острая боль пронзила мозг.

Он потерял сознание. Очнулся быстро, по крайней мере, ему так показалось.

Почувствовал, что дышит, только вздохи и выдохи больше напоминали рыдания. Потом открыл глаза. Сначала ничего не увидел, мгла застила очи.

Пронзила мысль: он сделал это, он добрался до Эрона?

Тот принял его? Как старого друга, долгожданного гостя?

Ну уж нет. Рассчитывать на это было самоубийством.

Из летописи

Мечтатель, строитель...

С упорством муравья человек воздвигал города. В отличие от него он действовал разумно, по заранее придуманному плану. Совсем не потому, что жизнь в каменных теснинах было ему по сердцу, — просто, объединившись, можно было легче решать проблему выживаемости, проще создать комфортные условия существования. И конечно, нельзя сбрасывать со счетов экономические выгоды города... По правде говоря, человек ненавидел города. Всегда. Однако, взявшись за сооружение каменных громад, человек уже не мог остановиться.

Человек стремился к идеалу. Его воплощением сначала казался Эрон, однако природа всякого совершенства заключается в том, что оно в принципе недостижимо. Эрон, казавшийся воплощением человеческой мечты о городе-солнце, стал его проклятием.

Проследим ступени, по которым зодчий-человек поднимался к осуществлению проекта идеального урбанизированного пространства. Вспомним древние Лондон и Париж, небоскребы Нью-Йорка и Денвера... Наконец, Сан-порт... Все они уже лежали в развалинах, когда человек приступил к созиданию Эрона.

Планета-город, упакованная в металлическую оболочку, холодно поблескивающую в свете далеких звезд. Весь мир — единый город. В той степени, в какой росла мощь Эрона, прокладывавшего туннели к новым светилам, златокожий народ все глубже закапывался в недра планеты, тем крепче становилась его кожа. Склады и торговые центры, школы и казармы, силовые подстанции и диспетчерские, особняки и многоквартирные дома, заводы и центры развлечений, рестораны и общественные столовые — вся инфраструктура размещалась под металлическим покровом.

Эрой являлся центр межзвездной империи, ее сердцем — политическим, экономическим и культурным... Каждый корабль во время путешествия по вселенной, всякое движущее средство не могли миновать Эрон. Мощь его, казалось, росла сама собой. Ничто не могло остановить его.

Глава 9. ПАУТИНА

Как бы ни было трудно, однако Хорн сумел взять себя в руки, хотя поверить в то, что случилось, было невозможно. Скорее всего, он все еще на Земле и все это путешествие не более чем бред свихнувшегося одиночки. Разве существует на свете сила, способная выместить его из одной точки пространства и собрать живехонького, целенького в другой, отстоящей от первой на тридцать световых лет?

С той самой секунды, как он выпал из небытия, он изнемогал под пологом нахлынувших ощущений, словно все его чувства, соскучившись по работе, наперегонки бросились снабжать мозг обвалом впечатлений. Тело ныло под воздействием силы тяжести, в уши долбил постоянный монотонный гул, глаза он открыть не мог — сильная резь сразу вызывала обильные слезы. Наконец ему удалось справиться с собой, Хорн поднялся на ноги. Гигантские створки, прикрывавшие вход в ствольную камеру, задвинулись, запечатав устье трубы. На противоположной стороне горел красный фонарь, предостерегающий об опасности. Что ему оставалось делать? Он бросился в сторону люка, через который попал в ствол на земном терминале.

Дверь он обнаружил быстро, нажал на диск и очутился в шлюзе. Как только дверь закрылась, отодвинулась створка на противоположной стене. Хорн попал в раздевалку, где тоже на плечиках, подвешенные на штырях, висели космические скафандры. Все было так похоже, что на мгновение Хорна охватила слабость: неужели он все-таки находится на Земле и это путешествие ему только померещилось? Да, силен Эрон! В сохранении подобия, в унификации всего сооружаемого им Эрону нет равных. Но ведь должен быть какой-то способ проверить догадку? Вот оно!.. Он торопливо оглядел развешанные, похожие на безголовых монстров скафандры. Все вешалки были заняты — значит, он на Эроне. Теперь следовало найти место, куда можно было бы спрятать его костюм. Так, в мусоросборник... Но прежде чем стянуть его с себя, Хорн нажал кнопку. Тут же на внутренней поверхности шлема высветилась надпись: «Запас воздуха — 12 часов; вода — 1 литр; еда...» Ничего не изменилось, он не использовал ни глотка воздуха, ни капли воды. Этот факт подтверждал, что во время пребывания в небытие жизнедеятельность организма была совершенно подавлена. Что ж, теперь необходимо хорошенько заправиться — когда-то еще ему придется перекусить и напиться. Он поколдовал над кнопками, и тут же специальный мундштук коснулся губ. Он вволю попил, затем нажал следующую кнопку, и особый эжектор выдавил в рот мягкий, вкусно пахнущий мясом: шарик. Напоследок он еще глотнул воды.

Теперь он полностью пришел в себя. Бросил взгляд в зеркало — вполне пристойный, ничем не выделяющийся гвардеец. На мгновение встревожился, соответствуют ли лычки и шевроны на предплечье тем частям, которые размещены на Эроне. Затем придавил тревогу — это такие пустяки! Может, он спец курьер или проходит службу в службе...

В этот момент пол под ногами мелко задрожал. Хорн настороженно прислушался. Это могло означать, что какой-то корабль прибывает на конечную станцию. По количеству пробежавших секунд точкой отправления могла служить только Земля. Значит, он как бы на немного обогнал отправившийся вслед за ним транспорт. Все, больше нельзя терять время, следует как можно скорее выбираться из терминала. Он уже совсем бросился к выходной двери, как на мгновение задумался, потом подошел к одному из обезглавленных скафандров, сунул туда руку. Другой нажал кнопку на плите. На ладонь выдавилось несколько питательных шариков. Хорн сунул их в карман.

Он еще спускался по приваренным к многометровой опоре скобам, когда в ствол заполз прибывший с Земли корабль. Это был тот самый разведывательный катер, который он хотел угнать, воспользовавшись Вендре Кохлнар в качестве заложницы. Уже поближе к устланному плитам полу он, спускаясь и не отрывая взгляда, наблюдал, как космический катер кормой вперед осаживался на прямок, представлявший из себя платформу, установленную на дне округлой выемки в полу. У Хорна мелькнула мысль, что, по-видимому, катер далее будет доставлен на подъемник, который поднимет корабль на нужный ярус. Вот если бы пристроиться где-нибудь на корпусе, заметно изменившем свой облик после путешествия в трубе. Тут и там на нем стали появляться надстройки, выдвигаться антенны. Теперь там было за что уцепиться. Но для этого надо спуститься по такой же, устроенной из скоб лестнице на дно прямка, и попытаться найти убежище на корпусе разведчика. Следовало поспешить, при этом не забывать об осторожности.

Вот и последняя скоба! Хоронясь за какими-то фермами, Хорн подобрался к лестнице, ведущей на дно прямка, и тут же, услышав шум, прижался к стене. Из центрального прохода по направлению к кораблю выступило отделение гвардейцев. Двенадцать человек. Все в такой же, как и у Хорна, униформе. Они маршировали строем, с каменными лицами. Шли прямо к обнажившемуся на поверхности выходному люку. Створка сдвинулась в сторону; оттуда брызнул свет, и шесть телохранителей в желтых мундирах спустились по трапу и выстроились по обе стороны. Гвардейцы в сером наконец приблизились к кораблю и неожиданно смешали ряды, подошли поближе к тем, кто был в желтом. Там и замерли...

Хорн затаил дыхание.

В люке появилась Вендре Кохлнар и легко сбегала по трапу. Стоило ей спуститься на металлический пол, как гвардейцы в сером словно ожили. Без всякой видимой команды они

набросились на стражу Вендре. Схватка была недолгой — серых гвардейцев было значительно больше. Двое из них схватили женщину за руки. Вендре начала отчаянно отбиваться, но, несмотря на сопротивление, ее поволокли назад, в корабль.

Хорн уже совсем было собрался выхватить пистолет — следовало помочь возмущенной, явно ошарашенной Вендре, но вовремя спохватился. Это их внутренние дела. Женщина сама подняла тревогу. Стоит ему оказаться у нее в руках — и его песенка будет спета. Впрочем, если он попадет в руки серых гвардейцев, будет не легче. Так что лучше подумать о собственной жизни. Его задача — г выжить! Все остальное сейчас побоку.

Между тем серые окончательно расправились с охраной Вендре. Оружие использовано не было — этот факт накрепко запомнился Хорну. Женщину уже почти втащили в корабль. Перед самым входом она вдруг уперлась ногами в корпус, на трапе опять начался шум, однако Хорн уже не видел всего этого. Воспользовавшись суматохой, он сумел незамеченным проскочить к боковой двери, ведущей из гигантского, словно накрытого куполом зала.

Черт е ними! Хорн с трудом справился с дыханием, когда добежал до выхода. Пусть они сами разбираются между собой. И все равно на сердце было гадко. Все-таки он мог помочь... Эта фраза вызвала у него прилив злобы. Как? Если кто-то решил захватить главу Директората, ответственного за строительство новых межзвездных туннелей, то уж наверняка продумал все детали и появление лишней боевой единицы на стороне Вендре не стало бы для них неожиданностью. В таких делах промахи исключаются. Только сам, по собственной глупости угодил бы к ним в лапы. Зачем?

На пороге он столкнулся с входящим в зал техником. Тот равнодушно полюбопытствовал:

— Что, схватили ее?

Подобный вопрос буквально ошарашил Хорна. Местный с таким видом говорил об аресте одного из руководителей государства, что Хорн поначалу решил — может, он что-то не понял? Он, чтобы выиграть время, с головы до ног оглядел специалиста, одетого в золотистый комбинезон, потом оглянулся. Разведывательный корабль вновь начал разворачиваться в сторону исполинской трубы. Затем Алан вновь взглянул на техника и в свою очередь спросил:

— Кого?

Тот засмеялся:

— Одежку!

Брови у Хорна полезли вверх. Техник еще раз хихикнул и объяснил: ; . л; .

— Какие-то шутники завелись на этой старухе-Земле. Они передали, что убийца попал в трубу и движется в нашу сторону. Только это не корабль. Ты что-нибудь понимаешь?

Наемник отрицательно покачал головой:

— Вот и у нас никто ничего не понял. Сначала передали, что, по их сведениям, убийца проник в туннель, потом как-то странно добавили, чтобы мы приняли здесь его одежку.

— Враки! — решительно заявил Хорн. — Ни о какой одежке и речи не было! Ты что, не знаешь, кого схватили? Это же Вендре Кохлнар.

Техник сначала взглянул на Хорна как на сумасшедшего, потом заметно побледнел, бросил взгляд в сторону уже начинавшего подъем прямка, с помощью которого транспортные средства подаются в трубу, и стремглав помчался по коридору. В аппаратную, наверное, решил наемник... Поднять тревогу или предотвратить запуск корабля в околопланетное пространство. В общем-то, все логично — сейчас корабль с Вендре выйдет в открытый космос, потом его посадят в каком-нибудь укромном месте. Саму Вендре объявят убийцей собственного отца... Налицо государственный переворот. Кто бы мог его осуществить? Ведь здесь самое главное проверить все тихо и очень быстро. Арест такого высокопоставленного лица, как Вендре Кохлнар, — это очень опасная игра. Если только она сумеет подать голос, междоусобица на Эроне неизбежна. По крайней мере, глубокое смятение в умах.

Коридор был пуст, и наемник беспрепятственно добрался до перекрестка. Прямой как стрела коридор пересекался с заметно изгибавшимся, таким же широким проходом. Он постарался вспомнить все, что знал об Эроне. Вот что было важно — принцип паутины златокожие использовали не только для строительства межзвездных труб, но и для целей внутреннего устройства. Они питали к нему какую-то особую слабость. Терминал тоже представлял собой гигантского местного паука, вокруг которого была устроена система коридоров. Они располагались все по той же схеме — радиальные коридоры, исходящие из центра, секлись концентрическими окружностями. Вот до такого извивающегося в теле планеты прохода он и добрался. Значит, задача такая — уйти как можно дальше от космического вокзала и обязательно сменить ярус, чтобы лишить любого проверяющего — а они встретятся у него на пути — всякой мысли о связи этого гвардейца с пространственным терминалом. О том, что он появился из космоса, никто даже догадываться не должен. Тогда вперед! Он снова перешел на бег. Удивлялся другому — почему ему до сих пор никто не повстречался. Собственно, и этому можно найти объяснения. Златокожие — народ немногочисленный, к тому же полости вокруг терминала считаются производственными помещениями, здесь высока степень автоматизации, смены техников и инженеров очень немногочисленны.

Хорошо, будем надеяться на лучшее. По изгибу следующего коридора — тот уже казался почти прямым — Хорн догадался, что отбежал от центра паутины на порядочное расстояние. Вызывало раздражение обилие света — все коридоры были ярко освещены широкими потолочными панелями. Одолеl еще один отрезок и, когда добрался до следующего концентрического прохода, остановился отдохнуть. Тут он заметил распахнутую дверь в стене, за которой царил спасительный полумрак. Еще более его порадовала лестница, обнаруженная за порогом, которая вела вниз. Наконец-то!.. Он не раздумывая помчался вниз по ступеням. Коридоры на более нижнем уровне, до которого вскоре добежал Хорн, были освещены совсем скудно. Что ж, чем темнее, тем лучше. Он решил спуститься еще ниже. На следующем ярусе коридоры были куда уже, в них было почти совсем темно. На полу слоем лежала пыль. По-видимому, сюда уже давно никто не заглядывал.

С другой стороны, ему также нельзя удаляться от космопорта. Не век же ему сидеть здесь, на Эроне. В любом случае необходимо найти способ выбраться отсюда, иначе раньше или позже ему не миновать лап службы безопасности. Поэтому, немного передохнув, он по радиальному коридору направился в обратную сторону. Заблудиться здесь было невозможно — чуть ощущаемое вибрирование и легкий гул доносился до него со стороны терминала. Скорее всего он опустил на тот ярус, где был сооружен специальный, снижающий коэффициент трения бассейн, в котором вращалась опорная платформа. Заполнен он был ртутью. Хорн снова ощутил вибрацию в подземелье... Тут Алан задумался: вправе ли он называть эти искусственные недра «подземельем»? Это скорее «подметаллье»... В следующую секунду он грубо выругался — в такие минуты какая-то дребедень засоряет мозги! И все же отделаться от чего-то жутко-сказочного, милого, навевающего радость и покой, он не мог. Кто-то уже рассказывал ему об этих морях, заполненных тяжелым, похожим на расплавленное серебро металлом. Этот образ поразил его еще совсем маленького, доверчивого. Добрые сказки об Эроне рассказывала ему мама. Точно!.. Теперь он все ясно вспомнил.

Пыль забила в ноздри, он громко чихнул. Настороженно оглянулся. В коридоре ничто не шелохнулось, здесь было по-прежнему пусто, темно, таинственно. Хорн не удержался и чихнул еще раз. И словно прорвало! Это была точно она — мама! Она рассказывала, а у него в голове сами собой рождались удивительно-захватывающие картинки волшебной страны, откуда человек может очень легко добраться до самой далекой звезды. В том краю все было сделано разумно, из металла. Там плещут о металлические берега невиданные моря, в которых колышется металлическая гладь.

Все оказалось ложью. Моря, заполненные жидким металлом, оказались чем-то вроде

подшипников и представляли собой исполинский стакан, всего на несколько сантиметров заполненный ртутью. Это открытие ошеломило его — он сразу распростился с детством. Гибель родителей почему-то не так сильно подействовала на него — тел их не нашли, они погибли под развалинами. Он надеялся на чудо, верил в возможную встречу, когда же узнал насчет бассейна с ртутью, в душе что-то разом обломилось.

Какая сказка, какое диво могло таиться в этих пыльных, мрачных коридорах! При самом богатом воображении вряд ли здесь можно уловить хотя бы проблеск надежды. Скорее наоборот, эти металлические недра были битком набиты ощущением опасности, жутким ожиданием беды. Теперь Эрон являлся для него временным и вынужденным убежищем, откуда следовало убраться как можно быстрее. Легко сказать, но как это сделать?

Радиальный коридор, по которому он бежал, неожиданно уперся в глухую стену. Налево и направо убегал чуть изогнутый проход. Хорн свернул направо и в том же темпе помчался вперед. Скоро он добрался до следующего радиального коридора.

Так и должно быть, отметил про себя наемник, число туннелей, ведущих к центру сооружения, должно постоянно уменьшаться.

Пробежав еще несколько сотен метров вперед, Хорн неожиданно оказался в глухом затемненном тупике. Этого он никак не ожидал и сначала прижался к стене, чтобы дать побольше света. Алан огляделся — действительно, потолок, пол и стены замыкались совершенно глухим торцом. Так же окрашенным... Здесь должна быть дверь, сказал он себе, иначе все это не имеет смысла. Вот только как найти ее? На стенах не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающего ручки, клавиши диска, с помощью которых можно было бы открыть проход. Хорн принялся ощупывать глухую переборку, давить на нее в разных местах. Она не поддавалась. А что, если ближе к краю? Еще усилие... Вдруг что-то щелкнуло. Хорн на мгновение замер, потом нажал на это место еще раз. Обнажилась щель, в которую хлынул свет. Хорн вытер пот со лба и нажал уже изо всех сил. Дверь со скрипом отъехала в сторону. Он заглянул в проем.

Перед ним открылась обширная округлая камера, тоже безлюдная, без всяких признаков какого-либо оборудования. Голые стены, крашеный потолок, пластик на полу. Единственной деталью являлся металлический цилиндр большого диаметра, расположенный точно по центру помещения. Он насквозь протыкал и пол, и потолок. Или это была труба? Как определишь снаружи! Хорн обошел цилиндр. На противоположном конце диаметра, где была устроена дверь, он нашел точно такую же створку. С трудом открыл ее — в полумрак убегал радиальный проход, точь-в-точь похожий на тот, по которому он добрался до этой камеры. Нет, разгадку надо искать в этом непонятном цилиндре.

Вокруг него на потолке было видно кольцо. К нему была прикреплена огражденная металлической сеткой будка, но добраться до нее было непросто. Прямо из будки вниз вела лестница, однако последняя ступенька висела метрах в трех над полом.

Прежде всего Хорн попытался успокоить расхолодившееся сердце. Следует разобраться, что это за сооружение. Ось, на которой вращается платформа терминала? Хорн только плечами пожал. Лифт, ведущий на нижние этажи этой поганой планеты? Ответа тоже не было. Хорн испытывал безмерную усталость и отчаяние. Голова уже отказывалась решать бесконечные загадки, без конца сыплющиеся ему на голову. Его неодолимо потянуло в сон. Хотелось забыть обо всем, смежить веки, погрузиться в сладкую дрему. Будь что будет. Хорн с усилием поднял веки. Если хотя бы на мгновение дать себе слабость, он крепко уснет. Вот этого как раз нельзя было допустить. Здешняя тишина обманчива. Охоту никто не отменял. Если Хорн позволит себе долго оставаться на одном и том же месте, то погоня быстро настигнет его. Он принялся разглядывать будку, что была расположена у него над головой, лестницу, спускающуюся вниз. Высоковато! Что поделать — другого пути у него не было.

Он разбежался и, подпрыгнув, уцепился за нижнюю ступеньку, из последних сил подтянулся, зафиксировал подбородок на металлической, дурно пахнущей ступеньке, затем попытался закинуть ногу. Получилось! Скоро он вскарабкался по лестнице и обнаружил, что

в потолке устроен круглый люк, однако будка находилась в нескольких метрах от него. Как же добраться до люка?

Хорн уперся спиной в поверхность цилиндра и, помогая себе руками, попытался стронуть будку с места. Она должна двигаться, иначе зачем же эта будка здесь висит. С трудом ему удалось переместить будку на несколько сантиметров. Так, по чуть-чуть он продвигался в направлении люка. Когда достиг цели, открыть крышку не составило больших усилий, так же как и влезть на следующий этаж, где металлический цилиндр, не доходя нескольких метров до потолка, обрезался. Собственно, это помещение было во всем похоже на то, откуда он только что выбрался. Здесь было чисто, светло, безлюдно.

Хорн обошел цилиндр, внимательно осмотрел его. Скорее всего, это труба. И она ведет вниз. Здесь ее начало. Или конец?

Ага, вот и дверь. Она едва намечалась на корпусе тончайшей волосяной линией. Справа, как водится у эронцев, диск. Хорн, ни капельки не раздумывая, нажал на него ладонью.

В первое мгновение ничего не произошло, затем створка начала медленно отодвигаться. Скоро внутри открылась небольшая комната, тоже округлая... Места в ней хватало только на одного человека... Посредине — кресло, подлокотники на нем покрыты алым бархатом.

Хорн перевел дух. Куда же это он попал? Выбора не было — двигаться он мог только вперед.

Тогда вперед! Только поспешать следует медленно. Скорее всего, это было что-то напоминающее кабину лифта или какого-то другого движущегося средства. Направляющей является труба, размещенная в центре помещения. Он осторожно уселся в кресло. Сиденье и спинка оказались с пневматической подкачкой. Это что-нибудь да значило. Стены покрыты каким-то приятным для глаз золотистым материалом. Любимый цвет Эрона. И эти покрытые бархатом подлокотники... Не в том дело, что это бархат, а в том, что он почти не стерт. Значит, этой кабиной пользуются редко, не всем она доступна. Но почему нигде нет никаких приборов управления? Контроля, наконец?... Как же задать маршрут движения? Или здесь не из чего выбирать? Путь один — к южному терминалу, расположенному на Южном полюсе... Этак прямо через весь Эрон. Значит, если он воспользуется этим лифтом, то окажется в том же самом положении, что и сейчас?

Хорн нахмурился. Подобное предположение представлялось невероятным. Практичные златокожие вряд ли бы устроили такой расточительный маршрут. Чтобы только в одном направлении?... Не может быть.

Следует внимательно осмотреть все вокруг. Повторный осмотр ничего не дал. Тогда он потихоньку затворил за собой дверь. Как только створка прочно захлопнулась, в камере погас свет и на округлой стене тускло засветились восемь разноцветных дисков. Шесть располагались прямо перед ним. Слева, на расстоянии в треть окружности, кроваво светилось еще одно пятно. С другой стороны на таком же удалении от шести дисков светился белый круг. Первые шесть были окрашены в серебряный, оранжевый, зеленый, голубой и черный цвета. Последний заметно выделялся угольным мраком на фоне сереющей стены.

Вот она, система управления! Она же непременно должна существовать!.. Ясно, что эта кабина может привести его в глубинные области Эрона. Но куда именно?

Белая клавиша? Это легче всего. Вероятней всего, с ее помощью можно добраться до южного терминала. По крайней мере, из того, что он знал об Эроне, это было единственное разумное объяснение. Ну-ка, ощупаем стену... Хорн осторожно коснулся участка стены вокруг белого диска. Так и есть — здесь вторая круглая клавиша. Она, по-видимому, загорается, когда кабина достигает места назначения.

Теперь цветные диски... Признаться, он давно — точнее, сразу, как только вошел в камеру, — догадался об их предназначении, только не хотел верить в это. И как можно было поверить! Если его догадка верна, он сам подписал себе смертный приговор. Можно

оправдываться тем, что выбора у него не было, что он был вынужден поступить так под гнетом обстоятельств, и все же это были не более чем глупые извинения, которые никто не будет выслушивать. Как ни крути, выходит, в самую нужную минуту удача отвернулась от него. Что скрывать, вздохнул он, это личный лифт для глав директоров. Вот и цвета подобраны соответствующие, и на алый бархат не поскупились. Это был их частный транспорт, доставлявший к месту назначения. Для него местом назначения в любом случае была верная смерть.

Что ему оставалось? Бежать отсюда сломя голову? Куда?.. Игра окончена. Он облокотился, подпер голову рукой, печально посмотрел на разноцветные округлые клавиши. Долгий путь, когда-то начавшийся в созвездии Плеяд, подошел к концу. Что же было поворотным пунктом в его судьбе? Ответ был прост — тот самый час, когда он в угольно-черной комнате принял деньги от незнакомца, заказавшего ему чужую жизнь. С той поры каждый его шаг был предопределен — судьба погнала его по единственному пути. К цели... Какой? Вот к этой камере, которая, безусловно, находится под наблюдением. Конечно, вряд ли служба безопасности может напрямую заглянуть сюда, однако где-то на пульте, в каком-нибудь подземелье, уже мигает лампочка, удостоверяющая, что кто-то вошел в служебный лифт. Естественно, высокопоставленный пассажир может позволить себе расслабиться, посидеть, подумать, но это задержка не может продолжаться до бесконечности.

Хорн всегда гордился тем, что волен в своих поступках. Оказывается, все это была иллюзия. Вели его мягко, ненавязчиво. Загнали в межзвездную трубу... Он выжил, чем немало подивил своих преследователей. Ладно, они погнали его дальше, привели сюда, заранее знают, какое решение он примет. Интересно, какое? Сомнения нарастали комом.. То, что совсем недавно казалось само собой разумеющимся, тут вдруг предстало в каком-то неприятном, искаженном свете. Пусть это полное безумие, но логика в нем все-таки присутствовала — это ужасало больше всего. Даже вероятность того, до чего он тут, сидя в этой кабине, додумался, обессиливала напрочь.

Его обвели вокруг пальца? Не без того, но что самое жуткое — они на пути к полной победе. Как складно все получается! Старый Кохлнар гибнет в результате теракта за несколько дней до смерти. Умри он спокойно, и все в Эроне покатилося бы по давно заведенному распорядку. Пышные похороны великому гражданину, сокрушителю Плеяд, затем выборы нового Генерального управляющего... Кому-то эта схема была совсем не по нутру... Кому? Да всем главам директоров, которым не светило стать первым. А кому светило? Скорее Вендре Кохлнар. Вот против нее и был направлен заговор. Дело, конечно, опасное, рисковое, но при точном расчете способное дать наилучшие дивиденды.

Итак, Кохлнар погибает в результате теракта. Сразу объявляется особое положение. Преемника нет, кто в этом случае берет власть в руки? Глава службы безопасности. На самое короткое время, на какие-то часы. Повод — необходимость поймать преступника. Что ж они его не поймали? Вот где проклюнулся дьявольский расчет — зачем Душану Хорн? Вот так, просто-напросто — зачем Хорн Душану? Чтобы казнить его как посягнувшего на святыню Эрона, его верховную власть. Не смешите!.. Даже если бы его, Хорна, задержали, то прикончили в первую же минуту. Тихо придушили бы в каком-нибудь звуконепроницаемом отсеке. Этим господам нужен другой преступник. Ведь вывод напрашивается — если при таком масштабном поиске террорист не был обнаружен, то, следовательно, стрелял кто-то из своих. Из тех, кто был на помосте! Кто же должен был оказаться этим преступником? Судя по всему, Вендре Кохлнар. Она была ближе всех к отцу... Но этого мало! Главная ее вина состояла в том, что, по-видимому, старый Кохлнар выбрал ее своей преемницей и очень много говорил об этом. Иначе зачем ее было арестовывать прямо на трапе, да еще в такой спешке? Думается, ее начнут уламывать... Если она откажется, ее объявят убийцей. Далее все понятно.

Он верил, что счастливо ушел от погони в пустыне, что сумел добраться до терминала на Земле. Как же, уйдешь от них! Этакie простачки — никто не удосужился посадить засаду

в оазисе. Много ли их в пустыне? Потом его заставили повернуть назад, организовали встречу с Вендре, они мило поболтали, наконец сцена у трапа разведывательного корабля. Здесь все было разыграно как по нотам. Если бы наемный убийца ухлопал Вендре на трапе, вот он, убийца, — Хорн. Его бы тут же взяли. Раз номер сорвался, его погнали в терминал, направили в трубу. Там человек исчезает без следа. Был какой-то Хорн — и нет его. Все концы в воду.

Только не надо нервничать, одернул он себя. Во-первых, это только одна из версий. Во-вторых, они никак не ожидали, что он одолеет межзвездное пространство, а этот факт в корне меняет все их планы. Он — живой свидетель, он — убийца, он — ненормальный, который сумел проникнуть на Эрон через небытие. Верно, изрядную панику он внес в их ряды. Если, конечно, они обнаружили его, а вот это было под большим сомнением. Они, должно быть, ищут его на разведывательном корабле Вендре. Точнее, и там тоже.

На душе как-то полегчало, и все равно ощущение вины не оставляло его. Вспомнился старый китаец с его рассуждениями.

«Все мы так думаем, — задумчиво сказал Ву. — Пытаемся по какому-то фрагменту определить, каким же должно быть целое. Смотрим изнутри и строим иллюзии насчет свободы воли, личного выбора. Стоит только издали окинуть взглядом всю картину — со стороны или спустя некоторое время, — сразу становится ясно, что человек влачит свою жизнь лишь потому, что какие-то силы подталкивают его. Иногда поддерживают, в других случаях толкают в пропасть. Тогда отдельные кусочки и сплавляются в цельную мозаику. К сожалению, порой это происходит слишком поздно».

Другими словами, старик сказал, что если что-то или кто-то движется, то это может происходить только под действием силы. Тогда как быть с проблемой выбора?

Выбор! Возможность самостоятельно решить задачу с двумя или со многими неизвестными... Что, в этом случае тоже сказывается чье-то влияние? Ведь он мог согласиться на предложение, сделанное в темной комнате, а мог и отказаться. Так же как и нынче — перед ним шесть кружков. Итого, шесть возможных решений. Неужели все они тоже просчитаны? К тому же он может вообще покинуть комнату! Вот это вряд ли, уныло подумал Хорн. Как раз на это он не пойдет никогда. Погибнуть от жажды или голода, быть безропотно схваченным в одном из этих коридоров? Тем, кто привел его сюда, уже известен ответ? Как еще можно проверить эту мысль, если не попытаться нажать одну из этих клавиш? Тогда какую?

На чем может основываться расчет тех неведомых кукловодов, которые загнали его сюда. На этот вопрос ответить легко. Перед человеком всегда реально стоит только один-единственный выбор — между жизнью и смертью. Он может быть отложен. Бывают моменты, когда эта проблема обостряется до трепета в сердце. Вот как сейчас... Они уверены в том, что он всеми силами будет цепляться за жизнь.

Помнится, он сказал старому китайцу:

«Я не желаю умирать!»

«Все мы не желаем, — ответил он, — никто не хочет смерти. И тем не менее это с каждым случается...»

Надо успокоиться. Надо прежде всего успокоиться! Что мы имеем — серебряный, золотой, оранжевый, зеленый, голубой, черный. Четверо исполнительных директоров, скорее всего, уже вернулись домой, только двоих не может быть на месте — Кохлнара и его дочери. Итак, золотой или серебряный? Конечно, и там, и там есть охрана. Она сейчас взбудоражена, люди не знают, что с ними будет дальше, — в таком состоянии они достаточно опасны. Самая большая неразбериха сейчас, вне всякого сомнения, царит в доме Генерального управляющего, однако нажать золотой кружок Хорн не мог заставить себя по чисто психологическим причинам.

Тогда, выходит, серебряный?!

Он чуть наклонился вперед и нажал на серебряный кружок. Мгновенно в камере стало темно, кресло под ним провалилось, и он невольно всплыл в воздух. Хорошо, что успел

ухватиться одной рукой за подлокотник. Подтянувшись, он вновь устроился в кресле. Пошарил вокруг и неожиданно обнаружил привязной ремень. Застегнул его. Огляделся... Все шесть дисков погасли. Как там белый? Тоже не горит. Откуда же здесь этот мрачноватый кровавый оттенок? Хорн обернулся — красный кружок нагло пялился на него. Наемник откинулся к спинке кресла, попытался как можно глубже вжаться в него. Только теперь до него дошло, что все это время он был под наблюдением. Потом он попытался прикрыть зрачок ладонью. Решил, что, возможно, еще не слишком поздно. Неожиданно красное око погасло, и в следующее мгновение Хорна мягко прижало к сиденью. Кабина начала тормозить.

Из летописи

Надежда!..

Она рождается из безнадежности. Рождается в умах незрелых, но чистых, незлобивых... Надежда — это все, чем они богаты.

Истинная религия созревает среди рабов, питается их чаяниями. Без веры они бы погибли, сами бы кончили все счета с жизнью. Вера рождается в их исстрадавшихся сердцах. Только она способна согреть их души.

Так и культ Великой энтропии! Он возник в среде бесчисленных рабов Эрона. Символом этой веры стал разделенный на две половинки круг. Он воплощал краеугольный постулат этой религии о неизбежности возрождения духа и материи, когда этот мир изменит свое положение. Наглядным объяснением этого тезиса является рисунок нищего, бородатого, лукаво улыбающегося бога, отдыхающего стоя на одной ноге. Стоит ему переступить на другую — и все страждущие, погибавшие в холоде и голоде, безжалостно и несправедливо убиенные возродятся вновь для сытой, спокойной, радостной жизни.

День возрождения!.. Его ждали со все более нарастающей силой, молились о его скором приходе, зывали, окликали небеса, такие разные на разных планетах. Пусть те, кто нынче последние, станут первыми, а те, кто были первыми, станут последними. Из тьмы невежества родился этот культ, в среде беглых, в пропитанных тяжким смрадом катакомбах. Там он взрос, незаконное дитя науки и отчаяния.

Официально культ Великой энтропии был запрещен, однако между собой златокожие признавали, что в этих верованиях что-то есть. Если бы его не было, подобную веру следовало придумать. Ожидание Судного дня позволяло держать огромную массу подневольных работников в повиновении.

Златокожий народ не понимал одной тонкости — угнетение связано с отчаянием, но не только с ним. Разделенный надвое круг мог истолковываться и по-другому...

Глава 10. ПОЛЫЙ МИР

Хорна несколько раз то вдавливало в кресло, то он ощущал легкость в теле и даже чуть всплывал над сиденьем. Потом вновь наваливалась тяжесть. Наконец режим торможения закончился, где-то вдали что-то глухо зашумело, и кабина остановилась.

Где он теперь? Кто мог бы подсказать ответ на этот вопрос?

Вновь загорелась панель управления — все диски засветились разом, даже белый и красный. Белые клавиши — так обе сразу.

Наконец кабина остановилась. Хорн отстегнул привязной ремень и, потянувшись, попытался сдвинуть входную створку в сторону. Она не поддавалась. Тогда он на ощупь нашел кнопку, ткнул в нее, и дверца легко отъехала в сторону. Голубой свет хлынул в кабину. В проем была видна часть помещения, такого же пустого, как и те коридоры, по которым он еще совсем недавно разгуливал. Неожиданно погас красный круг — это как бы служило приглашением пожаловать в неведомый, пустотелый, окрашенный в голубое мир.

Хорн вышел из кабины и оказался в голубой комнате. Она действительно была пуста. Дверь в кабину закрывать не стал — было страшно рвать нить с тем, что хотя бы в какой-то степени было знакомо. Казалось, сомкнись створка — и он окажется навсегда запечатанным в этом голубом пронзительном сиянии. Хорн оглянулся — точно, в помещении никого не было, однако кое-какая обстановка здесь присутствовала. Стены и потолок были расписаны цветами. Растения были очень своеобразны, Хорн таких раньше не встречал. Сквозь фрески на потолке, в прогалах пробивалось голубое небо. Листья тоже были голубая, и к тому же она подрагивала!.. В нарисованных на стенах зарослях расхаживали какие-то странные голубые животные. При взгляде в упор они даже не помышляли сдвинуться с места, но стоило Хорну отвернуться, и он тут же ощущал за спиной чуть заметное шевеление. Несколько раз он резко оборачивался, однако и кусты, и животные, спрятавшиеся за ними, выглядели совсем невинно.

По полу росла голубая травка. Такой удивительный ковер расстился под ногами... В углу комнаты пол приподнимался и образовывал мшистый курган, где местами из-под растительности проглядывали скальные выступы. Там и должен быть выход из этого своеобразного тамбура — Хорн решил это сразу и без всякого колебания. Тут он наконец определил источник удивительно мелодичного, позванивающего шума. Обогнув трубу, он обнаружил проложенный прямо по полу, в нешироком желобке, ручей.

Снаружи труба была разрисована точно так же, как и вся остальная комната. Даже дверь, ведущая в лифтовую кабину, сливалась с общим рисунком, исключение составлял правый угол, где было изображено солнышко, которое якобы должно освещать этот экзотический мирок. Светило казалось излишне голубым, чтобы выглядеть как подлинный портрет. Это была бело-голубая звезда, очень горячая.

Хорну комната не понравилась. Ночи на его собственном мире в Плеядах по яркости мало чем уступали дню. Там и цветов было изобилие. Ночи на Земле ему тоже не понравились. Тьма такая, что хоть глаз выколи.

Наемник пощупал нарисованный на двери солнечный диск и почувствовал, что именно здесь располагалась клавиша, управляющая дверью. Он нажал на нее, что-то негромко звякнуло, створка встала на место, и мгновенный шум удалявшейся кабины показал ему, что теперь он один. Здесь, в апартаментах Вендре, ему вновь придется действовать в одиночку. Что ж, по крайней мере, один маршрут, ведущий к терминалам, ему известен.

Он провел в этом отсеке полчаса — на двадцать пять минут больше, чем следовало. Излазил весь пол, даже попил воды из струящегося ручья. Она оказалась необыкновенно вкусной, холодной и, к его удивлению, газированной. Облазил весь холм и с унынием отметил, что на этот раз интуиция подвела его. В том углу он обнаружил вход в санитарный блок, где были устроены ванная комната и туалет. На вешалках висело большое количество прозрачных, голубоватых тонов одежд. На выход он наткнулся случайно — вел рукой по стене и, по-видимому, нажал на встроенный круг.

За дверью перед ним открылся большой зал, стены его были выкрашены желтой краской. Много дверей выходило сюда. Хорн двинулся по кругу, обходя каждую из них. Прислушивался — может, здесь долгожданный выход? Что-то это место ему напоминало... Какое-то заведение. Он не сразу определился. Только когда из-за одной двери донеслись возбужденные вскрики, женский смех и долгое натужное сопение, его словно озарило. Это же дом развлечений! Как-то паскудно стало на душе. Он никогда не был ханжой, просто подобный сорт досуга претил ему.

Наконец он вышел в коридор, который привел его к запертой двери. Никаких дисков здесь не было и в помине, разве что в стене была прорезана узкая щель — в такие обычно опускают монеты. Делать было нечего — Хорн полез в заветный пояс.

Он потратил ровно пятьсот келонов, прежде чем дверь распахнулась. Если так дело пойдет дальше, решил он, то у него денег не хватит. Ненависть к Эрону охватила его с новой силой.

Он выскочил на улицу, которая напоминала крытую аллею. Здесь было сумрачно.

Самое место для убийц и грабителей... Однако на Эроне, по-видимому, не очень-то разгуляешься, здесь все пространство под наблюдением. Тем не менее его удивило, что аллея была совершенно безлюдна. Может, время сейчас позднее? Кстати, хорошо бы узнать, который час по-местному?

Аллея вывела его к улице с широкой проезжей частью. Тротуары представляли собой самодвижущиеся дорожки. Хорну и раньше приходилось встречаться с подобными устройствами, но никогда он не видел таких совершенных механизмов. Все они были поделены на полосы с разной скоростью движения. Небо над головой — скорее, потолок — было выкрашено в нейтральный цвет сплошной облачности. Оно не давало ни бликов, ни отсветов. Каким-то образом оно светилось само по себе. На бегущих дорожках достаточно многолюдно. Люди с кожей золотистого отлива были разодеты в самые фантастические наряды. На женщинах практически вообще ничего не было — только теперь Хорн ощутил, что здесь довольно тепло. Даже жарковато... Рубашки с короткими рукавами, короткие шорты у подавляющего большинства были украшены бриллиантами. Мало того что блузки разнообразных фасонов были прозрачны, так они еще имели широкие прорезы, сквозь которые особенно соблазнительно проглядывала золотистая кожа.

Не менее пестро были одеты мужчины — все они выступали в шелках, скроенных по самым фантастическим выкройкам, украшенных мехами и драгоценными камнями. Обувь своей вычурностью тоже более походила на женскую. Вот он, златокожий народ. Хорн невольно поежился: что будет, если к нему начнут приглядываться?

Он нарочито широко развернул плечи, спустился по ступеням крыльца. В этот момент его внимание привлекло рассыпчатое цветистое сияние над головой. Он взглянул вверх — над большой, радужно окрашенной дверью светилась надпись, сделанная фигурным, художественным шрифтом: «Миры удовольствий». Странное, однако, место выбрала Вендре Кохлнар для своей резиденции!..

Он ступил на медленно бегущую дорожку, нахмурился. Вид у него в этот момент стал необыкновенно деловой. Любой златокожий, глянув на него, сразу шарахнется в сторону — не стой на пути у этого служаки, который с такой решительностью мчится на выполнение особо трудного задания. В общем-то, ожидаемого эффекта Хорн добился, хотя во взглядах прохожих угадывалось куда больше ненависти и отвращения, чем страха. Боязнь сидела у них в подкорке — это Хорн почувствовал сразу, как только в первый раз попал на Эрон. Владея миром, нельзя было чувствовать себя полностью раскрепощенным, однако откровенное презрение, сквозившее во взглядах местных жителей, поразило его.

«Интересно, — подумал он, — что они чувствуют, глядя на меня? Вопрос существенный. Если неприязнь к варвару, грубому, бестолковому, то это исправить невозможно. От своей внешности не избавишься. Если же они так относятся к этой форме, то у меня есть шанс схорониться на Эроне понадежнее».

Пешеходные дорожки, проложенные по отделанным металлом и пластиком туннелям, пронизывали плоть гигантского мегаполиса по всевозможным направлениям. К краям были сдвинуты полосы, где скорость перемещения была наименьшей, — отсюда было удобно шагнуть за порог магазина или в собственный садик, в глубине которого располагался дом. В середине были устроены скоростные пути. Встав на один из таких стремительных, изготовленных из какого-то черного, похожего на резину материала путей, Хорн помчался мимо разукрашенных, сияющих, манящих и неописуемо изобильных витрин магазинов, раздражающе вкусных ресторанных запахов, полыхающих портретов красоток любого сорта, которыми были буквально заставлены кварталы развлечений.

Пешеходная полоса змеей извивалась между подобными торговыми районами, ныряла в тихую обитель семейных домиков, пролетала мимо больниц, школ, детских садов. Потом небо снова взрывалось огнями и сполохами рекламы. Теперь на улицах было куда многолюднее — люди ступали и сходили с движущегося тротуара. Хорн беспечно летел все вперед и вперед — он буквально ошалел от обилия света, шума. Нарядная толпа, окружавшая его, сбивала с толку. Обратиться к кому-нибудь из них с вопросом казалось

чудовищным. И о чем бы он спросил? Где можно понадежнее укрыться?

У него уже начала кружиться голова. По этому городу-планете можно двигаться бесконечно, и вряд ли когда-нибудь в жизни ему доведется дважды проехать по одному и тому же месту. Все равно подобные масштабы, неизмеримость дорог спокойствия не приносили. Тревога, давным-давно прижившаяся в его сердце, на этот раз дала знать о себе. Рой тревожных мыслей кружился в голове. Долго будет продолжаться его поездка? Куда он мчится? Где в этом раскрашенном великолепии найти надежное убежище? Оглядываясь по сторонам, Хорн не мог решиться прервать движение. За все это время он не встретил подходящего места, где можно было посидеть, подумать. Хотя бы на несколько минут остаться в одиночестве... С тоской он поглядывал по сторонам — да, ему изредка попадались скверики, частные парки, но перебраться туда он не мог. Не знал, как перейти через проезжую часть дорог. Кроме того, почти на каждом таком небольшом, в несколько десятков квадратных метров, участке, на воротах, висела надпись: «Частная собственность». У Хорна уже начала побаливать голова. Время от времени прямо в лицо ему взрывалась светом очередная порция рекламы — купи это, купи то, зайди сюда, попользуйся этим...

Неожиданно, перекрывая уличный шум, сверху раздался голос диктора. Объявление звучало сурово, голос был непререкаем:

«Не все военнослужащие, приписанные к гвардейским частям, прибыли к местам своей постоянной дислокации! Объявляется повторно! Всем гвардейцам немедленно явиться в свои казармы и доложить старшему по званию о прибытии! Без исключений!.. Все иные распоряжения на этот счет отменяются! Только часовые остаются на своих постах до конца смены. Сменять их будут усиленные наряды во главе со старшим офицером. Все не зарегистрировавшиеся военнослужащие будут задерживаться особыми патрулями. В случае неповиновения расстреливать на месте».

Хорн напрягся. Впереди пешеходная дорожка начинала разделяться на три потока. Один из них вел вниз, в недра планеты. Хорн торопливо принялся менять полосу. Ступив на крайнюю правую ленту, нырявшую под уклон, он услышал обрывок передаваемых последних известий.

«...экстренное совещание глав директоратов состоится в течение ближайших двадцати четырех часов. Как ожидают информированные наблюдатели, главным вопросом в повестке дня являются выборы нового Генерального управляющего».

Вниз! Скорее вниз!.. Там единственное спасение. Ниже казарм, ниже складов — в самое подполье, поближе к крысам и всякому сброду. Явиться в казарму после этого приказа — самоубийство. Душан знает о нем, о его появлении в городе. Охота продолжалась, теперь она будет проводиться в его вотчине. Здесь шансы у Хорна минимальные... Даже если его будут гнать в заранее выбранном, неизвестном ему направлении... Всего предусмотреть невозможно, и какой-нибудь нижний чин, не посвященный в тайны верховной власти, охотно разрядит в него свой унитарный пистолет. Ради лишней лычки, ради премии или дополнительного отпуска. Он даже раздумывать не будет. Ну, влип! Холодный пот прошиб Хорна. Сколько у него времени? Минут пятнадцать, не больше. Пока дождутся явки всех гвардейцев, их пересчет и идентификация займут несколько минут. Сунул палец в контрольное отверстие — и тебя тут же проверят по спискам, сравнят отпечаток, группу крови, набор генов. Следующий!..

Но пятнадцать минут у него есть. Что за этот срок можно предпринять? Прежде всего унять озноб страха, который прошиб его с ног до головы. На это ему должно хватить так быстро летящих минут. Собственно, в его положении это первое и самое важное условие. Вниз он мчится стремительно, вот только ярусов здесь, на Эроне, многовато. Он только что пересек третий уровень. По здешним меркам это высший шик, здесь могут появляться только златокожие и такие, как он, выполняющие задания военнослужащие. Всего же на Эроне сто двенадцать ярусов. Пока он доберется до подвалов этого города-монстра!..

Мимо мелькающих огней, мимо транспортных развязок, ныряя во все более сумрачные, скудно освещенные туннели, Хорн все глубже и глубже стремился в недра Эрона. Он уже

проскочил несколько жилых уровней, где в тени искусственных старых деревьев поблескивали окна особняков и вилл. Кое-где его взору открывались целые кварталы стандартных, на одно лицо, частных жилищ. Там все было размечено, расписано, даже на стенах домов виднелись стрелки, указывающие направление к ближайшему убежищу на случай пожара, к местной подстанции, к узлу водоснабжения. От бесконечного мелькания огней, внезапных провалов в полную тьму у Хорна окончательно разболелась голова. Долго он не продержится... Пустыню одолел, в подземном туннеле нашел верный курс, межзвездную трубу с грехом пополам пролетел — все вроде было ничего, но этот бесконечный маршрут уже вымотал его. Он держался из последних сил. Если бы можно было закрыть глаза... Не тут-то было. Чем ниже, тем гуще на движущихся тротуарах становилась толпа одетых в серое гвардейцев, спешащих выполнить приказ. Вскоре толпа превратилась в настоящую демонстрацию — солдаты заполнили все полосы. Гражданские лица попрятались все, как один. Чем мог грозить им этот странный приказ, они понять не могли, но ничего хорошего от объявления тревоги не ждали.

Между тем пешеходный путепровод вынес Хорна на обширное пространство, над которым было подвешено низкое, крашенное серовато-желтой краской небо. За изгородью-сеткой виднелись бесконечные ряды бараков — это и были казармы, предназначенные для военнослужащих. Хорн украдкой поглядывал на солдат,двигающихся рядом с ним. Все они были озабочены, но присутствия духа не теряли. Впереди уже виднелись вооруженные патрули, — значительно усиленные, в гнездах грозно щерились унитронные пулеметы. На подходах к нескольким КПП поток солдат разбивался на отдельные цепочки, далее они попадали на территорию, в общем-то, не имеющую сплошного ограждения. Там, в длинных бараках, располагались вещевые и продовольственные склады. Уже за ними, в прогалах, были видны вышки и забор охраняемой зоны, где помещался личный состав. Попасть туда для Хорна означало верную гибель. Миновав предварительно устроенные посты и оказавшись на территории складов, он заметил несколько дорожек, ведущих прямо к складским баракам. Спрятаться он мог только где-то там.

Покрепче сжав спрятанный в кармане пистолет, он начал перебираться с дорожки на дорожку. Добравшись до первого барака, он оказался на самом краю человеческой реки, устремившейся к главным проходным. Хорн искусно, не вынимая пистолет и изогнувшись всем телом, выстрелил в тусклое небо и, дождавшись рикошета, закричал во всю мощь:

— Вот он! Держите его!..

Солдаты обернулись в ту сторону, куда показал Хорн, движение человеческой реки замедлилось, начался затор. Кто-то бросился в указанную Хорном сторону, сам же он начал пробиваться на боковые бегущие дорожки, которые в обход бараков вели на нижние уровни мегаполиса. Нашлись смельчаки, бросившиеся за ним следом, но их смела прибывающая толпа. Вооруженные охранники быстро оценили обстановку и бросились в погоню, минуя главные проходы. По боковым путям они вырвались из человеческой массы и не раздумывая открыли огонь по беглецу. Хорн, пригибаясь, перепрыгивая с дорожки на дорожку, со всех ног помчался в сторону ныряющего вниз туннеля, куда убегало несколько пешеходных полос. Пули, завывая, пронеслись рядом с его головой — еще мгновение, и он наконец попал в спасительный полумрак.

Теперь он помчался со всех ног. Прыгал с дорожки на дорожку, сумбурно менял направления, сворачивал наобум. Движущийся тротуар оборвался внезапно, Хорн едва сумел сохранить равновесие. Черные ленты проваливались в узкие щели — далее перед ним открылся широкий, совсем почти не освещенный проход. Скорее дорога, ведущая в местные трущобы — оттуда тянуло резким, смрадным запахом нищеты.

Хорн бросился в ту сторону. Лица местных обитателей несли печать нехватки чистого воздуха. Одутловатые, бледные, с намертво прилипшей желтизной, они казались невыносимыми в подобном средоточии роскоши, света, сказочно богатых витрин, являвшихся неотъемлемой принадлежностью верхних этажей. Люди здесь ходили не

поднимая глаз, тут не было движущихся тротуаров, не было музыки — только шарканье подметок по пластиковому покрытию. От него сразу начали шарахаться, причем ужас так отчетливо проявлялся на лицах, что Хорн понял: в форме здесь ему не продержаться и часа — либо донесут, либо пришибут где-нибудь в темном углу.

Магазины здесь были темные. Кучи мусора лежали перед дверями — витрины были разбиты и прогалы прикрыты кусками разноцветной пластмассы. Кое-где и этого не было, и в лавку можно было зайти прямо с улицы. Через витрину... И все равно в этом квартале Хорн неожиданно успокоился. Он словно почувствовал, что находится среди своих. Он был в дальнем родстве с этими людьми, досконально знал их повадки, строй мыслей. У них и сейчас было много общего — он тоже был голоден, был уверен, что жизнь, в общем, печальная штука.

Кто населял эти кварталы? Рабочие с ближайших фабрик, сосредоточенных в этом районе, обслуга, следящая за бесперебойным функционированием систем жизнеобеспечения, члены их семей. Редко здесь попадались опустившиеся, небритые люди — за этим полиция следила строго. Подобный контингент, так же как и преступные элементы, безжалостно удаляли с Эрона. Конечно, бродяги, грабители, убийцы встречались и здесь, однако они хоронились на более низких ярусах. Там они устроили свои логова, там держали оборону.

Хорн без труда отыскал здесь укромное местечко. Голод донимал его, он проглотил последний питательный шарик, посидел несколько минут, потом снова отправился в путь. Шел куда глаза глядят. Правда, недолго. Хорн сразу заметил, что на него начинают обращать внимание — покалишь ненавязчиво. Долго так продолжаться не могло. Первое дело в его положении — совершенно раствориться в толпе. Но для этого одежонку следует сменить немедленно, только нельзя допустить промашку. Все надо сделать тихо, профессионально. Может, зайти в какой-нибудь дом и купить что-нибудь? Это то же самое, что ворваться с пистолетом в магазин. Шуму его появление наделает немало, а шум ему ни к чему. Хотя войти, конечно, можно — двери здесь обыкновенные, с ручками. Никаких дисков на стенах... Что, если зайти в какую-нибудь захудалую лавчонку? Там всегда малоллюдно. С хозяином он сумеет договориться.

Сказано — сделано. Хорн выбрал из ряда дверей, выходящих прямо на тротуар, самую обшарпанную и вошел. Жестяное дребезжание колокольчика возвестило о его приходе. Из полумрака выплыло желтоватое опухшее лицо, словно приклеенное к большой включенной голове.

— Что надо? — хриплым шепотом спросил хозяин.

— Какую-нибудь одежду, — преодолевая отвращение, сказал Хорн.

Голова качнулась из стороны в сторону, раздался хриплый смехок.

— Не-а! — наконец ответил хозяин. — Меня тут же пристукнут. Я не имею права продавать цивильную одежду серым мундирам. Это запрещено!

Хорн пропустил его слова мимо ушей.

— Одежду! Все равно какую. Я заплачу.

Коротышка опять засмеялся. Словно дверной колокольчик затренькал.

— У серого мундирчика не хватит денег, чтобы купить такую одежонку.

— Десять келонов, — сказал Хорн.

Хозяин сразу заткнулся, позволил себе взглянуть в лицо странному покупателю. Смотрел долго, и, по-видимому, осмотр его удовлетворил.

Они сошлись на двадцати пяти келонах.

Хозяин подал ему пару обычных рабочих комбинезонов и указал на дверь в конце темного коридора. Там, в задней комнате, объяснил он, можно переодеться. Не дай Бог, с улицы увидят.

Хорн пожал плечами и направился ту сторону. В комнатухе, куда он попал, было еще темнее, чем в лавке; здесь пахло застарелым запахом еды и пота. Хорн начал быстро переодеваться.

Неожиданно сильные руки обхватили его сзади. Хорн попытался вырваться, но не

тут-то было. Человек, напавший на него, был очень силен. К тому же он выбрал удачный момент, когда руки покупателя оказались спеленатыми снимаемой одеждой. Хорн дернулся посильнее и, как только почувствовал сопротивление, вновь рванулся вперед. На этот раз ему удалось вырваться из объятий. Смрадное чужое дыхание ударило ему в ноздри. Хорна даже передернуло. Упав на пол, он выиграл несколько мгновений и, когда незнакомец вновь бросился на него, резко ушел в сторону. Наконец ему удалось скинуть форменную рубашку. В этот момент какое-то черное пятно мелькнуло перед его глазами, ударило в правое предплечье — он сразу почувствовал, что правая рука онемела. Но левая все еще была при нем!

Повернувшись лицом к нападавшему, Хорн неожиданно обнаружил, что их двое. Незнакомцы были и выше, и по виду сильнее его. Один из них держал в руках какую-то палку. Все это мельком пролетело в голове Хорна. Машинально он сделал ложный выпад и, когда первый поддался на эту уловку, крепко врезал ему левым боковым в голову. Тот сразу упал на пол — уже в лежащем положении начал стонать и издавать булькающие звуки. В прыжке Хорн достал второго и с ходу врезал ему ребром ладони. Тот тоже беззвучно опустился на пол. Между тем первый нападавший уже сумел подняться на четвереньки — так и стоял, водя головой из стороны в сторону.

Хорн замер, прислушался. Все было тихо, исключая хриплые вздохи, стоны да плевки. Первый бандит, встав на колени, сплевывал кровь на пол. Прежде всего Хорн отыскал выпавший во время схватки пистолет, осмотрел его — оружие было в порядке. Он быстро переоделся, пристроил оружие на прежнее место, привязал резиновый шнурок. Успел врезать ногой в живот собравшемуся было встать бандиту — тот снова рухнул на пол и затих. Потом Хорн попрыгал — никаких посторонних шумов, ничто не звякает, не дребезжит, не мешает движению. Постоял, подумал и переместил пистолет в широкий боковой карман. Так сподручнее... Глянул на нападавших. Два больших звероподобных громилы, рыхлых и неуклюжих. Настоящие дегенераты...

Он вернулся в магазин, пистолет держал в руке, был готов ко всяким неожиданностям. Однако уже в лавке, бросив взгляд на перепуганного до смерти хозяина, который тут же закрыл лицо руками, опустил оружие.

— Кепку, — сказал Хорн.

Коротышка сначала не понял, потом, когда до него дошло, быстро закивал, жалко заулыбался. Подал головной убор.

Хорн примерил его, натянул пониже широкий козырек. В его тени черты лица были слабо заметны. Потом повернулся к хозяину.

— Вот возьми, — Хорн протянул деньги, — это укоротит твой язык. Не пытайся настучать на меня ребятам Душана. Они — ребята шустрые, найдут деньги, и ты никогда не сможешь доказать им, что был вынужден помочь мне. Так что забудь, что встречался со мной.

Хозяин опять быстро закивал.

— Вот что еще, — добавил Хорн. — Дай мне дискетку, что я являюсь грузчиком на складах.

Схватив деньги, хозяин повеселел и шустро полез в стол, где выудил пластиковый документ, подтверждающий личность обладателя.

— Униформу уничтожь. Немедленно, — продолжил Хорн. — Не жадничай. Потом позаботься о своих ребятах, что-то им не очень-то везет с таким наводчиком.

Он быстро вышел через переднюю дверь. Опять испуганно тренькнул колокольчик. Некоторое время Хорн стоял на пороге, приглядывался к улице. Здесь было сумрачно. Редкие огни не могли разогнать застоявшуюся полутьму. Нет, решил наемник, и на этом ярусе ему места нет. И здесь он чужой, на которого будет коситься всякий прохожий. Они все здесь друг друга знают или видели. Ему надо спуститься еще ниже.

«Или, может, убийце никогда не найти спокойного уголка? — подумал он. — Что ж, и к этому надо быть готовым».

В этот момент в толпу на улице врезалась группа вооруженных гвардейцев. Рабочие заволновались, послышался ропот. Гвардейцы, не взирая на сопротивление и возмущенные выкрики, перекладывая пистолеты из руки в руку, пробивали дорогу. Неужели облава? Хорн напрягся. Когда отряд пробился сквозь толпу и последний охранник свернул за угол, наемник поспешил смешаться с людьми. Несколько минут он прятался в толпе, все это время внимательно поглядывая по сторонам — нет ли слежки. Все вроде бы было спокойно. Тогда он боком протиснулся к магистральной движущейся дорожке, ведущей вниз. Чем глубже он спускался, тем более спертым, тяжелым и, к его удивлению, жарким становился воздух. Здесь и в помине не было того сладостного свежего ветерка, который обдувал лицо на верхних этажах. Еще труднее стало дышать, когда он добрался до гигантских полостей, забитых всевозможными складами. Точнее, это были ограниченные редкими стояками, с насаженными на них легкими крышами объема, заполненные штабелями ящиков, бочками, кипами каких-то мягких материалов, решетчатыми коробками. В проходах были видны бригады рабочих и электропогрузчики. В отдельных будках сидели толстые, в полосатых штанах на подтяжках фрахтовщики. Хорн старался держаться в тени и, обогнув пространство складов, пустился в дальнейший путь.

Скоро движущаяся полоса нырнула в длинный темный туннель. Крысы здесь бегали прямо по ногам, какие-то крылатые твари шныряли в воздухе. Хорн, переступая с дорожки на дорожку, по-прежнему стремился в недра Эрона. Проходы здесь стали уже и гаже, стены осклизлые, на бегущей полосе стали появляться дыры, на скорую руку залатанные трещины, так что под ноги надо было глядеть в оба. Здесь уже пошли совершенно безлюдные полости, более похожие на пещеры, доступ в них перекрывали унитронные поля. Их лучи были отчетливо различимы в редком скудном освещении.

У входа в длинный узкий коридор Хорн сошел с движущейся ленты. Ход, по-видимому, был пробит в цельной скале — пол неровный, стены теплые. В коридоре густела туманная дымка, между стенами висела паутина. Он без конца стирал ее с лица рукавом.

Выходит, он спустился ниже самого низкого уровня и добрался до планетарной коры, где еще в древние времена были устроены катакомбы. Хорн глубоко вздохнул, невольно сжал челюсти и двинулся вперед. Оружие держал на изготовку. Скоро проход резко повернул вправо и заметно расширился, впереди заиграла россыпь светляков. Наемник замер, ладонью вытер лицо. Приглядевшись, он обнаружил, что это были всего-навсего отблески. Хорн осторожно двинулся вперед, добрался до следующего поворота. Помедлив, шагнул туда и через несколько шагов оказался на пороге обширной, покрытой арочным потолком камеры, вырезанной в коренной породе.

На неровном полу были расставлены рядами деревянные скамьи. Много рядов... Люди, занимавшие на них места, лица свои обратили к дальней стене зала, откуда исходил свет. На фоне яркого свечения силуэтом выделялся сакральный знак — окружность, разделенная по середине прямой линией, которая продолжалась выше и ниже и оканчивалась рукой, ладонью обращенной к зрителям, и — внизу — ступней.

Хорну не надо было объяснять, куда он попал. Знак являлся научным символом, обозначавшим энтропию, это помещение — молельней, где собирались приверженцы культа Великой энтропии. Людей было немного; все они, надев на головы покрывала, сидели, согнувшись, без движений — видимо, полностью ушли в созерцание священного символа, в молитвы. Одежка на них была груба и покрыта заплатами. Хорн сел на ближайшую лавку и подпер голову руками.

Он проделал длинный путь — бежал до тех пор, пока был в состоянии бежать. Теперь путь был окончен. Невольно ему припомнился весь маршрут, последовательно и ярко: красноватые пески пустыни, которая поглотила его сразу, как только он миновал контрольно-пропускной пункт; затем подземелья Санпорта, празднование победы, выстрел, бегство; наконец, прыжок через «ничто», бесконечные коридоры, в которых он плутал под терминалом, жуткие ощущения, которые испытал на верхних, средних и нижних ярусах

мегаполиса. Силы были на исходе, теперь он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Удивительная мысль мелькнула в сознании — словно все, что он сотворил, было позарез необходимо Эрону. «Странные мысли начинают посещать меня, — усмехнулся Хорн. — Если этот паук и нуждается во мне, — трезво рассудил он, — то разве только для того, чтобы повесить меня на первом же попавшемся суку. Кто я? Убийца, негодяй, поднявший руку на самое заветное, что живет в златокожих сердцах — на силу и власть. Для него, Хорна, нет и не может быть надежды. Теперь вся его недолгая жизнь будет продолжением охоты. Каждый приближающийся к нему человек будет представлять потенциальную угрозу, он будет вынужден держаться от людей подальше.

Все равно он должен был сделать то, что сделал. Даже самое мирное животное сражается, стоит загнать его в угол, — одна эта мысль прибавляла ему силы. Он будет бежать долго — может, вечность, — но не сдастся. Он хочет жить, поэтому никогда не прервет бег. Единственная надежда — погубить Эрон. До основания разрушить это паучье гнездо... Хорн с такой силой сжал челюсти, что от напряжения заныли зубы. Неужели его планка такая — разгромить Эрон? Быть того не может! Это даже не смешно.

Беглец, возмечтавший о прекращении мук, поверил в чудо? Что ему еще оставалось, он был лишен всего, и в бегах ему ничего приобрести не удастся. Почему бы не помечтать... Помнится, мать рассказывала ему сказки о богатырях, которые в одиночку сокрушали целые царства. Приятно было послушать... И все равно сквозь недоверие, поглубже ухмылок и обвинений в глупости, в недрах души зрела убежденность: Эрон может быть сокрушен, и это предстоит совершить ему.

Как — увидим! Приглядимся, сообразим. Главное, не останавливаться. Он в хорошей форме, он еще долго сможет бежать — попробуйте догоните.

Из летописи

Атомы и люди...

Их движение происходит под действием определенных, реально существующих сил, оно подчиняется всеобщим законам. Вот почему их перемещения могут быть предсказаны заранее. Конечно, с каким-то приближением...

Существуют силы природные, существуют и такие, которые действуют в человеческом сообществе. Если человек познает эти последние в той же мере, как и законы физические, он сможет с той же точностью предугадать реакцию культуры на то или иное явление, с какой рассчитывает курс космического корабля.

Одна направляющая исторического процесса в ту эпоху очевидна. Это — Эрон. Его влияние невозможно преуменьшить, оно охватывало всю заселенную часть вселенной.

Вызов и последующий на него ответ. Они неразлучны. Их взаимодействие — источник исторического движения. Его направляющая сила... Время бросило вызов — человек ответил на него созданием межзвездного туннеля. На их основе возникла и укрепилась империя.

Теперь сам Эрон оказался вызовом человеку, и хотя ответ заставил себя ждать, он неминуемо должен был последовать. Его безжалостное, неотвратимое давление вызвало к жизни ответную реакцию. Эрон повсюду плодил своих врагов, создавал их собственными руками. Чем дальше, тем сильнее борьба со все новыми и новыми врагами занимала духовные и материальные ресурсы Эрона. Эта борьба сковывала движение человеческой мысли, ослабляла человека на его пути к звездам. Эрон породил созвездие новых государств в Плеядах и сам же разгромил их. То же самое происходило и в других уголках галактики. Этот разрушительный, потерявший исторический смысл круговорот не мог продолжаться вечно. Долго — да, но не вечно!

Семена гнева дали плоды и в другой области приложения человеческого духа. Под спудом зрели иные силы, более могучие, чем зримая мощь государства...

Что есть человек? Может ли он рассчитывать на справедливость и милосердие перед лицом этих вечных жерновов, перемалывающих судьбы, как зерна пшеницы?

Одно может служить утешением: все классические законы действуют статистически, в каком-то пространстве, влияют на какую-то совокупность. Каждый отдельный атом вполне может считать, что обладает свободой воли.

Глава 11. ОЖИДАНИЕ ПРИЛИВА

Проснувшись, Хорн обнаружил, что вокруг сплошной мрак.

В голове еще бродили остатки сна. Жуткие это были видения: он вновь оказался в межзвездной трубе, вновь ощутил себя дрожащим от страха обломком сознания. Нет, не правильно — скорее, жалким остатком величины, которая когда-то именовалась Аланом Хорном. Этот кусочек был способен испытывать исключительно отчаяние, безнадежность и бесчувственность своего пребывания «нигде». Эти состояния наплывами сменяли друг друга...

Некоторое время он тупо вглядывался в темноту, потом принялся ощупывать ложе, на котором спал. Голый камень — правда, теплый и сглаженный. Воздух был несвеж и чем-то припахивал, однако дышать было можно. Наемник сел, спиной нащупал вертикальную опору — тоже каменную, гладкую и теплую, — оперся о нее, прижал колени к груди, попытался унять тревогу. Как он попал сюда? Последние воспоминания обрывались в молельне.

Точно, он там забылся. Очнулся от того, что кто-то, схватив его за руки, завел их ему за спину. Хори дернулся, однако хватка у незнакомца была железная. Упереться тоже было не во что... Те же сильные руки подняли его с лавки, поволокли к нависающей стене. Никто из находившихся в молельне людей не поднял глаз.

Его подтащили к широкому пролому в стене. Он попытался сопротивляться, однако его тут же скрутили. Последнее, что увидел Хорн, это отряд гвардейцев, вбежавших в молитвенный зал. Выскочили они из-за священного символа и хлынули в помещение. Там на невысоком возвышении стоял человек в свободном, скрывающем формы тела одеянии. На голову был надвинут капюшон.

Его втолкнули в мрачный лаз и повели во мрак. Руки завели за спину, замкнули наручники. На шею набросили две петли — один конец держал сопровождающий,двигающийся впереди. Другой нес тот, что сзади. Оглянувшись, Хорн обнаружил, что это был тот самый человек в капюшоне.

Конвоиры шагали быстро. Хорн, чтобы поспеть за ними, скоро перешел на бег трусцой. Старался соблюдать дистанцию, чтобы ослабить натяжение веревок. Это удавалось с трудом. Между тем они все дальше и дальше забирались в каменные катакомбы. Поворот сменялся поворотом, из одного коридора они попадали в другой. Скоро Хорн, теряя силы, начал спотыкаться — в такие моменты одна из веревок резко впивалась в шею.

Наконец они вошли в освещенную комнату. В стене был укреплен кронштейн, изготовленный в виде человеческой руки. В него был вставлен пылающий факел. Потолок терялся во мраке, противоположная стена угадывалась в темноте, однако по звуку шагов и гулкому эху Хорн догадался, что зал обширный.

Здесь их ждали. Это был мужчина, одетый в такую же бесформенную рясу, что и сопровождавшие Хорна стражи. Лицо закрывал широкий капюшон. На груди у него был нашит уже знакомый наемнику символ — круг, разделенный на две половинки.

Стражники неожиданно остановились — одна из веревок дернула Хорна за шею. Он едва не упал, а верзила, который шел впереди, снял с наемника кепку и, обратившись к находившемуся в зале мужчине, объяснил:

— Подходит по описанию. Обнаружен в пятьдесят третьем молитвенном доме.

Это были первые слова, которые услышал Хорн с момента пленения. Он был на пределе сил, тяжело дышал, однако изо всех сил старался держать голову прямо.

— Надвинь ему поглубже головной убор, — ответил мужчина. Голос у него был

решительный, властный.

Хорну тут же надвинули кепку с широким козырьком. В этот момент пламя дернулось, и в его отблесках пленник сумел различить лицо мужчины. Челюсть у него была лошадиная, однако лик не производил впечатление грубой, безжалостной силы. Необыкновенно умные и выразительные глаза хорошо запоминались. Человека этого наемник никогда раньше не видел, предположил, что он из племени мудрецов — служителей культа Великой энтропии.

Мужчина тоже, по-видимому, убедился, что перед ним стоял тот человек, который им был нужен. Он так и сказал:

— Да, это он.

Потом Хорна проводили в камеру, сняли веревки, дали воду и пищу. После питательных шариков так приятно было поесть настоящий хлеб, пусть даже грубого помола, мясо, какую-то кашу — вкусную! Наконец забрали миску, со скрипом затворилась металлическая дверь. Вместе с ней погасли последние звуки, кочующие по подземелью. Тишина наступила полная, вгоняющая в сон. Хорн упорно сопротивлялся наваливающейся дреме. Это он всегда успеет — заснуть беспробудным сном. Сначала он облазил все камеру, изучил каждый уголок ее. Железная дверь являлась единственным выходом. Сквозь щели в камеру попадал свежий воздух. Хорн нащупал замок. Хороший замок, новенький, отлично смазанный... Голыми руками с ним не справиться.

Теперь можно было и поспать.

Проснувшись, он долго мысленно пережевывал все, что случилось с ним с момента пленения в молельне. Искал выход. Выхода не было. Издали до него донесся тихий скрип, затем нетерпеливый шепот:

— Скорее!

В первое мгновение Хорн решил, что ему померещилось, но в следующую минуту ключ шустрее заворочался в замке. Заскрипела дверь... Прежде чем пленник смог разобрать, кто навесил его в темнице, яркий свет ударил в глаза; Лишил возможности видеть.

— Ах, парень, парень! — торопливо и укоряюще заговорил незнакомец. — Сколько же ты нам хлопот доставил! Быстро бегаешь, тебя не догонишь. Однако от судьбы не убежишь...

Вот этот голосок был Хорну знаком. Он вскинул голову и изумленно спросил:

— Ву?!

— Точно, это я, старик. Собственной персоной.

В этот момент что-то металлическое звякнуло о пол, и старик китаец добавил:

— И Лил здесь. Ты не забыл нашу бедную Лил?

Хорн, ни слова не говоря, решительно бросился к двери, подергал ее — замок был защелкнут. Наемник быстро вернулся в полосу темноты — скудный свет отблесками падал из маленького зарешеченного окошка. Факел, по-видимому, горел в коридоре. Старик устроился на полу, уселся на скрещенные ноги, рядом с ним пристроилась взъерошенная кошка.

— Почему дверь закрыта? — спросил Хорн. — Ты что, не собираешься выходить отсюда? Мне тут делать нечего.

— Полегче, мой мальчик. Мы же только что вошли. Зачем спешить, мы можем с той же легкостью выйти отсюда. Однако сначала мы должны поговорить.

— Поговорить здесь? О чем?.. Как ты попал сюда? В последний раз я видел тебя под охраной копыеносцев. Они волокли тебя к монументу.

— Ну, «волокли» — это сильно сказано, — ответил старик. — Вот еще одна загадка для возглавляемой Душаном службы безопасности. Нет такой камеры, в которую можно упрятать нас с Лил. Еще такой замок не изготовлен, который мы не смогли бы открыть. Еще тюрьма такая не выстроена...

— Даже Ванти? — недоверчиво ухмыльнулся Хорн.

— Ты имеешь в виду терминал для правонарушителей, который устроен здесь, на Эроне? — переспросил Ву. — Возможно. Вполне может быть, что Ванти — это то, что надо.

Но им не придется помещать нас туда. Да и как им это удастся — непонятно.

Это предложение насчет Ванги, по-видимому, серьезно заинтересовало китайца. Он некоторое время посидел молча, поигрывая бровями, словно прикидывал различные способы, с помощью которых кто-то мог засадить его и Лил в самую страшную тюрьму вселенной. В этой задумчивости Хорн ощутил какой-то скрытый юмор — может, насмешку над ним, Хорном, — однако положение было таково, что ни о чем другом, как о спасении, наемник и думать не мог. Все же выдержки у него хватило, чтобы не мешать старику, не торопить его. Нынче роли поменялись и он под замком у Ву, поэтому лучше набраться терпения. Тем более старик желает о чем-то поговорить с ним. К удивлению Хорна, старик был одет так же, как и во время первой встречи в пустыне. Все тот же поношенный, покрытый заплатами комбинезон, у ног пригнулся старенький, с обитыми боками чемоданчик. В этот момент откуда-то сбоку к старику метнулась кошка, глаза ее победно блеснули — в зубах она держала здоровенную придушенную крысу.

— Что касается тебя, — неожиданно подал голос Ву, — то я сразу догадался, что у тебя хватит глупости и нахальства, чтобы ухлопать Гарта Кохлнара. Ну-ка, расскажи, что с тобой приключилось дальше?

Хорн подчинился безропотно и вкратце поведал старому китайцу, что случилось с ним после того, как Ву и Лил забрала, копыеносцы Денеба. Когда наемник закончил, Ву некоторое время сидел молча, глядел в стену перед собой, поглаживал кошку. Заговорил он как всегда неожиданно (Хорну вообще было: трудно уследить за ритмом его речи — он как-то странно чередовал паузы с мудреными заявлениями). Все, о чем он говорил, казалось понятным, само собой разумеющимся, и в то же время под покровом слов таилась какая-то осязаемая глубина, некий подспудный смысл. Речь его можно было разгадывать, как шараду, но только не теперь. Хорну очень хотелось вырваться отсюда. С этого, к удивлению Хорна, и начал китаец.

— Я мог бы помочь тебе бежать отсюда, но куда ты пойдешь? Где на Эроне и в его владениях может найти безопасное убежище убийца Генерального управляющего?

— Нет такого места, — кивнул Хорн. — Отсюда следует вывод, что Эрон должен быть разрушен до того, как они достанут меня.

— Одним словом, ты намерен выйти из игры?

— Я этого не говорил.

— Неужели? — рассмеялся Ву. — Одиночка против Эрона. Я готов отдать должное твоей смелости, но только эта мысль не перспективна. Империи рушатся тогда, когда приходит их срок. Никак не раньше...

— Стоит сгнить корням, — неожиданно скрипучим, с подмуркиванием голосом заявила кошка, — и легкого ветерка достаточно, чтобы свалить дерево.

— О, молодость, молодость! — вздохнул Ву. — Ты как всегда бесшабашна и скоро на решения. Как бы я хотел вновь ощутить ту горячую пору, когда все по плечу. Любая вершина одолима, любой океан проходим... С чего ты собираешься начать?

— Не знаю, — признался Хорн. — Может быть, с поисков человека, который нанял меня для убийства Кохлнара.

— Кто это был?

Хорн пожал плечами, потом сообразил, что вряд ли Ву смог разобрать в темноте его ответ. Та комната, где он принял предложение, тоже была битком набита тьмой.

— Не знаю. Там было так же темно, как здесь.

— Ты сможешь узнать его голос?

— Не уверен.

— Как же ты собираешься найти его?!

— Ты уже намекал мне однажды. Помнишь, когда мы были в туннеле? Меня наняли в созвездии Плеяд, после того как Кварнон-4 потерпел поражение. Ты сказал, что теперь никто не знает, что такое истинная преданность.

— Да, я говорил что-то подобное, — согласился Ву.

— Кому-то наверняка что-то известно об этом деле. Думаю, сам Кохлнар догадывался... Ничего не возникает из ничего. Он мог поделиться с кем-то своими опасениями. Из числа тех, кому он доверял. Кто, в конце концов, предал его.

— Ясно, — кивнул Ву. — Такой подход исключает его врагов. Они готовы к подобным вопросам и уже придумали, что отвечать на них. Остаются друзья. Ближайшие друзья Кохлнара... Которым он мог вполне доверять...

— Точно, — подтвердил Хорн. — Сдается мне, что это кто-то из глав директоров. Который после гибели Кохлнара потерял больше, чем приобрел.

— Или нашел... — добавил Ву.

— Безжалостный охотник, — вдруг сказала кошка. — Руки в крови...

— Ты считаешь — Душан? — спросил ее китаец. — Возможно. Он и его дружки могли рассчитывать на получение определенных выгод от сумятицы, которая начнется в государстве. Законным путем они никогда не пришли бы к власти. Да, Душан — подходящая фигура. Он действует быстро и решительно. В настоящий момент он наиболее сильная фигура. У него очень прочные позиции. Они усилятся еще больше, если ему удастся схватить убийцу. Или поступят данные, что нижние уровни находятся в брожении и вот-вот может грянуть мятеж. Итак, Душан... Но уж очень все открыто, все на поверхности... Может, кто-то другой?..

До Хорна долетело металлическое звяканье. С трудом он догадался, что Ву открыл свой чемоданчик. Следом до Хорна донеслись булькающие звуки и крепкий запах синтетического алкоголя. Спустя минуту что-то сунули ему в руки. Хорн нащупал бутылку, глотнул из нее.

— Не забудь о бедной Лил, — напомнил о себе попугай. Хорн так и застыл с бутылкой. Теперь вместо кошки на плече у Ву поместился попугай. Старик вытащил из кармана пригоршню крупных алмазов и скормил их Лил. Отбрасываемого ими блеска хватало, чтобы разглядеть всю картину. Хорн поспешно протянул бутылку жуткой птице.

— Как ты нашел меня? — резко спросил он, обращаясь к Ву.

— Лил и я привыкли отыскивать спрятанные вещи. Или потерянные... Слышишь, Лил, это ты нашла прекрасную тиару, усыпанную алмазами, которую носила Вендре?

Вместо ответа до наемника донеслось тихое похрустывание, потом послышался вздох сожаления.

— Чудесно, просто замечательно, — наконец откликнулась птица, и Хорн сразу не понял, о чем жалеет — то ли о съеденных алмазах, то ли о короне Вендре.

— Тебе, наверное, помогали последователи культа? — снова спросил Хорн.

— Ты — умный паренек, — одобрительно сказал Ву. — Да, я пару раз очень помог им, поэтому они чувствуют себя должниками. Я действительно обратился к ним, чтобы они помогли отыскать тебя.

— Интересная у вас община. Более шустрая, чем сыскари Душана. Странное, должен признаться, умение у людей, приверженных молитвам.

— Разве? — удивился Ву. — Я как-то не обращал на это внимания, просто люди работают в меру своих сил и возможностей. Исходя из смысла поставленной задачи.

— Какой задачи?

— Привести тебя в конце концов сюда, в катакомбы.

— Зачем я тебе нужен?

— Ты вправе задавать подобные вопросы, однако я имею право не отвечать тебе на них. Может, потому, что ты — обаятельный парень, а у стариков есть свои причуды.

Если угодно, это тоже ответ. Должен признаться, ты — занятный молодой человек. Наемные убийцы всегда занимали меня. Не восхищали, — нет, именно интересовали.

— Я и не требую, чтобы мной восхищались, — уступчиво сказал Хорн. — В нынешнюю эпоху я не знаю, перед кем можно было бы преклоняться. Время героев прошло, они погибли молодыми. Я хочу, чтобы между нами все было ясно. Я не испытываю никаких возвышенных чувств, и совесть не грызет меня за то, что я натворил. Я просто хочу выжить.

Вот почему я спрашиваю не из праздного любопытства. От этих ответов зависит моя жизнь. Ты находишься в несколько другом положении.

— Правильно, — согласился Ву. — Наши побудительные мотивы совершенно различны. Ты веришь в профессиональное умение, силу, дерзость. В аморальность, наконец... Я же существую под другими знаменами — это прежде всего хитрость, слабость — не без этого, конечно, — робость и, несомненно, — отсутствие морали. Я знаю, какие грандиозные силы делают историю, и пытаюсь использовать их в своих интересах. Старость помогает мне остаться в живых.

— Ты сильный парнишка, — не согласилась с ним Лил. — Тем, кто знаком с тобой, в голову не придет назвать тебя слабаком.

Ву не обратил никакого внимания на замечание Лил. Хорн почувствовал, что старик сел на своего любимого конька — о силах, которые двигают общество, он мог рассуждать часами.

— Ты молод, — начал он, — и не способен в полной мере оценить те подспудные социальные процессы, мощный потенциал, накапливающийся в тех или иных классах и прослойках. Что значат твои воробыиные усилия по сравнению с громадой империи! И все равно вы мне нравитесь, мистер Хорн. Вы правы, сейчас не время для героических характеров. Рад, что вы наконец встали на точку зрения исторического детерминизма — так называется у нас общественная необходимость, которая тасует, перемещает, сводит лбами огромные социальные группы.

— Я уже догадался, что во всей этой истории я был не более чем пешкой, которую двигал неизвестный мне игрок, — твердо заявил Хорн. — Но этого больше не будет. С этого момента я — свободный человек и действую исключительно по своей воле. — Неожиданно Хорн рассмеялся. — Пусть история и Эрон поберегутся!..

— Тот слаб, — подала голос Лил, — кто верит исключительно в собственную силу.

Ей никто не ответил. Старик погрузился в размышления, а Хорну стало как-то совестно после такого громкого заявления с его стороны. Пафос он презирал, а тут на тебе — сорвался!

Послышалось легкое чмокание — видно, старик пожевал губами.

— На чем основана твоя уверенность, — спросил старик, — что это твое последнее решение не есть очередной ход в игре, которую ведет неведомый тебе кукловод?

— Мы попусту тратим время, — нетерпеливо ответил Хорн. — Мы сейчас не в дискуссиях нуждаемся, не в словесных упражнениях. Кто-то знает ответы на те вопросы, которые мы здесь задали вслух. Хотя человек, который нанял меня... Так и двинемся по цепочке.

— Это ты двинешься. Если, конечно, найдешь его. Интересно, далеко ли дадут тебе продвинуться? Хорошо, предположим, ты нашел этого человека и получил ответ, с какой целью он нанял тебя. Не для чего, а зачем... Что это тебе даст?

— Я определю, в какую сторону копать дальше, — ответил Хорн. — Затем вот что еще можно сделать — разрушить всю систему межзвездных туннелей!

Ву некоторое время сидел молча — Хорну показалось, что он рот открыл от удивления. Точно, старик вдруг громко рассмеялся.

— Вот это размах! — с каким-то облегчением и даже радостью заговорил Ву. — Подобное могло прийти в голову только такому человеку, как ты.

— Эрон во всем зависит от туннелей, — принялся горячо доказывать Хорн. — Это его уязвимое место. Мегapolis не сможет просуществовать и неделю без припасов, подвозимых со всех концов империи. Если мы сумеем поднять восстание, единственный шанс на победу даст изоляция Эрона. Без свежих подкреплений...

— Ты никогда не сможешь воспользоваться этим преимуществом. Я куда выше оцениваю значение системы, туннелей, чем ты полагаешь. Безусловно, нарушив нормальное функционирование транспортной системы ты приведешь империю в состоянии коллапса. Но как этого добиться, если никто не знает, как они действуют?

— Директора должны знать, — ответил Хорн.

— Значит, опять придем к ним? Явимся с поклоном... — задумчиво произнес Ву. — Послушай, я постараюсь помочь тебе. Предположим, что временно мы объединили наши силы. Я употребил слово «временно», потому что не могу знать, сколько еще протянет дух в моем брэнном теле. Я старый, очень старый человек. Я смертельно устал. Но мы оба не любим Эрон, не так ли, Лил? Поэтому, если с империей что-то случится, мы не будем сильно переживать, правда?

— Значит, мы договорились, — быстро сказал Хорн. Он не смог скрыть радость. Поддержку Ву и Лил нельзя было переоценить. Они столько прожили, столько всего повидали, столько всего умели... Первые реальные союзники, с помощью которых неясная зыбкая мечта вполне могла обрести реальные черты конкретного плана. — Хватит тратить время, — торопливо предложил Хорн и вскочил. — Пошли!

— Куда? — остановил его Ву. — Вслепую? Во мрак?... Ох, молодость, молодость...

— Хорошо, ты что предлагаешь?

— Для начала нам необходимо проникнуть в суть вещей. Разобраться во всем, прикинуть, что да как, подготовиться. Потом уже мчаться сломя голову. Для начала переоденся — тут кое-какая одежонка для тебя...

Хорн почувствовал, что в руки ему сунули увязанный тюк. Он нащупал брюки, китель, фуражку. Поколебался немного, потом принялся решительно снимать комбинезон.

— Добавим свету, — хрипло заявила Лил. Раздалось хлопанье крыльев, и мгновением позже в струйке света, что полилась из-за двери, Хорн различил попугая, усевшегося на выступе замка. Коготь его был всунут в замочную скважину. Ну и птица! Для нее не существует замка, который она не смогла бы открыть.

Наемник начал торопливо переодеваться. Сначала сомневался: какой смысл вновь натягивать мундир, если гвардейцы ищут его именно в подобном обличье? Затем, увидев, как Лил поступила с замком, решил не спорить. Тем более что в голове возник другой мучительный, не имеющий отгадки вопрос: каким образом Ву пронес этот наряд в камеру? Когда он вступил; в нее, в руках у него, кроме чемоданчика, ничего не было. Выходит, в чемоданчике?.. Тогда как эта одежда поместилась в нем? Он что, внутри больше, чем снаружи? С этим стариком вечно творятся какие-то несуразности. Ну и пусть! Главное, выйти отсюда!..

Старик китаец тем временем спокойно дожидался, пока Хорн переоденется, — сидел вздыхал, по привычке причмокивал. Потом вновь послышался щелчок. Наемник смутно уловил, что Ву опять полез в свой удивительный багаж. Что он на этот раз достал оттуда, Хорн разобрал, когда старик сунул ему в руку унитарный пистолет с прицепленным к рукояти резиновым шнуром.

— Возьми, — сказал Ву. — Ты нуждаешься в нем, на это есть, по крайней мере, две причины.

— Маскировка и оборона, — подхватил Хорн.

Он застегнул кобуру, приладил шнур, несколько раз потренировался — пистолет без задержки выскальзывал ему в руку. Потом направился вслед за Ву, который уже выбрался из камеры. Некоторое время они шли по темным коридорам. Один раз остановились, и Ву сунул в потайную нишу свой чемоданчик; еще одну остановку сделали, когда впереди заметно брызнуло светом. Слабое сияние пало на руку старика, и Хорн подумал — что-то с ней не то, однако приглядываться времени не было. Китаец резко ускорил шаг, и через несколько минут они вышли на открытое пространство. Впереди смутно посвечивали внутренности транспортной камеры, которая двигалась по трубе. Теперь света было достаточно, и наемник разглядел, что Ву нарядился в роскошный наряд из оранжевого шелка, кромки были отделаны мехом. Бриллиантов тоже хватало... Наемник перевел взгляд на свою форму. Она тоже отсвечивала оранжевым...

«Но ведь это же цвет Директората вооруженных сил!..» — пронеслось у него в голове.

Ву обернулся к Хорну и внимательно, даже придирчиво оглядел его. Наемник сначала

даже отпрянул: на нег смотрело лицо совершенно другого человека — холеное, златокожее, надменное лицо эронского аристократа. Карие глаза глядели из заплывших от жира щек.

В руке Хорна мгновенно очутился пистолет. Теперь он узнал этого человека. Это же Матал, глава Директората обороны!

— Ну как, — спросил тот голосом Ву, — удачная маскировка?

Хорн не знал, что и сказать. Воистину с этим стариком не соскучишься! Он опустил пистолет, который скользнул в рукав.

— Но... — только и смог произнести он.

— Еще один из многих талантов Лил.

— Послушай, Ву, — Хорн выставил в его сторону указательный палец, — эта одежда, внешность... Ты, очевидно, все продумал заранее.

— Заранее? — эхом откликнулся Ву. — Я никогда ничего не планирую заранее, просто стараюсь подготовиться к любым неожиданностям.

Хорн мрачно усмехнулся:

— Что касается свободы воли, то теперь мне кажется, что меня используют по-прежнему, только более изощренно и хитроумно. Признайся, старик, это так?

— Я тебе уже столько раз объяснял, что каждого из нас в той или иной мере используют. Если ты считаешь, что я использую тебя, то я в свою очередь могу считать, что ты пользуешься мною. Вопрос в другом — когда мы наконец отправимся туда, куда собрались?

— А куда мы собрались?

— На встречу с директорами Эрона, — ответил Ву. — Они как раз собираются избрать нового Генерального управляющего. Сейчас наступил самый критический момент со дня образования кампании. Нам надо там присутствовать; принять участие в обсуждении — я как глава Директората обороны, ты — в качестве моего личного телохранителя.

— Хорошо, — тихо сказал Хорн. Интуитивно он почувствовал, что в этой обстановке лучшего решения придумать невозможно. Однако этот старый китаец не только языком молоть мастак. Вон как ловко прикрылся этой жирной, отъевшейся плотью. Однако что скажет настоящий Матал, увидев своего двойника? Он спросил об этом китайца.

— Матал мертв, — ответил тот.

— Как мертв? — не поверил Хорн.

— Он всегда отличался неистребимым легкомыслием. И был безгранично жадным... Подобный диагноз всегда ведет к смерти. Убийцы Матала застали его одного. Он спешил на встречу со своими ведущими инженерами. Ему казалось, что вооруженная сила дает ему всю полноту власти, она ослепила его. Матал погиб в южном терминале. Шел и вдруг схватился за живот. Невелика потеря для империи.

— Душан знает об этом?

— Даже Душан не отважится получить подобное послание, переданное с помощью какого-либо технического средства. Нет, убийца должен сам добраться до Директората безопасности, использовать для этого любые возможности, избежать захвата. Ему предстоит долгий путь, но если мы будем медлить, он может добраться до Душана раньше, чем тот явится на заседание.

— Как ты узнал об этой трубе? — спросил Хорн, кивнув в сторону открытой двери в камеру.

— На Эроне вряд ли можно найти что-то, что было бы мне неизвестно. Трудно сохранить секреты от человека, который пережил несколько цивилизаций. Я находился здесь в те дни, когда эта частная труба, которой должны были пользоваться главы директоратов, еще только монтировалась. Мне даже известно, что подобные аппараты предназначены только для одной персоны. Двоим там будет тесно. Но делать нечего, придется довольствоваться малым. Я уступлю тебе кресло.

Хорн, поколебавшись, наконец решительно вошел в камеру, занял кресло, застегнул привязной ремень. Следом в камеру втиснулся жирный, обрюзгший Матал. Тело у него

колыхалось — было неприятно, когда он протискивался возле коленей Хорна. Старик без конца ворчал, на что-то жаловался, наконец кое-как разместился под панелью управления.

— Закрой дверь, — попросил он. — Я бы с радостью, но с такой комплекцией это крайне несподручно. Знаешь, с каждой минутой мой энтузиазм стремительно убывает.

Хорн посмотрел на старика. Лицо его, находившееся в тени, не понравилось наемнику, но он ничего не сказал. Потянулся и закрыл дверь. В кабине сразу стало темно, только пять кружков светились на стене.

— Какой? — спросил он.

— Черный.

Дрожь пробежала у Хорна по спине. Он нахмурился:

— Но это же Душан!

— Заседание назначено в его резиденции, — ответил Ву. Тусклый свет падал сверху от освещающих дисков на его рыжеватые волосы, однако лицо по-прежнему оставалось в тени. — В самую суть явлений. Гони быстрее.

Хорн нажал на черный диск. Он вновь ощутил невесомость — видно, камера опять свободно двигалась под воздействием силы тяжести. Вот что было странно — камера помчалась не вниз, а вверх. Что-то здесь было не так, подозрения опять зашевелились у него в душе.

Теперь ему было очевидно, что Ву знал слишком много, а он, Хорн, о нем слишком мало. Действительно, что он вообще знал об этом старикашке? Два раза встретились, перекинулись парой слов — все это вполне могло оказаться ложью, ловкой игрой. По существу, этот Ву был темной лошадкой. Он мог работать на Душана. Вот так, тепленького, и доставит наемного убийцу прямо в лапы начальника службы безопасности. Он, Хорн, должен что-то предпринять, нельзя во всем полагаться на этого китайца.

— Ты очень много повидал на своем веку, — обратился к нему Хорн. — Ты знаешь то, о чем Душан, должно быть, и не догадывается. Где, например, я нахожусь. Или о Матале. Такие сведения могут быть добыты только оперативным путем. Я удивляюсь, откуда тебе так много известно?

— Я...

— Это я уже слышал. Ты — старый человек, многое повидал. Но при покушении на Матала ты не мог присутствовать... — Он неожиданно замолчал.

Тень, падавшая на лицо Ву, совсем покрыла его. Подобно капюшону, наброшенному на голову. Сходство было поразительное.

— Это ты! — воскликнул Хорн. — Ты — тот священник, на рясе которого был нашит священный круг?

— Это не круг, — мягко поправил его Ву. — Это — Пророчество.

Из летописи

«Очередность клева»... Кто не слышал о подобном шутливом обозначении неофициальной иерархии, сложившемся порядке подчинения? Неизменная очередность подхода к кормушке особенно заметна на птичьем дворе.

И в человеческом сообществе...

Первой начинает клевать курица А, затем курица В, следом курица С, Д и так далее... Но в ту пору, когда очередность еще только устанавливается, нет мира в птичнике.

То, что куры постигают инстинктивно, человек усваивает с молоком матери — власть неделима. Гарт Кохлнар придерживался этого правила все те годы, что, усердно работая локтями, лез наверх. Эта лестница таила смертельную опасность, но это не останавливало молодого честолюбивого аристократа из обедневшей семьи. Все пошло в ход: интриги, подкуп, обвинения в подкупе, грязные делишки, предательство... У него не осталось друзей, да и союзники скрипели зубами при одном упоминании о Гарте Кохлнаре.

Управление компанией было основано на принципе баланса власти и ответственности, который в теории должен был исключить захват власти одним человеком. Пятеро глав директоратов выбирались компетентным большинством из наиболее достойных кандидатов. Все они — и выборщики, и кандидаты — принадлежали к научно-технической элите Эрона. Только общее собрание и только путем тайного голосования могло лишить того или иного управляющего его поста. В обязанности глав директоратов входило: выработка общей политической линии государства, избрание Генерального управляющего и сохранение секрета межзвездных туннелей.

Генеральный управляющий являлся не более чем исполнителем общей воли верховных руководителей Эрона, однако за всю историю империи почему-то именно Генеральный управляющий и вырабатывал стратегическую линию, и по существу, правил государством. Гарт Кохлнар, например, делал это железной рукой.

Его смерть до основания потрясла весь птичий двор. Порядок клева оказался нарушенным...

Глава 12. ТУПИК

— Неужели ты всерьез веришь, — спросил Ву, — что такой человек, как я, может прожить столько лет исключительно с помощью своих внутренних резервов?

— В таком случае выходит, что у вашей секты нет более важной задачи, чем сохранять твою жизнь, — сыронизировал Хорн, однако Ву вполне серьезно отнесся к его словам.

— И это тоже, — он задумчиво покивал — И утешение страждущих. И возможно, существуют еще какие-то скрытые причины, о которых мы не можем судить в данный момент. Я бы так сказал — вера существует ради всех нас и для нас.

Камера после нескольких едва заметных торможений остановилась. Створка отъехала в сторону. Ву, кряхтя и наваливаясь жирными дряблыми телесами на бедра Хорна, выбрался из трубы. Следом за ним вышел наемник — пистолет он держал на изготовку. Они очутились в просторном, вытянутом в длину зале, стены которого были отделаны черным, с фиолетовыми проблесками мрамором. Ву сразу направился в дальний конец, где при их приближении в сторону сдвинулась широкая, полностью сливавшаяся со стеной панель. За ней располагалась небольшая квадратная комната — здесь тоже все было отделано черным мрамором. Легкий рассеянный свет лился с потолка. Какие-то странные, чуть искаженные, оттого вроде бы ухмыляющиеся лица уставились на них из глубины посвечивающего угольного пространства. Панель задвинулась, и гостей понесло куда-то вверх.

Ву неожиданно подмигнул Хорну, кивнул в сторону поглядывающих рож.

— У меня не в пример больше всевидящих глаз и всеслышащих ушей, но об этом лучше помалкивать. Тем более здесь... Это владения Душана. Камера, должно быть, прослушивается.

— Конечно, — ясный веский баритон отозвался из противоположной стены. Образ Душана всплыл из мраморной глыбы. — Добро пожаловать, Матал, — его голос звучал скучно, обыденно. — Мы ждем тебя.

Кабина лифта остановилась, дверь открылась. Ву вышел первым, Хорн поспешил за ним. Помещение, в которое они попали, являлось точной копией того, что было расположено внизу, — длинный высокий зал, стены, отделанные черным мрамором. Вот разве что на полу был настелен ковер — тоже черного цвета.

— Твой вкус неизменен, — сказал Ву, — тебя так и тянет на мрачное.

— Благодарю, — ответил Душан. Его голос как бы ниспадал с потолка.

Подобная форма общения нервировала Хорна — впечатление было такое, что все здание есть не что иное, как часть Душана.

— Что поделать, — добавил голос хозяина, — такая уж у меня работа.

В дальнем конце зала был устроен парадный портал. По бокам стояли два гвардейца. Створки бесшумно раскрылись перед гостями. За ними обнаружилась приемная, где у

противоположных дверей, ведущих в зал для заседаний, стояли еще два стража. Наконец Ву и Хорн вошли в просторный шестиугольный зал. Стены здесь тоже были отделаны черным мрамором, однако в отличие от других помещений света здесь хватало. Хорн осмотрел закрывшуюся за ними дверь — нигде и маленького шва не заметно. Значит, следует запомнить место.

Посреди зала возвышался стол — тоже шестиугольный, отделанный полированным темным мрамором. Три места были заняты: Душан расположился так, что дверь оказалась от него по правую руку; напротив двери — Фенелон; у Ронхолма выход был за спиной. За каждым из них стояли телохранители. Цвета нарядов каждого из присутствующих соответствовали их ведомствам.

Только у Душана не было личного охранника. Возле его кресла разлеглась огромная охотничья собака. Заметив, что окрас ее шерсти был чернее самой темной ночи, Хорн невольно подивился — не слишком ли много мрачных тонов!.. Что за болезненное стремление закрасить мир, лишиться его цвета!.. Собака по виду была знакома Хорну. Точно такую он ухлопал на площади перед монументом Победы. Душан ласково почесывал эту тварь между ушей.

— Ты опоздал, — прежним скучным голосом сказал Душан. — Теперь можно начинать.

— Меня немного задержали, — в тон ему ответил Ву. — Что-то я не вижу главу Директората коммуникаций, нашу восхитительную Вендре.

— Она тоже, так сказать, задерживается и прибудет позже.

В этот момент подал голос Ронхолм. Он не мог скрыть гнева.

— Я возражаю против самого места проведения заседания! Что это за скрытая форма давления? Почему мы не могли, как обычно, собраться в резиденции Генерального управляющего, в специально отведенном для этой цели помещении?!

Душан миролюбиво посмотрел на него и мягко ответил:

— Но это же очевидно. Должны же мы проявить хотя бы чуточку такта. Генеральный управляющий мертв, мы должны соблюдать траур на период похорон. Теперь второе обстоятельство, более серьезное. Вы должны понять, что в такой напряженный момент я отвечаю за вашу безопасность. Вспомните, Генеральный управляющий пал жертвой злодейского заговора. Я не могу дать гарантии, что в его резиденции можно принять все необходимые меры предосторожности. Кроме того, напряженная обстановка сложилась и на нижних ярусах. На всех мирах замечены искры мятежа. Этот зал — единственное место, где я могу полностью гарантировать вашу безопасность.

— То же самое я могу сказать и о своей резиденции, — фыркнул Ронхолм. Его красивое лицо налилось краской.

Душан широко улыбнулся.

— Неужели? — спросил он и засмеялся. — Вы серьезно?

— А вы серьезно?! — возмутился глава Директората торговли.

Фенелон и Матал не стали вступать в перепалку.

— Вот видите, — Душан не смог удержаться от сарказма, — вы в меньшинстве.

Между тем Матал долго устраивался в кресле. Сел он напротив Душана. Хорн занял позицию у него за спиной.

— Что насчет наемного убийцы? — неожиданно тонким и писклявым голосом спросил Фенелон. — Он уже найден?

Лицо Душана, обильно присыпанное золотистой пудрой, чуть напряглось и потемнело.

— Пока нет, — выдавил он. — Но это дело нескольких часов. Мы знаем, что он на Эроне, мы уже обложили его.

— Неужели? — в тон Душану и с той же интонацией спросил Ву. — Вы серьезно?

Душан искоса глянул на него:

— Я скоро схвачу его. Как только с этим мерзавцем будет покончено, я сумею справиться с мятежом. — Он задумчиво покачал головой. Она у него была огромная, волосы

черные. — Будет справедливо, если мы предадим его смерти. Я отдам его Панике. В отместку за гибель Ужаса. — И он нервно почесал свою собаку между ушей.

— Странно, — заметил Ронхолм, — что вы так печетесь о своем охотничьем псе и не вспоминаете о смерти Кохлнара.

Душан сузил веки и также искоса посмотрел на него:

— Ужас был мне другом, не только слугой. Да, убийцу мы еще не схватили, однако теперь в наших руках человек, который оплатил предательский выстрел.

— Кто же он? — выпалил Ронхолм.

Душан также настороженно посмотрел на Матала, потом на Фенелона, наконец глянул в сторону Ронхолма.

— Всему свое время, друзья, — его губы раздвинулись в подобие улыбки. — Прежде всего нам необходимо заняться более насущными делами — выборами Генерального управляющего.

— Еще не успело остыть тело Кохлнара., . — ни к кому не обращаясь, саркастически заметил Ронхолм.

— События не дают нам права медлить, — решительно заявил Душан. — Эрону нынче жизненно необходима стабилизация, а она невозможна, пока существует неясность с преемственностью власти. Мы должны срочно представить Эрону новое, сильное и дееспособное правительство. Мы все должны объединиться вокруг нового руководителя, как пальцы, сжатые в кулак. Если мы хоть на миг допустим слабину, покажем всему миру, что мы колеблемся в применении силы, искры неизбежно и очень скоро превратятся в костер. Пламя заполыхает на всем просторе освоенной вселенной.

— Разумно, — сказал Матал.

Фенелон кивнул, а Ронхолм заметно помрачнел.

— Я прошу полномочий, — неожиданно заявил Душан, Взгляд его быстро пробежал по лицам присутствующих руководителей.

— А как же Вендре Кохлнар?.. Удивительно, но этот вопрос задал Фенелон.

— При чем тут Вендре? — взорвался Душан. — Я твержу о необходимости жесткого порядка, а вы подсовываете мне женщину. Все против подобного выбора — стратегия, традиции, политическая ситуация!..

— Все, исключая здравый смысл, — ответил Фенелон. Его вытянутое, с тонкими чертами надменное лицо напряглось. — Да, она — женщина. Но какая!.. С детства ее готовили к власти. У нее достаточно квалификации, ума и воли. Вот вы здесь говорили о силе, а я утверждаю — да, сила тоже. Но одной силы недостаточно. За Вендре стоит общественное мнение, мы не раз были свидетелями подобных фактов. Только Вендре способна внести раскол в стан мятежников. Против любой другой фигуры они будут стоять вместе, как вы только что удачно сравнили, — как сжатые в кулак пальцы.

— Баловать преступные элементы переговорами!.. — Душан сделал вид, будто не расслышал. — Так вы, кажется, изволили выразиться?.. Умиротворять рабов запахом нашей крови? Крови златокожих?.. Я вас правильно понял? — зловеще спросил он и тут же, внезапно повысив голос, воскликнул: — Ни за что! Клянусь Келоном!.. Единственный язык, на котором следует разговаривать с рабами, — это кнут! Единственный ответ — смерть!..

К удивлению Хорна, первым на столь решительное заявление откликнулся не кто иной, как Ву.

— Правильно! Правильно! — воскликнул он. — Я предлагаю избрать нашего решительного, жаждущего крови Душана на тот пост, которого он так страстно добивается.

В глазах Душана мелькнуло удовлетворение, он чуть заметно кивнул в знак согласия.

— Нет, Вендре! — решительно заявил Ронхолм.

— Вендре! — поддержал его Фенелон.

Душан многозначительно принялся изучать их лица.

— Но где же наша несравненная Вендре? — наивно спросил Матал.

— Вот она, — откликнулся Душан.

Дверь, противоположная той, через которую в зал вошли Ву и Хорн, отворилась. В проеме стояла Вендре Кохлнар, на ней был тот же самый костюм, в котором ее последний раз видел Хорн. Ее золотистые, в рыжинку волосы были растрепаны, одежда порвана — кое-где через прорехи просвечивала золотистая кожа. Руки она держала впереди себя, и запястья были скручены какой-то поблескивающей металлической лентой.

— Вот наша несравненная Вендре, — усмехнулся Душан. — Прошу любить и жаловать. Отцеубийца во всей своей красе.

В зале наступила тишина. Даже Хорн не мог скрыть растерянности. Первым подал голос Матал.

— Не может быть, — едва слышно сказал он.

— Фантастика! — наконец отозвался Ронхолм. При этом он чуть привстал из кресла.

— Ловко! — теперь и Фенелон отозвался на это удивительное заявление Душана.

Кто-то изнутри толкнул Вендре, и она против воли ступила в комнату. Сделала несколько шагов и замерла. Потом выпрямилась, гневно посмотрела на Душана и вскинула голову. Только теперь она с вызовом оглядела всех остальных участников совещания.

— Пусть он предъявит доказательства! — гордо заявила она. Голос ее был ясен, в нем не чувствовалось и следа страха.

Ронхолм, невольно глотнув, опустился в кресло. Здесь он принял прежнюю настороженно-гордую позу и распорядился:

— Освободи ее!

— Да, — поддержал его Ву, — лучше всего освободить. Затем мы выслушаем, чем ты подкрепишь свое обвинение.

— Конечно, — охотно кивнул Душан. — Если она осмелится подойти поближе...

Вендре на какое-то мгновение заколебалась, потом решительно шагнула к главе службы безопасности. Протянула к нему скованные руки — как раз над самой головой огромного черного пса. Тот глухо заворчал, глянул на хозяина, потом, успокоившись, положил лобастую голову на лапы. Душан протянул руку, коснулся ленты, которая обвивала запястья Вендре. Раздался сухой щелчок, лента соскочила, сама сложилась в кольцо. Вендре отошла к стене, а Душан принялся поигрывать этим колечком.

— Так какие же улики?.. — повторил вопрос Ву.

— Улики..! — эхом откликнулся Душан. — Это тонкая штука. Не имея под рукой наемного убийцы, мы не можем со стопроцентной уверенностью утверждать, что тот находился в контакте с Вендре Кохлнар или ее агентом. Скорее всего, с агентом... Он передал наемнику соответствующие инструкции, заплатил за работу и помог добраться до развалин Санпорта. Очень уж все логично получается. Поразмышляйте вот над какими вопросами: в чьем ведении была подготовка к празднику? Это раз. Кто резко воспротивился, когда я предложил использовать своих людей для охраны площади? Это два. Наконец, кто пытался провести убийцу на свой корабль? Если бы не бдительность моего человека, убийца уже давным-давно был бы в безопасности.

Хорн чуть прищурился. Теперь замысел Душана стал яснее ясного. Действительно, та пуля предназначалась не ему, а Вендре. Душану не откажешь в решительности и ловкости. Сразу после убийства Гарта Кохлнара он отдал приказ расправиться с дочерью. Когда же покушение сорвалось, он с той же стремительностью изменил свой план и обвинил дочь в заговоре против родного отца. Не слишком ли? Не хватил ли он через край? Не может быть, чтобы он пошел на такой вариант без сильных козырей...

Значит, вот за какое звено следует ухватиться — изменение плана. Здесь самое слабое место Душана. Дело, по-видимому, было так: сразу, как только пришло известие о неудачном покушении на Вендре, он приказал арестовать ее. Следом распорядился расправиться с Маталом. Теперь понятно, какое удивление вызвало у него появление руководителя Директората обороны. Пусть даже ему удалось скрыть его...

Между тем Ву взял инициативу в свои руки.

— Это правда? — обратился он к женщине.

— Правда, наполовину перемешанная с грязной ложью. Очень похоже на наручники, которые он держит в руках... На чем основываются его доказательства? На показаниях агента, который якобы видел, как я пыталась провести на свой корабль наемного убийцу. Странной, однако, слепотой страдает этот свидетель. Как я вела убийцу на корабль он видел, а то, что я шла под дулом пистолета, нет. Да точно, со зрением у этого очевидца нелады — он не смог попасть в меня с такого близкого расстояния. История, рассказанная Душаном, — это абсурд. Я была арестована на северном терминале еще до того, как он узнал, что убийца добрался до Эрона. Ему просто надо было объяснить появление наемника здесь, а заодно избавиться от меня. И еще — зачем мне надо было нанимать убийцу, чтобы расправиться со своим собственным отцом? Разве у нас когда-нибудь возникали конфликты? Или мы не ладили?..

Душан, казалось, совсем развеселился:

— Мотивы, говоришь... Тебе какие — психологические? Или практические? Необходимость заключается в том, что ты была не уверена, что он передаст власть именно тебе. Он видел тебя насквозь! Теперь его нет, и мы сразу услышали от кое-кого, что лучшей кандидатуры на пост руководителя, чем ты, нет. Что ты популярна среди народа, что способна договориться с мятежниками...

Вендре вскинула подбородок:

— У меня не было никакого намерения быть Генеральным управляющим. Я отказываюсь, решительно отказываюсь!..

Душан ласково улыбнулся:

— Поздно, дорогая. Чуть-чуть опоздала. Теперь я бы хотел осветить психологические мотивы. Я могу по памяти повторить необходимые выдержки из докладов службы безопасности. У меня на руках веские свидетельства того, что ты ненавидела своего отца за то, что он женился на твоей матери из корыстных соображений. Что он использовал ее деньги и благородное имя Калионов, чтобы взобраться повыше по лестнице власти. Затем, когда она стала не нужна, он бросил ее ради поганых шлюх...

— Заткнись! — закричала Вендре. И тут же тихо закончила: — Как я рада, что я даже всерьез не задумывалась над твоим предложением выйти за тебя замуж. — Она повернулась к другим участникам совещания: — Он предложил мне подумать еще раз над его предложением, и тогда все обвинения будут сняты. Выходит, он сам не верит в свои обвинения и готов покрыть убийцу ради удовлетворения своих низменных желаний? Вот на какие вопросы я хотела бы получить ответы.

— Я не стану отрицать, что делал предложение, — спокойно ответил Душан. — Но здесь просматривается и третье возможное объяснение. Вина и возмездие не более чем абстрактные величины в сравнении с будущим Эрона.

— Отличное предложение, — непонятно чему обрадовался Матал — Брак силы с популярностью. Это может иметь смысл...

— Никогда! — резко возразил Ронхолм.

Вендре с благодарностью посмотрела на него и в тон добавила:

Никогда!..

— Даже ради спасения Эрона? — он спросил Ву. Не верю, что империю можно, спасти подобными методами, холодно откликнулась Вендре. — Если; корни сгнили, дерево все равно упадет. Я лучше выйду замуж за варвара.

Ресницы у Хорна дрогнули.

— Душан обвинил меня в том, что я наняла убийцу для покушения на собственного отца, — тихо продолжила она. — Его убедительные построения, на мой взгляд, не что иное, как разновидность карточного домика. Точно так же все эти «доказательства» могут быть обращены против самого Душана. Кто больше всех выиграл от смерти моего отца, причем случившейся за несколько дней до его естественной кончины? Да-да, все мы знали об этом. Кто пытался взять под свой контроль безопасность проводимых праздничных мероприятий? Кому было наиболее сподручно найти человека, готового на все? Кому на руку обвинить

меня в совершении всех этих преступлений? Каждый из вас имеет железное алиби — как во времени, так и в возможности повернуть это дело. Кроме него! — Она указала пальцем на Душана.

— Хватит! — заорал тот. В тон ему зарычала исполинская псина. Паника поднялась на ноги, два раза отрывисто и басовито гавкнула. Хорн даже вздрогнул. Хозяин успокоил ее и быстро сказал: — У меня есть дополнительные доказательства...

— Могу предположить, — прервал его Матал, — что эти так называемые доказательства не только неубедительны, но и опасны. Если мы начнем сражаться друг против друга, то»как сможем противостоять давлению низов? Что ответим на происки радикальных элементов? Вина сама по себе категория абстрактная, в этом я согласен с Душаном, особенно в тот момент, когда наша империя стоит перед серьезнейшими испытаниями. Вот в чем загвоздка — всякое публичное обвинение Вендре нанесет неисчислимый урон государству, но без предъявления обвинения мы не можем осудить ее. Следовательно, она должна быть освобождена. В свою очередь она должна поскорее забыть об этом печальном инциденте. Это условие выживания — не только Эрона, но и нашего с вами. Мы не имеем права идти стенка на стенку.

Душан внимательно по очереди посмотрел на каждого руководителя.

— Пора приступать к голосованию, — сказал он. — Голосуем за следующего Генерального управляющего Эрона.

— Вендре! — ответил Ронхолм.

— Вендре! — поддержал его Фенелон.

— Душан! — объявил Матал.

Все взоры; обратились к женщине. Она поколебалась немного, потом вопрошающе посмотрела на Ву. Хорн не мог видеть лица старика. В следующее мгновение Вендре сжала губы и произнесла:

— Душан.

У того словно гора с плеч упала, он заметно расслабился.

— Должен был бы поблагодарить вас, коллеги, но вы знаете, я не сентиментален. Конечно, я отдаю себе свой голос, так что, как вы понимаете, три против двух. Это большинство...

Он неожиданно замолчал, повернув голову направо. Дверь скользнула в сторону, и невысокий темнокожий человек в грязной оранжевой униформе вбежал в зал, склонился над сидящим в кресле Душаном, что-то шепнул. В этот момент он краем глаза заметил находившегося в зале Матала. Он замер, челюсть у него отвисла, рука метнулась в карман рваного кителя, выхватила пистолет. Прежде чем он вскинул его, раздался выстрел и темнокожий свалился на пол. Пуля пробила тело и с громким «дзеньк-к» увязла в стене.

Теперь дуло пистолета, которое держал в руке Хорн, смотрело прямо в грудь Душану и Громадная собака вскочила, чуть присела, готовая к прыжку.

Не отводя взгляда от Душана, Хорн почувствовал, что телохранители Ронхолма и Фенелона тоже выхватили оружие и навели его на главу службы безопасности. Душан спокойно смотрел на наведенное на него оружие.

— Покушение? — удивленно спросил Ву. — Здесь?.. Ну, знаете...

Душан, нахмурившись, посмотрел на него:

— Он назвал ваше имя...

— В этом нет ничего невозможного, — ответил Ву. Обстановка накалилась. Хорн по опыту знал, что при таком напряжении в любое мгновение все может закончиться стрельбой, горой трупов. Могла повлиять любая случайность, да просто нервы у кого-то не выдержат... Между тем Душан потянулся к столу, собака двинулась за его рукой...

— Взгляните сюда, — предложил он и нажал какую-то кнопку.

Хорн не сводил с него глаз, держал под прицелом, но ему и не надо было вертеть головой, чтобы увидеть, как за спиной Душана открылась ниша, где стояли охранники с оружием в руках. Одна из черных дырочек смотрела прямо Хорну в лоб. Точно такая же

группа пряталась за боковой стеной. И в третьей стене обнаружилась засада. Только за спиной у Хорна было чисто.

— Не двигайтесь, — предупредил Душан, — они могут неправильно понять вас.

— Тебе тоже следует помнить об этом, — сделал замечание Ву. — Если ты шевельнешь пальчиком, получишь пулю в лоб. Конечно, ты можешь незаметно подмигнуть своим головорезам, однако — это чтобы ты был спокоен — никакая пуля не спасет тебя. Эти ребята, — он кивнул в сторону Хорна и других телохранителей, — успеют ухлопать тебя. Теперь сними руки со стола и больше не пытайся шевелить ими.

Душан послушался.

Наступила тишина. У Хорна мелькнула мысль, что вот они, последние мгновения... Сейчас что-нибудь звякнет и начнется пальба.

— Ты с самого начала задумал покушение, — заявил Фенелон. — Но ты недооценил нас. Твоя резиденция окружена с того самого момента, как я вошел сюда.

Душан улыбнулся:

— Твои гвардейцы давным-давно обезврежены. В этот момент Ронхолм пошевелился в кресле.

— Полегче, полегче, — предупредил его Ву, — от этого не будет никакой пользы.

Ронхолм покорно замер.

— Кажется, мы в тупике, — тихо добавил Ву. — Ты не можешь расправиться с нами без того, чтобы не погибнуть самому. Мы находимся в том же самом положении. Предлагаю быстро найти решение. Чем дальше, тем быстрее ситуация будет ухудшаться. Будет печально, если правительство Эрона погубит самое себя.

Никто ему не ответил. Никто не мог предложить ничего разумного. Никто никому не доверял. Было ясно, что первый, кто уберет оружие, будет застрелен.

Капельки пота выступили у Душана на лбу. Хорн смотрел, как влага потекла у того по щекам, смывая золотистую пудру. Рука у Хорна начала подрагивать.

Из летописи

Распад...

Он всегда сопровождается характерным запахом. Любой историк с уверенностью определит его, когда зловоние начинает шибать в нос, когда пятнами начинает проступать гниение. Только мудрец способен проникнуть в суть вещей и заранее определить, что гибель общественного организма — вопрос времени.

Подобные симптомы были заметны и на теле Эрона. Чуткие ноздри уже трепетали, учуяв струйку сладковатого запаха.

Межзвездные туннели, конечно, были выдающимся достижением. Но в то же время они наградила своих создателей огромной мощью. Что гласит древняя мудрость? Сила развращает, и абсолютная сила развращает абсолютно. За тысячу лет существования компания превратилась из локомотива общественного прогресса в тормоз для всего человечества. Жизнь подмывала ее краеугольные камни, истончала ее фундамент...

Эрон как властелин вселенной теперь воевал руками наемников, строил руками рабов. Средний технический и инженерный состав весь, как на подбор, состоял из варваров. Ими же был укомплектован космический флот. Златокожие оставили себе только функции управления и контроля. Они гордились своими родословными, богатством и, конечно, тайной межзвездных туннелей.

Тут и возникает коренной вопрос: могла ли эта раса ответить на новый вызов, который явила жизнь?

За плечами у компании была тысяча лет. Был опыт, гигантские источники энергии, которую качали прямо из звезд. Какое-то время этот барьер сдерживал поток жизни. Стоял крепко, долго, но не вечно...

Глава 13. СТАЛЬНЫЕ СТУПЕНИ

— Никто из нас не хочет погибать, — голос Ву особенно громко зазвучал в наступившей тишине. — Единственный выход удержать ситуацию под контролем — это сохранять статус-кво. Ни одна из сторон не должна получить преимущество за счет противника. Душан, позволь нам уйти. Твои люди, надеюсь, тебя не тронут, а мы — каждый из нас — уйдем своим путем. Разом по команде.

— Здесь только два выхода, — возразил Ронхолм. — Никто не собирается выйти отсюда после кого-то. Второй очереди здесь не будет. Расстреляют сразу...

— Это правда? — спросил Ву, обращаясь к Душану. — Здесь на самом деле только два выхода?

Душан кивнул.

Ву повернулся к Ронхолму:

— Тогда вы пойдете первым, за вами Фенелон. Хорн затаил дыхание.

— Так как? — спросил Ву. — Вы согласны?

Душан переводил взгляд с одного на другого — видно было, как лихорадочно он ищет выход.

— Альтернатива — смерть, — напомнил Ву.

— Ладно, — хриплым голосом сказал Душан. Все посмотрели на Ронхолма.

— Твое слово?

— Только через этот выход, — ответил он и указал на дверь, через которую вошли Ву и Хорн. Наемник стиснул зубы.

— А я через правый, — сказал Фенелон, кивнув в сторону той стены, через которую в зал попала Вендре.

Положение у глав директоров было незавидное. Хорн прикинул — уйти им вряд ли удастся. Разве что очень повезет... Даже Ронхолму придется с боем прорываться к правительственному туннелю. А для них, спускающихся во вторую очередь, надежды не было. Возможно, было бы спокойнее взять с собой Душана: они смогут прикрыться им, если начнется стрельба. Это тоже вряд ли, вон какая псина охраняет его...

— Мы со своей стороны, — сказал Ву, — воспользуемся третьим выходом. И захватим с собой Вендре.

— Нет! — взревел Душан. Это было так неожиданно, что Хорн едва не нажал на курок. Собака, уже стоявшая рядом с ним, негромко зарычала.

— Осторожней! — ровным голосом предупредил Ву. — Помни об альтернативе.

— Взять ее! — крикнул Душан и тут же отменил приказ. Голос его сразу сел, он только и смог прошептать: — На место!

Напрягшаяся собака сразу расслабилась, мускулы заиграли под гладкой шерстью.

— Иди сюда, Вендре, — предложил Ву, медленно поднимаясь из кресла. — А вы, товарищи по несчастью, будьте настороже. Спускаемся все вместе по моей команде. Душан, не смей двигаться. Запомни, холлы внизу должны быть свободны.

Ронхолм поднялся и начал отступать к лифту спиной вперед. Его прикрывал охранник, который держал на мушке Душана. Также поступил и Фенелон, только с той разницей, что выдержка, по-видимому, изменила ему — губы у него подрагивали.

Вендре встала рядом с Ву. Тот тоже спиной вперед начал отступать к стене. Хорн прикрывал их обоих телом. Через какое-то мгновение он услышал шарканье ног, словно старик китаец повернулся лицом к стене. Следом раздалось характерное приглушенное шипение и дуновение прохладного воздуха коснулось шеи наемника. «Вот старый черт, — невольно восхитился Хорн, — оказывается, он знал про третий выход!»

Бешеные огоньки заплясали в глазах Душана, лицо его налилось кровью. Хорн с намеком показал ему взглядом на ствол пистолета.

— Готовы, джентльмены? — спросил Ву. — Тогда заходим в лифты.

Мелкими шажками, ощупывая пол позади себя, отступал в кабину Хорн. Так же двигались и остальные два телохранителя. Двери начали закрываться. Хорн рукой отодвинул Ву и Вендре в дальний угол кабины, за спину. Когда щель заметно сузилась, он выстрелил. Пальнули все почти одновременно. К сожалению, Душан успел отдать команду собаке, та прыгнула прямо через стол, и пуля, предназначавшаяся начальнику службы безопасности, досталась псу. Многокилограммовая туша ударила в двери лифта. И то хорошо — тело собаки предохранило их от стрелков, расположенных слева, которые сначала обстреляли охранника Ронхолма.

Дальнейшее вспоминалось Хорну как бесконечная, на пределе сил беготня. Лифт остановился почти мгновенно. Створки еще не успели раскрыться полностью, как Ву выскочил в слабо освещенный коридор. Короткая пробежка — Ву впереди, Хорн сзади, между ними Вендре. Время от времени женщина с любопытством приглядывалась к наемнику. Ву на ходу объяснил:

— Душан дьявольски хитер. Он здесь понастроил столько всяких тайных ходов, что, вероятно, и сам все не помнит. Вот этот один из построенных в самое последнее время.

— Я бы хотела поблагодарить вас, Матал, — начала Вендре, — но обстановка не располагает...

— Еще успеете, — бросил через плечо Ву.

В следующую секунду они выскочили на лестничную площадку, длинный пролет которой вел куда-то вниз, в сероватый непроглядный мрак. Хорн глянул в ту сторону и с недоумением посмотрел на старика. Тот не колеблясь бросился к стене и, пошарив по черной мраморной плоскости, нажал спрятанную клавишу. Стена перед беглецами раздвинулась, и они вышли на соседнюю площадку. Отсюда лестница уходила круто вверх. Ву затолкал своих спутников на нижние ступени, а сам остался, чтобы закрыть ход.

Лестница казалась бесконечной. Они мчались по ней, пока Ву, устав, не прислонился к стене. Старик согнулся, громкое хриплое дыхание вырывалось из груди. Он помассировал область ниже шеи, и на лицо его вернулся прежний цвет.

— Вперед! — приказал он.

Хорн недолго колебался — подхватил его руку, закинул себе на плечо и, наполовину волоча, наполовину неся, побежал вверх.

— Со мной все в порядке, — слабо запротестовал Ву, однако Хорн не обратил на эти слова никакого внимания и все тащил его, пока они не добрались до грязноватого помещения. Здесь, на верхней площадке, было устроено что-то вроде раздевалки. Около десятка космических скафандров висели на вешалках, повыше, на полке, красовались шлемы с темными защитными стеклами.

— Что теперь? — спросила Вендре.

— Мы должны как можно скорее убраться отсюда, — ответил старик.

— Куда? — с нескрываемым сарказмом поинтересовался Хорн. — Душан получил власть. Для нас нигде теперь нет надежного укрытия. Ты что, не понимаешь? Он — Генеральный управляющий!..

— Почему ты показал мне, что я должна голосовать за него? — резко спросила Вендре.

— Сколько бы ты прожила, если бы проголосовала против? — мягко, успокаивая женщину, спросил Ву. — Нет, чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что Хорн прав — мы должны решительно выступить против Душана. Единственная возможность — разрушить систему межзвездных туннелей.

— Вы что?! — в ужасе воскликнула Вендре. — Это невозможно!

— Невозможно? — Ву вскинул брови.

— Ну, в принципе это, конечно, можно сделать, но это же погубит империю?!

— Ты считаешь лучшим исходом оставить ее в руках Душана? Нет уж, лучше временно разрушить, чем дожидаться окончательного крушения всей цивилизации. Душан долго не продержится, нет у него для этого возможностей.

Да и умишка маловато. Что мне тебе объяснять! Одно дело — выслеживать, карать,

приводить приговоры в исполнение; другое — строить, созидать, восстанавливать...

— Может, ты и прав, — откликнулась Вендре. — Но стоит только подумать, что случится с людьми, в какую бездну нищеты они опустятся, — сердце сжимается от ужаса. Как только империя лишится силы, все рассыплется. Замрет жизнь на сотнях миров. Все встанет: заводы, фабрики, подъемники, транспорт. Света не будет!.. Дома перестанут отапливаться, нельзя будет пищу приготовить. Что тогда начнется? Паника, бунты, власть кулака? Сколькими миллионами жизней мы заплатим, сколькими детскими жизнями пожертвуем! Погибнет Эрон, здесь запасов всего на несколько дней...

Ву напомнил:

— Вы переодевайтесь, переодевайтесь. — Потом, после недолгой паузы, пожал плечами и добавил: — По всей империи люди мрут, как мухи, дети голодают. Если они не смогут прожить несколько дней без энергии, поступающей в их миры посредством Эрона из недр Канопуса, то тогда они и не заслуживают иной участи. На досуге прикинь, что будет с империей и всей обитаемой частью вселенной, если Душан укрепит свою власть. Сколько новых жертв можно ожидать в этом случае...

— Нет! — решительно заявила Вендре. — Это не путь! Так мы не спасем империю. Я предлагаю направиться в мою резиденцию. Там мы будем в безопасности до того момента, когда сможем организовать решительное сопротивление Душану. За этим дело не станет. Эрон пойдет за мной.

— Как вам угодно, — Ву перешел на официально-вежливый тон. — Но в любом случае мы должны поспешить.

Хорн помог Вендре натянуть скафандр. Касаясь ее, он испытывал неземное чувство. От него кружилась голова.

Время ли охоть, спросил он себя и, собрав волю в кулак, поинтересовался у дочери Кохлнара:

— В тот момент, когда Кварнон капитулировал, кто мог знать о планах вашего отца устроить праздничную церемонию на старой Земле?

Она с прежним нескрываемым любопытством посмотрела на наемника:

— Только я. Этот замысел посетил его, как только мы прибыли в Плеяды.

— Кто еще из глав директоратов знал о нем?

— При мне он никому не рассказывал о будущем торжестве. В Плеядах только я была с ним. Ну, и что это дает?

Хорн пожал плечами:

— Сам не знаю. — Он помог ей натянуть шлем.

— Спасибо, — поблагодарила его Вендре и улыбнулась.

Хорн покраснел. Он посильнее надавил на ее шлем и тихо пролепетал:

— Рад помочь.

Хорн увидел ее улыбку через стекло шлема. Потом он повернулся к Ву. Тот в это время колдовал возле плоского экрана. Под ним была устроена панель с десятью черными кнопками, расположенными в два ряда. Ву пробежал пальцами по восьми из них. На экране появилось изображение маленькой комнатухи с выкрашенными стенами. Вся мебель была перевернута. Ву пробежался по кнопкам еще раз. Изображение погасло.

— Видел? — спросил он у Хорна. — Это наша штаб-квартира. Все разгромлено.

— Куда же мы теперь? — поинтересовался Хорн.

— На терминал, конечно. Пора заняться туннелями, — спокойно ответил Ву.

Хорн искоса посмотрел в сторону Вендре. Хорошо, что она не может их слышать. Тем не менее она с любопытством смотрела на них, потом неожиданно повернулась и направилась к противоположной стене, где виднелась дверь, ведущая в выходной шлюз. Китаец между тем все еще возился со своим скафандром. Хорн помог ему и, кивнув в сторону Вендре, спросил:

— А с ней как быть?

— Ты становишься сентиментальным, — мягко укорил его Ву. — Помог мне на

лестнице, теперь беспокоись об этой женщине. Постараемся переубедить ее.

— Ты считаешь возможным в нынешнем нашем положении добраться до терминала?

— Правильно, — согласился Ву. — Как, впрочем, и в любое другое место.

Перед тем как помочь Ву надеть шлем, Хорн спросил:

— Скажи, зачем ты все-таки проголосовал за Душана?

— Неужели непонятно? Душан глуп! Он — прекрасный исполнитель, не более того.

Проникнуть в суть вещей ему не Дано. Если бы он проявил хотя бы чуточку предвидения, он должен был обеими руками голосовать за Вендре. Только она в состоянии спасти империю, и если бы они с Душаном объединились — он, безусловно, на вторых ролях, — то нам можно было бы сматывать удочки. Это великолепный, может быть, единственный шанс. Все еще непонятно? Душана ненавидят все — от рабов до аристократических семейств. Кохлнар не зря столько лет вдалбливал в головы людей мысль о том, кто является источником всех бед. О, это был великий человек! При нем тебя бы отыскиали за несколько часов... Попробуй только не отыскать. А у Душана глаза разбегаются, он не знает, за что ухватиться. Его правление будет очень коротким, и как только власть выпадет из его рук, кто должен подхватить ее?

Хорн кивнул в сторону стоявшей у входа в шлюз Вендре.

— Точно. Но при этом ей придется принять наши условия. Все, кончай разговорчики! Мы и так потеряли слишком много времени.

Скоро они все уже поместились в выходном шлюзе. К удивлению Хорна, здесь отверстие было не в стене, а в потолке. Оттуда спустилась лестница. Боковые створки позади них замкнулись, только тогда Ву первым начал взбираться по лестнице. За ним последовала Вендре и, наконец, Хорн. Взбравшись наверх, они дождались, пока плита под ногами закроется.

Округлая крышка люка, вделанная в боковую переборку, начала открываться. Напор воздуха легонько подтолкнул Хорна в ту сторону. Влага мгновенно превратилась в ледяную кристаллическую пыль, изморозь на глазах начала покрывать стены. Чернота в проеме все ширилась и ширилась, в ней уже начали проклевываться звезды...

Они по очереди выбрались на металлическую поверхность Эрона.

Странная картина открылась перед Хорном. Над четко очерченным горизонтом висело красноватое, сравнительно небольшое светило. Багряная размытая дорожка бежала от него в их сторону по гладкой, напоминающей замерзшую поверхность океана. Металлическая оболочка была нарезана на равные прямоугольники — из подобных листов она когда-то и собиралась. Спутника у планеты не было, и немигающие звезды, крупные, словно зрячие, в упор смотрели на незадачливых двуногих, посмеявшихся выползти в этот плоский, пустынный, насквозь промерзший мир. Иной встречи Хорн и не ожидал — редко когда окружающее пространство бывает милостиво к человеку. Удивило его другое — отчетливо была заметна кривизна поверхности. Они словно находились на поверхности гигантского футбольного мяча. Ощущение было такое, что стоит поскользнуться, и ты покатишься до самого полюса, где наверняка, не удержавшись в поле тяготения, как капля, оторвешься и свалишься в эту бездонную, уставившуюся на него мириадами очей чернь. Хорну стало немного не по себе. В этот момент, однако, глаз нашел опору — из-за горизонта то там, то здесь выплывали золотистые изогнутые линии, описывали сложные кривые и исчезали в глубинах космоса. За одну из них, возможно, удастся ухватиться... В этот момент его даже передернуло. Он вспомнил опаленные крылья хищной птицы, посмевавшейся приблизиться к туннелю. Изнутри им можно было пользоваться — в этом он сам убедился, — но приближаться к стене туннеля снаружи было смертельно опасно.

Кстати, один из терминалов находился не так уж далеко. Правда, определить до него расстояние было невозможно — взгляду не за что было зацепиться в этой металлической пустыне. Также трудно было сказать, какой это выход — северный или южный. Одна надежда, что Ву разбирается в местной географии.

В этот момент что-то коснулось перчатки Хорна. Он обернулся. Ву подзывал его к

себе. Наемник протянул было руку, чтобы включить радиосвязь, однако Ву решительно задержал ее. Поманил еще раз, поманил также и Вендре. Когда они коснулись шлемами друг друга, старик сказал:

— Никаких телефонов! Слишком опасно. Воздушный шлюз и скрытую в стене лестницу они будут проверять в последнюю очередь, но когда-нибудь они до них доберутся. Как только они обнаружат нехватку скафандров, Душан сразу вышлет летательные аппараты. Здесь нам укрыться негде. Убежище, которое я приготовил, оказалось разгромленным...

— Моя резиденция, — торопливо предложила Вендре. Ву отрицательно повертел головой:

— Она давным-давно окружена людьми Душана. Боюсь, что они уже взяли ее.

— В моей охране собрались честные люди, — немного обидевшись, ответила Вендре.

— Возможно, — согласился Ву. — Но и на них найдется управа. В любом случае нам необходимо отыскать безопасное место. Еще важнее нам как можно скорее найти ход в недра Эрона. В этом смысле нет ничего лучше, чем правительственный трубопровод. Он настолько хорошо защищен, что Душану будет сложно добраться до нас. Надолго приостановить движение в туннеле он не может, а взять нас в кабине или на выходе практически невозможно. Но как нам добраться до ближайшей станции, если мы не знаем, где теперь находимся? Как определиться на местности, если так можно назвать этот металлический пейзаж? Ума не приложу.

Хорн указал на извивающиеся в черном небосводе трубы.

— Это какой терминал? Южный или северный? — спросил он.

— Северный! — решительно ответила Вендре. — Зона Душана располагается возле северного вокзала.

Ву поправил шлем, глянул в ту сторону. Вновь с легким щелчком коснулся шлемов своих спутников:

— До него около шестидесяти километров, если судить по размерам туннелей... Пешком не доберешься. Вендре, у тебя есть предложения?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Единственный известный мне вход в лифтовую трубу, — сказал Хорн, — находится в местечке, которое называется «Миры удовольствий».

— «Миры удовольствий»... — задумчиво повторил старик. — Что-то знакомое. Дайте-ка сообразить. Эрон разделен тремя различными способами — по долготе, широте и ярусам. Все эти измерения нумеруются по квадратам. Первые две координаты определяют основание усеченной пирамиды. Этажи отсчитываются сверху...

— Это заведение на высших ярусах, — прервал его Хорн.

— Точно, — ответил Ву. — Позвольте-ка... Если мне не изменяет память, его координаты БРУ-6713-112. Верхний уровень. К югу отсюда. Если я правильно определил наше местоположение, то эти «Миры» находятся примерно в семи километрах... Вот только в какую сторону — на запад или на восток? Ладно, давайте спустимся к югу и попытаемся определить нашу долготу. Об одном прошу — держитесь вместе. На этом покрытии нельзя потеряться, иначе мы никогда не сможем отыскать друг друга.

Они направились в сторону, противоположную видимым над горизонтом трубам. Казалось, ничего не менялось в окружающем их пейзаже. Подобная неподвижность вызывала у Хорна жуткие ощущения — сколько ни перебирай ногами, но по-прежнему в черном, помеченном рябью золотистых светляков небе будет висеть это хилое, так и не разогревшееся за миллионы лет светило. Та же ровная, собранная из металлических листов равнина будет уныло отражать этот красноватый умирающий свет. Не за что зацепиться взгляду, не к чему прикоснуться в надежде обрести силы. Эта земля — злая мачеха, и ничем иным она быть не способна. Никакой травинке, никакому дереву она не сможет дать жизнь. Страшное, отталкивающее место...

Вот что еще привлекло внимание Хорна — ловкость, с которой старый китаец

передвигался по этой гладкой поверхности. В этом не было ничего удивительного, решил наемник, ведь этот старик вобрал в себя опыт многих сотен жизней. Был ли он рожден китайцем? Тоже спорный вопрос. Хотя, по-видимому, в этом признании, сделанном в пустыне, был определенный смысл. Китаец-то он китаец, но сколько тысячелетий назад он появился на свет? Этот вопрос показался Хорну праздным — ответа на него все равно не получить, а вот приглядеться к его манере передвигаться по металлическим листам стоило. Хорн постарался скопировать его движения. Дело пошло на лад, теперь можно и Вендре помочь! Каждое прикосновение к этой женщине вызывало у Хорна неизъяснимую сладость и боль. Время тянулось бесконечно. Солнце по-прежнему висело над горизонтом, утомленно поглядывало на странно скользящих по поверхности Эрона путешественников. Оно уже ничему не удивлялось, это уставшее светило. Интересно, прикинул Хорн, слышны ли их шаги на верхних ярусах этой незаконнорожденной планеты. Может, кто-то из нобилей удивленно подымает глаза к потолку. Вряд ли, слишком широка буферная, предохраняющая от падения метеоритов, изолирующая зона. Значит, можно потопать! Этим он и занялся, тем самым привлекая внимание Ву и Вендре. Они опять собрались в кружок, коснулись друг друга шлемами.

— Послушайте, — сообщил им о своей догадке Хорн, — летательные аппараты должны каким-то образом ориентироваться над поверхностью планеты. Где приземляться, в какую сторону лететь... На низкой высоте и при больших скоростях зрение малоэффективно, поэтому они, скорее всего, применяют радиомаяки. И работать они должны на одной и той же частоте, чтобы сигналы автоматически вводились в навигационный робот.

— Попробуй поищи, — предложил Ву.

Хорн нашел на панели соответствующую кнопку, нажал ее. Внутри шлема завыло и заверещало так, что он едва не оглох. Ручки настройки на панели не было. Выходит, передатчики и в самом деле настроены на одну частоту, однако вряд ли радиосигналы служили средством ориентации.

— Ну как? — спросил его Ву.

Хорн отрицательно покачал головой. Они оба, словно по команде, огляделись, однако ровный горизонт, багровое солнце, ровно уложенные листы, казалось, не оставляли никакой надежды на возможность определить свое местоположение. Оставаться там, где ты находишься, или следовать в любом направлении — это не имело значения. Все вокруг давным-давно замерло в этом мире, и они скоро замрут, забудут о том, куда шли, зачем...

— Нет, — вдруг откликнулся Ву, — это не радио. Прежде чем ты меня окликнул, мне кое-что бросилось в глаза... Ну-ка, свернем налево.

Через несколько десятков метров они наткнулись на три огромные буквы, которые были нарисованы на металлической поверхности рядом с широкой золотой полосой, тянувшейся с севера на юг.

Точно — БРУ...

— Конечно! — воскликнул Ву. — Только так могут ориентироваться ремонтные бригады. Вот только с какой стороны от линии долготы они пишутся?

— С западной, — подсказала Вендре.

— Правильно, — кивнул Ву. — В ту сторону и идет отсчет. Значит, нам туда же.

Они двинулись на запад и через несколько минут набрали на еще одну золотую полосу, помеченную буквами БРУ. Скоро, спустившись к югу, они обнаружили и линию широты. На ней был нарисована цифра 67.

— Шестьдесят семь километров от полюса, — вздохнул Ву. — Если мне не изменяет память, «Миры удовольствий» располагаются в ста тридцати метрах южнее. Отсчет ведь идет по сотням метров? — спросил он у Вендре.

Та кивнула.

Хорн обошел ближайшие листы. Потом, придвинув шлем, радостно заявил:

— Я нашел цифру «один»!

— Значит, — объявил Ву, — вдоль этой полосы на юг. И поскорее! Кто знает, может,

Душан в этот момент поднимает самолеты-разведчики.

Скоро они добрались до необходимого квадрата, даже разыскали крышку люка, на котором было выгравировано БРУ-6713-112.

— Ты попытайся давить в центре, — сказал Ву, — а мы с Вендре по краям. Каким-то образом люди открывают ее.

Отодвинуть крышку люка оказалось нехитрым делом. Просто на нее надо было встать — тут же плита поехала в сторону. Хорн и Вендре заглянули внутрь. Скучный звездный свет осветил верхнюю металлическую ступеньку. Хорн первым спустился вниз. Держался настороженно... Лестница выглядела точно так же, как и та, по которой они выбрались на поверхность планеты. Когда они все трое очутились в шлюзовой камере, Ву, пошарив по потолку, нашел дисковую клавишу и нажал на нее. Крышка люка сдвинулась на прежнее место.

Они погрузились в густую, непроглядную тьму. Странно, почему не открывается дверь, ведущая в раздевалку?

Конечно из-за разницы давлений, успокоил себя Хорн. Постепенно и все более явственно он различил слабое шипение нагнетаемого воздуха. Сразу с повышением температуры внутренняя поверхность стекла, встроенного в шлем, густо запотела, он даже не смог разглядеть, как открылась входная дверь. Просто вокруг посветлело. Хорн осторожно двинулся в ту сторону. Скоро видимость восстановилась. Было видно, что они собрались в раздевалке все трое, дверь закрылась, давление и температура уравнились. Можно было снимать скафандры.. Вот теперь следовало поторопиться. Теперь все зависело от их сноровки, хитрости, умения обходить ловушки и, конечно, от везения.

Он первым скинул с себя космический костюм, помог разоблачиться Ву и Вендре. Вновь прикосновения к этой женщине вызвали у него прилив желания. Та, улыбнувшись, искоса глянула на него. Хорн против воли густо покраснел. Теперь Вендре откровенно и, как показалось наемнику, насмешливо смотрела на него.

Все, прочь глупые несвоевременные мысли!.. Бежишь по лезвию бритвы, и все туда же! Он отвернулся в сторону, невольно вздохнул — что поделаешь. Все, достаточно! Ву уже теребил его за рукав, предлагая первым спускаться по лестнице. Хорн выхватил пистолет...

С нижней площадки они попали в зал с желтыми стенами, где совсем недавно побывал Хорн. Здесь, как и в прошлый раз, было пусто.

— «Миры удовольствий»? — спросила Вендре. — Что это такое?

Хорн удивленно посмотрел на нее, а Ву ответил:

— Это такое место, где мужчины за деньги удовлетворяют свои страсти. Любые — привычные и не очень.

— О-о, — только и ответила Вендре. Лицо у нее потемнело.

— Нам вот сюда. — Хорн указал на стену, где едва заметно была обозначена дверь, ведущая в помещение, через которое проходил правительственный лифт.

Ву тут же поспешил в ту сторону, нажал на диск. Створка не шелохнулась. Тогда он встал на колени и приблизил лицо к самой плоскости. Брови и черты лица его странно исказились. Хорн затаил дыхание — это она сейчас работает, вездесущая, незаменимая Лил. Никогда не догадаешься, где он ее прячет.

Неожиданно створка дрогнула, нехотя начала отодвигаться в сторону..-

Вендре, во все глаза осматривающая поразившее ее заведение, наконец призналась Хорну:

— Что-то мне здесь не нравится. Хорн не смог скрыть улыбку.

— Нет, в самом деле, — искренне и настойчиво добавила она.

— Отставить разговорчики! — Ву повернулся к ним. Хорн поразился — на них вновь глядел подлинный Матал. — Здесь все прослушивается. Общаться как можно меньше и только шепотом. Вообще, осторожность и бдительность должны быть на высоте. Ну, ребята, вперед!

Они вошли в голубой зал. Хорн опять попил газированной воды из ручейка. Между тем

Ву открыл дверцу в округлую камеру лифта. Вендре по привычке решительно направилась туда, однако Ву придержал ее за рукав, заставил наклонить голову. Хорн и сам почти вприсядку добрался до входа. Ву приложил палец к губам. Наемник удивился: как же они здесь поместятся? Им вдвоем с Ву было тесно, а теперь их трое. Успокоился на том, что старик и не из таких ситуаций выкручивался. Стоя на пороге, Ву нажал на потайную клавишу — в то же мгновение на стене засветились разноцветные круги. Ву потянулся еще раз и осторожно нажал на золотой диск. Тут же в кабине раздался голос: «...задержи их. Если Матал с ними, его тоже. Если соберутся уходить и ты не сможешь задержать их, застрели...»

— Душан, — одними губами выговорил Ву. «Понятно, сэр. Можете положиться на меня».

Глаза у Вендре расширились, она шепотом выговорила:

— Это же!.. Этого не может быть!..

— Может, может, — успокоил ее Ву.

— Вы не понимаете! Это наш управляющий. Он уже много лет живет в нашем доме. Я помню его с тех пор, когда была совсем маленькой. Я ему всегда доверяла...

— А вот это, как мне кажется, было не совсем разумно, — мягко ответил Ву. — Все на свете можно купить, только назначьте подходящую цену. При таких отношениях человека к человеку невозможно обеспечить безопасность. Ладно, куда мы направляемся?

Из летописи

Кровь с золотым проблеском...

Они называли это Великой Мутацией! Легенда гласит, что отцом златокожего народа являлся знаменитый Рой Келон. Сын его был первым из этого племени.

Они объявили себя суперменами и на этом основании заявили свои претензии на управление освоенной частью вселенной. Во всем, утверждали они, люди с подобной кровью превосходят других представителей рода человеческого — в мыслительных способностях, в храбрости, в запасе жизненной силы. Только их соплеменники были в состоянии изобрести, создать и поддерживать сеть межзвездных туннелей в рабочем состоянии.

В этом и состоял их секрет, заявляли златокожие. Они не жалели средств, чтобы поддерживать и распространять подобные рассказы, вдавливали эту идею в головы покоренных землян. Те верили...

Да здравствуют супермены!

Во всех учебниках, научных трактатах пелись хвалы удивительной мутации, приведшей к созданию расы господ. Приводился такой пример — сколько миллионов ступеней должен был пройти человеческий глаз, чтобы стать непревзойденным инструментом для улавливания небольшой части электромагнитных колебаний! Сколько удач случилось на этом пути, ведь один-единственный неверный шаг мог напрочь разрушить создаваемый объект, завести эволюцию в тупик. Так и возникновение златокожего народа явилось воплощением таинственного замысла создателей вселенной. Поэтому напрасны усилия бороться с ним. Много отчаянных смельчаков выходило на бой, и все они сгинули...

Все так, однако кровь, пролитая златокожими в бесчисленных сражениях, была красного цвета. И сколько ни вглядывайся, невозможно отличить ее от крови самого обычного человека.

Вот еще одна легенда, которую упорно насаждали среди покоренных народов, — только главам директоратов известен секрет создания межзвездных туннелей. Поэтому благосостояние заселенной части вселенной напрямую зависит от их доброй воли. У подневольных народов не оставалось иного выбора, как владеть ярмо зависимости от Эрона.

И все-таки существовал еще один секрет, неизвестный даже верховным руководителям компании Эрона.

Глава 14. ГЛАВНЫЙ ПРЕРЫВАТЕЛЬ

— Что случилось с Душаном, Матал? — спросила Вендре. В ее глазах стыло недоумение. — Как он мог решиться погубить всех нас?

— Власть, — коротко ответил Ву. — Как только она замаячит перед глазами, человек теряет разум.

— Мы должны остановить его, — женщина глубоко вздохнула. Решимость сверкнула в ее глазах. — Если надо, убить. Иначе он погубит государство.

— Теперь до него не доберешься, — ответил Хорн. — Был шанс да сплыл. Хотя в общем-то и шанса не было...

— Без поддержки рабов у нас ничего не получится, — задумчиво сказал Ву. Вендре в изумлении посмотрела на него, однако тот как ни в чем не бывало продолжил: — Эта задача вполне реальна, если только Душан не получит подкрепления. Вендре кивнула:

— И с этой целью ты намеревался нарушить нормальную работу туннелей?

— Да.

— Хорошо, для этого нам надо попасть в главную аппаратную северного терминала.

Хорн задумался — в душе шевельнулось неприятное ощущение. Ву откровенно использовал Вендре. Он манипулировал ею, очень ловко, расчетливо подергивал за веревочки. Вон как умело подвел ее к мысли, что отключение транспортных артерий на руку противникам Душана. С этой целью он вовремя подключился и к разговору Душана с воспитателем дочери Кохлнара. После того, что она услышала, Вендре полностью полагалась на него. Это и тревожило...

Конечно они все были за то, чтобы поскорее расправиться с Душаном. Пусть даже цели у них были разные. Вендре считала, что узурпатор нанесет неисчислимый вред Эрону и для сохранения империи от него надо избавиться. Насчет себя он не заблуждался — Эрон должен быть разрушен, и все тут! Стоит свергнуть Душана, и уже никто не сможет склеить осколки рухнувшего монстра. Миф о возможности создания империи окончательно развеется.

Но ради чего старается Ву? Хорн надеялся, что та же самая цель ведет этого странного то ли колдуна, то ли пророка, то ли самого страшного и изобретательного злодея в истории. Но вот средства, которые он использует... От них припахивало неприятным душком. От подобных методов становилось как-то боязно... Кто он, реликт прежних эпох, которому посчастливилось овладеть тайной исчезнувшего народа, приручить такое занятное создание, как Лил?

— Вы двое, — неожиданно заявил Ву, до сих пор стоявший перед входом, — отправляйтесь первыми. Как только прибудете на место, отошлете в мою сторону кабину.

— Мы вдвоем? — Вендре не смогла скрыть изумления.

— Вы и моложе и стройнее, — вздохнул Ву, — а я стар и толст.

— Но... — Вендре настороженно глянула на Хорна.

— У нас нет времени на церемонии, — заявил Ву. — Хорну можно доверять. Как и всем нам, ему нельзя попадать в руки Душану. Кроме того... Но об этом после. Так что отправляйтесь.

Хорн поймал многозначительный взгляд старика. Ясно, он не до конца доверяет Вендре, поэтому за ней должен быть постоянный пригляд. Женщина есть женщина, ее порывы не предугадаешь. Оставишь ее одну — и неизвестно, что ей взбредет в голову. А вот Хорн наоборот — полностью доверял ей. Сам чувствовал, что это глупо, что старикашка прав, и все равно — Вендре он верил, а по отношению к Ву испытывал некоторые колебания.

Может, потому, что Вендре волновала его так, как ни одна женщина в мире. Сила, с которой его тянуло к этой исключительно красивой и, как оказалось, вполне земной, даже в чем-то наивной женщине, была неодолима. Но почему все «к женщине», «к женщине»? Она не замужем, Душану решительно отказала, о «Мирах удовольствий» отзывалась с явной

брезгливостью. Она молода, и, вероятно, ее следовало называть девушкой. От этой совершенно неуместной мысли у Хорна голова пошла кругом. Вот в чем ей не откажешь — так это в уме, в гордости. Ну, этим достоинством может похвастать каждый златокожий!.. Ситуацию она схватывала очень быстро, выводы, даже самые невероятные, не пугали ее. При этом она была удивительно мила. Хорн даже злобу и отчаяние почувствовал, что не в состоянии справиться с собой. Ну, хорошая девушка, ну, приятная, умная, волнующая... Но ёму-то что задело? Никогда ему не видать Вендре как своих ушей. Стоит ли задумываться об этом, воспарять даже в мечтах? И когда? В любую минуту смерть может настигнуть его. И ее!.. Вот этого он не должен допустить. Эта девица не подведет, как-то сразу и решительно уверил он себя...

Но прекратить этот наплыв следовало немедленно. Сначала дело, сначала надо выжить... К тому же он, конечно, приписывает ей куда больше достоинств, чем она обладает на самом деле. Вендре никогда не полюбит его, ведь он не только варваром являлся. Он убийца ее отца...

Все эти мысли оборвались разом, как только Вендре с любопытством глянула на него и согласилась:

— Хорошо.

Хорн устроился в кресле, ей не оставалось ничего другого, как усесться к нему на колени. Она села сразу и замерла, даже не поерзала ни разу. Хорн справился с голосом и тихо шепнул:

— Северный терминал.

— Я прибуду сразу же, — заверил их Ву.

Как только дверь закрылась, Хорн обнял девушку за талию, чуть прижал к себе и, потянувшись, нажал белый диск. Ему было ближе. Кабина тут же провалилась под ними.

Ощувив наступление невесомости, он еще сильнее прижал к себе Вендре. Мысли он держал в узде, а вот с дрожью, сотрясавшей его сильное тело, справиться не мог. Никак не мог совладать и с наливающейся мужской силой.

— Вы находите приличным с такой силой прижимать меня к себе? — вдруг спросила она, повернувшись лицом к Хорну.

— Простите меня, — ответил наемник и ослабил хватку. Потом совсем убрал руку. В следующее мгновение Вендре в неловкой позе всплыла к потолку камеры. Хорн успел поймать ее, притянуть к себе. Он вновь обнял ее за талию. Теперь она не возражала.

Только слабое красноватое свечение, исходящее от бокового диска, нарушало темноту. Постепенно Вендре расслабилась.

— Никак не могу поверить, — тихо призналась она, — что управляющий мог изменить нашей семье. Он был не только слуга, он считался другом.

— Когда в мире начинает припахивать зловонием, — ответил Хорн, — только сильный человек способен остановить разложение.

— Такой, как вы? — насмешливо спросила Вендре.

— Нет. Он не должен быть похожим на меня.

— Разложение, — задумчиво повторила девушка. — Вы имеете в виду Эрон?

— Когда народ перестает сам сражаться за себя и предпочитает услуги наемников, он в конце концов погибает. Кто ваши учителя, рабочие, инженеры, солдаты? Среди них нет представителей златокожих. Вы превратились в расфранченных денди с накладными грудями и мясистыми ногами, живущими только ради удовольствий. Вот где теперь ваш храм — в том желтом зале, в котором мы только что побывали. Кому по нраву посещать это злачное место? Только негодяям и предателям. Можно ли в этом мегаполисе найти человека, который бы на первое место ставил интересы Эрона, а на второе свои?..

— Не знаю, — задумчиво ответила девушка. — Мой отец был таким человеком.

— Гарт Кохлнар олицетворял собой Эрон. Думаю, он сам считал себя Эроном и верил — то, что делал для себя, делается для Эрона. Он был смелый, решительный человек и, к его несчастью, мудрый. Он, мне кажется, понимал, что кроме самой силы куда важнее точка ее

приложения. Цель, ради которой она пускается в ход.

— Это так, — согласилась Вендре.

— Но если это так, то разве можно назвать разумной попытку вдохнуть жизнь в находящийся на последнем издыхании полутруп?

— Этот, как вы изволили выразиться, полутруп, — пылко возразила Вендре, — сокрушил созвездие Плеяд!

— На последнем издыхании даже полутруп может быть опасен. Особенно если он так велик, как Эрон. Тут вот какой интересный вопрос возникает: зачем, собственно, империя напала на Кварнон?

— Плеяды представляли для нас реальную угрозу...

— Ближайшая застава империи располагалась в десяти световых годах от созвездия. Чем Плеяды могли угрожать Эрону? Сама метрополия расположена в трехстах световых годах от этого скопления. Или вы видите угрозу в том, что эта республика была независима, что люди там были свободны? Да, в этом заключена опасность для власть предержащих, однако куда более сильная угроза исходила изнутри империи. Восстание! Вот что требовало небольшой, но победоносной войны.. Необходимо было продемонстрировать мускулы.

— Это всего лишь частный мотив. Империя куда более сложный организм, чем тот, что вы тут описали. Как он может издавать зловоние? Я, например, ничего не чувствую...

— А вы спуститесь на нижние ярусы и посмотрите, чем и как живут там люди, — сказал Хорн. — Они скорее похожи на грубых животных, задавленных работой. Их существование от рождения до смерти проходит в вечных сумерках. Они никогда не видели звезд! Вам, наверное, никогда не приходилось видеть плантации на завоеванных мирах, где выращивают сельскохозяйственные культуры. Там трудятся рабы, которых свозят со всех концов вселенной. Вам, наверное, не пришлось побывать в Плеядах — там бы вы увидели горы трупов. Миллиарды... Все подряд — мужчины, женщины, дети, старики. Все города в руинах...

— Я была там и все видела, — тихо ответила Вендре.

— Значит, вы видели и рабов, чья жизнь является попыткой удержаться на тонкой грани между жизнью и смертью. Дайте им надежду, дайте им возможность взглянуть на звезды — и они взорвут все к чертовой матери. Уничтожат все, как взрыв сверхновой...

— И превратят межзвездную цивилизацию в грудку развалин. Это что, будет лучше?

— Послушайте, госпожа Вендре. То, что случилось на наших глазах в апартаментах Душана, непременно приведет вас к выводу, что восстание — неизбежный итог текущего хода вещей. Если, конечно, вы останетесь честны сами с собой... Бунт неотвратим, и, возможно, для рабов это будет наилучшим исходом. Вот об этом нам и надо подумать в первую очередь. Есть единственный человек, который способен удержать бунтующие массы под контролем. Только он способен остановить волну разрушений и спасти цивилизацию.

— Кто?

— Освободитель!

— Питер Сэйр? Но он же мертв.

— Я тоже об этом слышал. Если это правда, значит, человечество обречено.

— Я хотела бы быть мужчиной, — страстно заявила Вендре. Она завозилась на коленях у Хорна, и тот затаил дыхание. — Я бы спасла империю и по-другому повела дело. Положение вещей было бы изменено кардинально. Я согласна в том, что дальше так продолжаться не может. Я пыталась поговорить на эту тему с Гартом, он в ответ только рассмеялся...

— Возможно, Душан прав...

— В чем? — напряглась Вендре.

— В том, что он не любил вашего отца. Вендре немного расслабилась.

— В этом смысле да. Я уважала его, но сказать, что мы были с ним близки, нельзя. Были на то причины. Кое-что достигло ушей Душана, но он знает далеко не все. Я должна была родиться мужчиной. Я всегда мечтала об этом!

— Неужели никто не пытался разубедить вас и доказать, что как женщина вы вполне способны ощутить радость жизни?

— Что вы имеете в виду?

— А вот что, — ответил Хорн и, покрепче обняв ее одной рукой, другой повернул к себе. В темноте она почувствовала вкус его губ — они были мягки, подвижны, сладки. Сердце Хорна решительно забилося, разумом овладело неодолимое желание. И в следующее мгновение глупая, простенькая, все объясняющая мысль явилась к нему. Сразу унялось расхажившее сердце, прояснилось сознание. Если только Гарт и Вендре знали о плане проведения празднования победы на Земле, значит, она и была тем человеком, который нанял его. То-то она так безропотна, даже губки у нее задрожали...

Хорн выпрямился, подтянул мышцы брюшного пресса, словно вот сейчас, немедленно должен последовать удар, ведь он уже почти запутался в ее сетях... Он оторвался от ее губ.

После некоторого молчания Вендре спросила:

— Что же вы?

— Что я? — не понял Хорн.

— Что же вы отодвинулись?

«Хороший вопрос, — подумал наемник. — Главное, уместный, все расставляющий по своим местам».

— Я вдруг вспомнил, что вы одна из верховных руководителей империи, а я простой охранник. Не дай Бог, вы рассердитесь!

— Это было бы неудивительно, не так ли? — задумчиво спросила Вендре. — В вас есть что-то загадочное. Думаю, вы не только и не столько телохранитель. У меня такое ощущение, что мы встречались раньше, мы даже с вами разговаривали. Это происходило где-то в темном месте. Вот как здесь... Но этого не может быть. Наши дороги не могли пересечься.

— Вы решили поделиться со мной девичьими секретами? — грубовато спросил Хорн.

Вендре сразу выпрямилась, напряглась:

— Почему бы и нет?

Кабина начала притормаживать, наконец остановилась. Дверь отъехала в сторону. Девушка первой вышла из лифта, за ней — Хорн. Он вновь оказался в том же помещении, которое покинул двадцать четыре часа назад.

— Нам предстоит много что сделать, — сказал он, — так что на все другое у нас просто нет времени.

Вендре не ответила, ее лицо было напряженно-задумчивым. Она смотрела на задвигающуюся дверцу кабины и словно не видела ее. Прошло несколько минут, и створка вновь поехала в сторону. Из кабины вышел Ву. Он по-прежнему оставался в образе Матала. Старик сразу же обратился к Вендре:

— Ведите нас, дорогая.

Девушка с тем же задумчивым выражением на лице повернулась и направилась к стене. Что она там нажала, наемник не смог разобрать, однако часть стены неожиданно сдвинулась. За ней тоже оказалась кабина лифта, в нее они забились втроем.

Хорн очутился в самом углу. Его стал беспокоить вопрос: почему он вдруг отстранился от Вендре? Почему именно в тот момент, когда они целовались, страх и ощущение опасности обуяли его? Что за странная причуда сознания? Возможно, это чувство собственной вины заставило его поступить таким нелепым образом. Неужели в нем разыгралась совесть? Если даже и так — ведь Гарт являлся ее отцом, — все равно в этом странном приливе отчужденности и неприятия была какая-то загадка. Если все это касалось только его бессознательного, вполне может быть, что Вендре не имеет никакого отношения к этому делу.

Он никогда не мог поверить, что груз вины может оказаться таким тяжелым. Неужели ему теперь никогда не расстаться с ним и каждый раз, общаясь с этой девушкой, он начнет выкидывать подобные коленца? Нерадостная перспектива... Рассказать ей, довериться? А

вдруг она навсегда отвернется от него? Хорн почувствовал, что не сможет решиться на откровенность. Язык не повернется...

Между тем лифт остановился, и они вышли в огромный зал, во много раз превышающий то помещение, откуда они пришли. Цветные пятна света плясали на стенах, разобрать их смысл было невозможно. Тут же находились пульта управления и вращающиеся кресла возле них.

В помещении никого не было. Несколько пультов были отключены — странно было видеть на них погашенные лампочки и замершие индикаторы.

Вендре удивленно спросила:

— Где же обслуживающий персонал? Здесь всегда было полно народу. Дежурная смена, охранники...

В зале друг против друга располагались две широкие двери. Они были закрыты. Посередине помещения находилась какая-то установка, напоминающая большой, выкрашенный в серую краску куб. Хорн осторожно обошел зал, Ву следовал за ним. На противоположной стороне они обнаружили мертвеца. На нем была золотистая одежда. Потоки крови почти залили эмблему, удостоверяющую, что он принадлежал к техническому персоналу.

Потом они нашли еще нескольких мертвецов. Их застрелили прямо в креслах, кое-кто валялся в проходах между пультами. Были здесь и люди в зеленых, оранжевых комбинезонах, но большинство носили форму с золотым отливом. Нашли они и убитых охранников — эти были в черном.

— По-видимому, первое нападение им удалось отбить, — сказал Ву. — Все, кто уцелел, спаслись бегством. В любом случае у нас не так уж много времени. Атаку могут повторить.

В этот момент они обнаружили дверцу, ведущую внутрь куба. Она была распахнута. Приблизившись, Хорн разглядел, что это была не дверь, а броневая плита толщиной по меньшей мере сантиметров тридцать. Массивнее, чем на боевых звездолетах... Вендре совсем было собралась войти туда, однако Хорн придержал ее и заглянул в темное пространство. На одной из стен он увидел огромный выключатель. Никаких обозначений не было — обычный серийный прерыватель для силовых цепей. Ручка стояла в положении «включено».

— Вот он, — сказала Вендре, указав пальцем на рубильник. — Главный прерыватель. Если мы намерены отключить туннели, нам следует поставить его на «отключено». — Она посмотрела на Хорна, потом на Ву. — С той поры, как был задействован первый межзвездный туннель, его никто не касался.

— Вы уверены? — спросил Хорн.

— Только главы директоратов могли войти в этот куб.

— Нет ли еще какого-либо способа изолировать Эрон? — поинтересовался Ву. — Неужели нет другого способа противостоять Душану?

— Какой сейчас толк в дискуссиях! — нетерпеливо сказал Хорн. — Я сам все сделаю.

Он вошел в тесную каморку и опустил ручку рубильника.

— Вот и все, — заявил он. В это мгновение к нему пришло никогда ранее не испытываемое ощущение всевластья и неодолимой силы.

Вендре засмеялась, указав на стены. Цветные огоньки как бегали, так и продолжали бегать по стенам.

— Почему не сработало? — спросил Хорн.

— Потому что потому, — насмешливо ответила Вендре. — Если бы все было так просто, Эрон был бы разрушен еще несколько веков назад. При пуске каждого нового туннеля должен присутствовать кто-либо из директоров, и только он может остановить его работу. Чтобы иметь право быть выбранным на пост главы какого-нибудь департамента, кандидат должен быть подлинным златокожим. Кровь его должна быть без всякого подмеса. Вы можете сколько угодно глумиться над моим народом, над Великой Мутацией, но факт

остается фактом. Это дано только нам, златокожим. Как бы иначе нам удалось сохранить секрет туннелей в течение тысячелетия? — Она вздохнула. — Если уж эта работа должна быть доведена до конца, то уж позвольте мне...

Хорн освободил ей место, и Вендре вошла в каморку. Еще раз вздохнула, вернула рубильник на прежнее место, потом решительно опустила его вниз. Некоторое время не могла оторвать руку, лицо ее словно окаменело. Хорн обернулся — в зале ничего не изменилось. Когда он услышал за спиной ее сдавленный вскрик, он догадался, что и Вендре все поняла.

— Все должно было погаснуть? — торопливо спросил он.

— Да... — прошептала девушка. — Не понимаю... — Она замолчала, еще раз обвела взглядом стены, по которым бегали разноцветные огоньки.

— Подделка, — выдохнул Ву. — Что за люди! Вокруг сплошное надувательство.

Хорн взял девушку за руку и помог выбраться из каморки. Она неожиданно прижалась к его груди, слезы навернулись на глазах.

— Все фальшь. Все, чему меня учили. Во что я верила.

— Мудрый человек, — заметил Ву, — никогда до конца не верит всему, в чем его убеждают. Пока не убедится на собственном опыте.

— Что-то здесь не так, — засомневался Хорн. — В этой куче лжи должна быть крупица истины. Туннели-то работают.

— Может, это все иллюзия, — загрустила Вендре. — И империя только видимость, и мы все, и...

Она вдруг задрожала. Со слезами она справилась, а вот с дрожью никак. Хорн обнял ее, прижал к себе.

— Не надо, Вендре, — тихо сказал он. — Держись. — Он сам не заметил, как перешел с ней на доверительный, товарищеский тон. — Здесь есть какой-то секрет. Кто-то им владеет. Кто? Подумай, Вендре, постарайся вспомнить.

Она замерла, подняла голову, посмотрела на Хорна. Взгляд у того был внимательный, сосредоточенный.

— Ты прав, — кивнула девушка. — Кто-то должен знать о нем.

— Кто? — повторил вопрос Хорн. — Строительство новых туннелей никогда не приостанавливалось. Они и сейчас вводятся в строй. Значит, их включают независимо от этого рубильника. Тайна активизации туннелей не может быть утеряна.

— Сколько их было, людей со всех концов галактики, пытавшихся разгадать эту тайну, — сказал Ву. — Они собрали всю возможную информацию, до самых тонкостей разработали теорию их создания, и все равно — за тысячу лет никому, кроме Эрона, не удалось активизировать хотя бы один малюсенький туннель.

— Послушай, — подал голос Хорн. Взгляд его остановился, он замер, словно предчувствуя разгадку. — На празднование победы вы прибыли все шестером. Собрались на возвышении, положили свои руки на ручку рубильника... Ты, твой отец, Матал, Душан, Ронхолм и Фенелон. Этим человеком должен быть один из вас!

— Если это не была уловка, — ответила Вендре.

— Это не мог быть чужак, — возразил Хорн. — За тысячу лет тайна давным-давно стала бы достоянием всей галактики. Вряд ли секретом может владеть и группа лиц, если только они не являются главами директоратов.

— В том, что мы все собрались на Земле, нет ничего удивительного. Так бывает каждый раз, когда приходится давать жизнь новому туннелю. — Она пожала плечами. — Этим человеком не может быть отец, в этом случае он должен был поделиться со мной. Хотя в твоих рассуждениях есть рациональное зерно. Один человек не может владеть жизненно важным для государства секретом. Нельзя исключить несчастные случаи... Каким-то образом знание должно передаваться от поколения к поколению.

— Возможно, Гарт знал, кому доверен секрет, но не сообщил тебе, — сделал предположение Хорн.

— Это исключено!

— Но ведь ты не любила его и относилась к нему с опаской. Он, возможно, чувствовал это...

— Нет, он меня любил. Он сделал меня директором.

— Кому еще он мог довериться? Вендре пожала плечами:

— Только не Душану, его дыхание он постоянно чувствовал за своей спиной. И не Ронхолму. Отец хотел, чтобы мы поженились, и все же в разговорах со мной постоянно жаловался на его молодость и некоторую необузданность. Он называл его «горячая голова» и вкладывал в эти слова далеко не лестный оттенок. Фенелон? Может быть, и Фенелон... Но скорее всего, ты, Матал. Ты же дольше всех ходишь в директорах и согласно табели о рангах являешься заместителем Генерального управляющего.

— Только не я! — решительно возразил Матал Ву, потом опечалился и покачал головой. — Если этим человеком был Фенелон или Ронхолм, то можете считать, что тайна утеряна. Та пальба, которую мы слышали, по-моему, была для них погребальной песней.

— Тогда Душан! — заявил Хорн. — Надо смотреть правде в глаза. Все косвенные улики говорят за это. Прежде всего он никогда бы не решился на государственный переворот, не обладая важнейшей тайной. Никогда бы он не поставил под угрозу жизни других глав директоратов, а ведь он явно замыслил убрать всех вас после избрания. Он же не сумасшедший!.. Кроме того, Душан, как говорится, из молодых да ранний. Как бы твой отец к нему ни относился, но Душан, по сути, повторил его путь восхождения к власти, и с точки зрения интересов империи власть как раз и должна была перейти к подобному волку в человеческой шкуре.

— Нет, нет и нет! — воскликнула Вендре. — Именно этот вопрос волновал его больше всего. Как только я попала к нему в руки, он только и думал об этом. Я сразу догадалась... Какие только ходы не выдумывал! Вплоть до женитьбы... Он сам заявил: «Открой мне секрет туннелей, и я отпущу тебя». У меня такое впечатление, что он свихнулся. Послушайте, а что, если мы все знали секрет?

— Тогда выходит, что это его ребята наведались сюда, чтобы взять под охрану главный переключатель. Тут он и убедился, что эта штука не работает, — > сказал Хорн.

— Возможно, существует какой-то ключ, о котором даже директорам неизвестно, — предположил Ву.

Вендре подошла к нему:

— Матал, помоги мне. Может, нам удастся вдвоем отключить транспортную сеть...

Ву вздохнул.

— Пришло время прояснить ситуацию, — наконец заявил он. — Вещи иногда выглядят не такими, какими они кажутся. — Он отвернулся от спутников, голос его теперь звучал глухо, с нотками сожаления. — Хотел бы напомнить тебе, что именно мы спасли тебя от Душана...

Хорн бросился к нему.

— Подожди! — вскрикнул он, однако было поздно. Человек, называвший себя Маталом, повернулся к Вендре. Теперь это был Ву.

— Видишь, я не Матал, — извиняюще улыбнулся он. — Я просто старый человек, имеющий склонность к философствованию, обладающий талантом изменять внешность и жадный до такой степени, что готов слопать всю империю.

Он попытался подмигнуть Вендре — оцени, мол, шутку. Однако на девушку словно столбняк напал. Глаза ее сузились, она вырвалась из объятий Хорна и тут же вновь замерла — теперь на плече у какого-то грязного старикашки восседал еще более мерзкий, весь ободранный, взъерошенный попугай.

Вендре отрицательно покачала головой, сказала, растягивая слова, не в силах справиться с изумлением:

— Я не понимаю, птица откуда?.. Если ты не Матал, то кто же? Кто вы?

— Друзья, — хрипло каркнул попугай.

— Друзья, — в тон ему ответил Ву.
— А ты? — неожиданно спросила Хорна девушка. — Кто ты? Если он не Матал, значит, ты не телохранитель. А кто? И зачем ты привел меня сюда?
Она резко повернулась и бросилась к противоположному выходу.
— Вендре! — закричал Хорн и кинулся вслед за ней. — Подожди! Послушай!..
Он уже совсем было собрался сказать, кем является на самом деле, но было поздно — девушка внезапно остановилась, повернулась к нему. В глазах у нее застыл откровенный страх.
— Конечно! Как же я сразу не догадалась. Ты же убийца!..
Решимости ей было не занимать — она ловко увернулась от объятий Хорна и помчалась в сторону лифта.
— Вендре! — отчаянно выкрикнул Хорн.
— Охрана! — еще отчаянней заголосил попугай. Хорн успел обернуться, но было поздно. Он упустил то мгновение, когда еще было можно выхватить пистолет. Люди в черной униформе навалились на него. Скрутили умело и потащили к выходу из аппаратной. Однако и Хорн был парень не промах — сумел изловчиться и врезать одному из нападавших. На секунду ему удалось высвободить руку и голову — он успел ухватить взглядом, что вместе с ним тащат Ву. Лил исчезла. В другие двери волокут бешено сопротивляющуюся Вендре.

Из летописи

Ванти...
Тюрьма для государственных преступников... Зона!.. Гиблое место! Чистилище для потерянных душ, найти которые, дать им покой могла только смерть.
Из Ванти бежать было невозможно. Это был особым образом спроектированный, искусственный планетоид, о котором только было известно, что вращается он вокруг такого же тусклого, красноватого светила, которое когда-то давало свет Эрому. Где расположена Ванти, никто не знал. Сколько световых лет было до ближайшего обитаемого мира — тоже. Даже сама охрана не ведала, где, в какой части галактики расположен этот ужасный мир.
У Ванти был единственный вход — межзвездный туннель. Одно-единственное здание было на этом планетоиде — это терминал. Он представлял собой крепость, мрачную, затаившуюся во мраке. Ее называли «Отчаяние».
Здесь, на Ванти, заключенным предоставлялись кое-какие свободы. Например, было дозволено скитаться по голой поверхности этого небесного тела. Заключенным была дарована свобода убивать друг друга, свобода умирать... Дважды в день они собирались у особого шлюза, где могли получить еду. Вот и все обязанности. Они были необременительны, однако нигде во вселенной судьба не оборачивалась к человеку своим самым жутким лицом, на котором была написано только одно — безнадежность.
Сюда попадали только особо важные, с точки зрения империи, преступники. Они составляли едва ли тысячную часть всех тех, кто с оружием в руках поднимался на борьбу с Эроном, однако само существование подобной темницы служило впечатляющей острасткой всем, кто мечтал о невозможном. Миф о Ванти являлся одним из краеугольных в системе верований, легенд, установившихся, вколотенных с помощью силы представлений, которые, собственно, и питали Эрон жизненными соками. Как златокожие сумели обуздать человеческие надежды, стремление к свободе, дух противоборства — вот еще одна загадка Эрона, не менее важная, чем секрет межзвездных туннелей.
Большинство заключенных, отбыв в этом месте несколько лет, занимались одним и тем же — рассаживались на камнях неподалеку от терминала и часами наблюдали за искрящимся золотом, посвечивающим на фоне темной завеси космоса туннелем. Это зрелище завораживало, превращалось в разновидность наркотика, будило мысль, которая

очень скоро начинала сбиваться на безумные бредни о возвращении. Никто из них никогда не мог возвратиться, Ванти являлась конечной станцией. Даже самые сильные и стойкие умы не могли справиться с ужасом, заключенным в этой простенькой мыслишке.

Кое-кто утверждал, что в это межзвездное подполье златокожие упрятали и Питера Сэйра, однако никто не мог ни подтвердить, ни опровергнуть этот слухок. Люди на Ванти быстро теряли имена.

Все они были приписаны к крепости, от нее же получили свои новые имена, более похожие на прозвища. Собственно, у них у всех была одна кличка — Отчаявшиеся.

Глава 15. ДРУГОЕ ИМЯ СМЕРТИ — ДВЕРЬ

Обезоруженного, спеленутого особыми лентами Хорна втащили в широкий коридор. Хорн пытался освободиться, еще раз глянуть в ту сторону, куда увели Вендре. Попытки были напрасны. Его крепко ударили рукояткой пистолета по голове, радужные круги поплыли у него перед глазами. Он вмиг обессилел, однако работники службы безопасности, захватившие его, были ребята тертые. Они не останавливаясь поволокли его дальше.

Вели долго, было время подумать, однако в голову ничего не лезло — одна мысль, как молоток, била и била в затылок: «Душан! Душан!»

Все-таки ему удалось накрыть их» Конечно, разве можно было столько времени находиться в центральной аппаратной?! Тоже мыслители! Решили за несколько минут разгадать загадку, на которую лучшие умы человечества потратили тысячу лет и ничего не добились. Все было проще простого — их засекли в аппаратной, воспользовались замешательством. В этот момент еще Ву приспичило менять внешность. Секундная растерянность — и вот полюбуйся на свои руки. Эти наручники не разорвешь. Что, Хорн, спета песенка? Это еще как поглядеть. Сейчас главное — притаиться, сохранить силы. Поле для маневра есть: агентам был дан приказ захватить Матала, а они кого взяли? Какого-то старикашку?! Есть над чем поломать голову Душану. Кстати, Ву выглядит совсем как мученик. Ну, ему по сану положено достойно принимать всяческие испытания.

Коридор свернул направо, и в торце его открылась высокая и широкая дверь. Пленников втащили в машинный зал, где на подъемнике уже покоился небольшой корабль. В боку его посвечивало светлое овальное пятно — видно, входной люк еще не был закрыт. Туда на придвижном эскалаторе доставлялись раненые.

Хорна и Ву подтащили к высокому, с длинным узким лицом офицеру в черной форме. Какие-то непривычные знаки украшали плечи его кителя — Хорн не успел разобрать, какие именно.

Офицер осмотрел их и спросил:

— Это кто, люди Матала? А где сам Матал? — обратился он к пленникам.

Хорн глянул на Ву, однако тот помалкивал. Тогда он взял на себя инициативу:

— Матал мертв.

— А Фенелон? Ронхолм?

— Думаю, они тоже трупы.

— Вендре Кохлнар? Хорн пожал плечами.

— Душан?

Этот вопрос огорошил Хорна. Он сначала не поверил, изумленно глянул на офицера. Тот нетерпеливо повторил:

— Что с Душаном?

Хорн еще раз пожал плечами. По глазам видно, что офицер не прикидывался. Он действительно не знал о судьбе Душана. Тогда от кого он получал приказания? Все перепуталось в голове наемника.

— Кончайте с ними! — приказал офицер и кивнул в сторону.

Охранники поволокли их к стене. Хорн напрягся — свою жизнь он задешево не отдаст. В этот момент офицер внезапно изменил решение и вернул пленников:

— Посадите их на корабль. Ребята на Ванти придумают, как их использовать.

Это слово будто обухом ударило Хорна по голове.

Ванти! Это был конец!.. За всю долгую историю Эрона еще никому не удавалось бежать из этой затерянной в космосе темницы. Никому не удалось вернуться! Он не должен попасть в эту дыру. У него еще столько дел здесь, на Эроне!.. Ему надо найти Вендре, он должен спасти ее!..

У самого подножия бегущих ступенек Хорн улучил момент, когда стражи наконец чуть расслабились. Первым делом он освободил руки — вырвал их и кулаками ударил левого охранника. И сразу же другого... Затем бросился бежать, направляясь в толпу. Главное, навести панику. Однажды ему удалось подобный маневр. Охранники не станут стрелять в своих. Только бы добраться до выхода... О дальнейшем он не задумывался.

Пробегая мимо Ву, он вдруг споткнулся. Следом на голову обрушился страшной силы удар. Уже не радужные круги, а полная темнота обхватила его. Он сопротивлялся несколько мгновений, затем провалился в небытие.

Его разбудили громкие стоны. Хорн открыл глаза, прислушался. Вокруг ни звука. Глубокая, стылая тишина... Слабый лучик света проникает сквозь маленькое, забранное небьющимся стеклом и металлической сеткой отверстие в потолке. Его пристегнули к койке — зачем? Ах да, во время межзвездного перелета всегда так поступают. Значит, его все-таки втащили по эскалатору? Хорн замер — отчаяние прихлынуло волной.

Наемник разомкнул ремни, попытался сесть. Получилось, но от этого движения острая боль пронзила голову, отозвалась в позвоночнике. Перед глазами поплыли круги. Он едва не потерял сознание, громко застонал и догадался, что стоны, услышанные им во сне, были его собственные.

Пол под ногами мелко задрожал, через стены донеслась вибрация работающих моторов. Затем потолок резко накренился, и Хорн едва не упал на пол. Успел схватиться за край лежанки. Все эти толчки, вибрация, неожиданные смещения пола и потолка были ему хорошо знакомы. Точно, корабль перемещается из металлической трубы на приемник, который опустит его и развернет в нужную сторону, под разгрузочные транспортеры.

Значит, им все-таки удалось втащить его на борт. Как же он не увидел подставленную ногу? Как он мог заметить, поблизости никого, кроме Ву, не было. Неужели старик предал его? Невероятно! В это трудно было поверить. Какая причина толкнула старика на предательство?

Наконец Хорн почувствовал себя несколько лучше. Он оглядел комнату. Это была обычная, предназначенная для перевозки заключенных каюта на четверых. Правильно, рядом еще три койки — правда, там никого не было. Дверь, глухая, гладкая, запирается только снаружи.

Не удалось ему все-таки избежать Ванти. Жаль!.. Отсюда, говорят, побегов не совершают. Хорн порывисто вздохнул — что ж, посмотрим, проверим этот факт. Питера Сэйра тоже, наверное, прячут на этой дикой планетке. Если он жив... Он должен быть жив, иначе все, что делал, будет полной бессмыслицей. Все, на что надеялся, во что верил... Хорн вспомнил, как объяснял Вендре, что Сэйр — единственный человек, способный удержать взбунтовавшиеся массы и спасти цивилизацию от полного разрушения.

Вдруг Хорн вспомнил про пояс. Наемник судорожно ощупал спину, живот. Так и есть, пояса с деньгами не было. Хорн посидел ссутулившись, прикинул так и этак. Утрата денег — это наименьшее из всех зол, свалившихся на него. Черт с ними! Жаль, конечно, — выходит, он напрасно, за здорово живешь, ухлопал этого Кохлнара. Кто-то потом скажет — из идейных соображений. Враки! Убил за деньги, а вот потерял их — и ни капельки не жалко. Глуп человек!.. Куда больше сожалений вызвала у него пропажа пистолета. Без оружия Хорн чувствовал себя неуютно. С голыми руками только в ближнем бою можно чувствовать себя уверенно, а на дистанции даже в несколько шагов ты мишень...

За ним пришли, когда он сидел, погрузившись в размышления. Неожиданно заскрипела дверь, отъехала в сторону. В проеме стояли два равнодушных, скучноватых

громилы. У каждого в руках по пистолету. По мордам видно — тертые калачи. Скольких буйных и тихих они перевидали за время своей службы. Инструкции, наверное, в кровь ввелись — действуют слаженно, точно, молча. Один из охранников показал стволом — выходи — и тут же отступил на два шага назад. Второй тоже занял правильную позицию. Нет, эти не дадут шанс, они привыкли иметь дело с отчаявшимися людьми.

Они и по коридору вели его согласно всем правилам конвоирования особо опасных преступников. Хорн шел впереди, надзиратели метрах в полутора сзади.

— Шагай, — сказал один из них. — Мы скажем тебе, когда надо будет остановиться.

Хорн тащился по узкому, с ровно окрашенными стенами коридору. Чем дальше, тем отчетливее он понимал, что попал в серьезное заведение. Охранники были похожи на волкодавов, они прошли здесь прекрасную школу. Броситься на них? Глупо. Побегать вперед? Еще глупее. Эти не будут колебаться, сразу откроют стрельбу. Убивать не станут, просто лишат возможности двигаться, раздробят, например, лодыжку. Инвалиду в тюрьме не сладко придется, его сокамерники заедят. В Великую энтропию он не очень-то верит, тем более в скорое возрождение. Смерть она и есть смерть — конец всему: сомнениям, мукам, мыслям, надеждам... Однако и сдаваться он не собирается... Вот так и будем жить — присмирив, затаившись, постоянно настороже и думая, думая, думая...

Его вывели на эскалатор. Корабль, доставивший их на Ванти, оказался всего-навсего космическим челноком. Он занял небольшую часть приямка. По-видимому, этот транспорт осуществляет связь между Эроном и Ванти.

Его провели через аппаратную. Двери здесь были двойные — передние створки никогда не раздвинутся, пока задние не сомкнутся. Так, запомним — входы и выходы оборудованы системами шлюзов. Наконец они вошли в короткий просторный коридор, миновали его и — опять же через две двери — вошли в контору. За огромным поблескивающим черным столом сидел человек в форме. Это был настоящий великан, заметно обрюзгший, но все еще сохраняющий чудовищную силу. С ним случилось то, что обычно происходит с атлетами в самых тяжелых весовых категориях, добившихся выдающихся результатов, когда они бросают спорт. По-видимому, это был главный надзиратель или, как его еще называли в галактике, хозяин. Именно этому человеку империя доверила охранять своих самых заклятых врагов. Эрон не ошибся в выборе. Здесь содержались только самые отъявленные преступники — так сказать, элита: уголовники, предатели, бунтовщики.

Все охранники и сам хозяин были облачены в черную форму. Это естественно, что все они были приписаны к ведомству Душана, однако, как слышал Хорн, сам главный надзиратель имел прямой выход на Генерального управляющего и, в общем-то, был достаточно независим от своего непосредственного шефа.

Хорн обратил внимание на маленькие, глубоко утопленные глазки хозяина. Их можно было бы назвать пороссячьими, если б не хитринка и ум, сквозившие в них. Нынешний хозяин Ванти являлся варваром — это было видно с первого взгляда, поэтому он не мог рассчитывать на более высокое продвижение по службе, чем пост начальника тюрьмы. Удивительная догадка пронзила Хорна: уж не по приказу ли хозяина был захвачен северный терминал на Эроне? Какой бы бредовой ни казалась эта мысль, в ней был глубокий смысл. Такому человеку, как главный надзиратель, была на руку смута, разыгравшаяся в столице империи. Если Душан одержит верх, хозяин всегда может представить дело таким образом, что он пытался восстановить порядок на одном из важнейших для империи стратегическом объекте. За помощь он мог потребовать высокую цену. Если же Душан падет — то и хорошо! Захват терминала позволит ему диктовать свои условия всем, кто в этом случае придет к власти. Собственных сил у хозяина вполне достаточно, всем известно, что на Ванти дислоцирован очень сильный отряд.

В свою очередь главный надзиратель тоже внимательно изучал вновь прибывшего арестанта. Наконец он произнес:

— Смотрите за ним в оба. Это очень опасный человек.

Конвоиры сразу подтянулись — это Хорн смог уловить боковым зрением, — сразу чуть придвинулись к наемнику, встали по обе стороны. Теперь в случае чего они могли стрелять в пленника без опасения попасть в своего начальника.

— Значит, ты утверждаешь, что Матал мертв? — обратился хозяин к Хорну.

— Я уже говорил, — тихо ответил Хорн.

— И Фенелон с Ронхолмом?

— Возможно. Я сам не видел.

Хозяин прищурился, опустил голову, принялся изучать какой-то странный диск, который держал в руках. Хорн позволил себе переступить с ноги на ногу.

— Не шевелись, — предупредил хозяин. — И Кохлнар тоже...

Наступила пауза.

— Я слышал, они до сих пор не смогли схватить убийцу? — продолжил допрос главный надзиратель. Он в упор посмотрел на арестанта.

Хорн понял, что оказался в тисках какого-то необычного детектора лжи. Инстинктивно он почувствовал, что следует по возможности говорить правду. До последней возможности излагать правду, держаться за нее, иначе он быстро запутается, тогда его песенка будет спета.

— Нет, не смогли, — ответил он.

— Это правда, что из шести глав директоратов в живых остались только Душан и Вендре? Кто теперь Генеральный управляющий?

Это было странно — два вопроса одновременно! Хозяин как бы намекает, что отвечать можно на любой. Только нельзя врать.

— Душан, — вымолвил Хорн.

— Это логично, — сказал хозяин. — Ну и как, он способен удерживать власть?

— Сомневаюсь.

— Почему?

— Когда в верхних эшелонах власти начинается распря, да еще с убийствами, то рушится все здание государственного управления. Армия сейчас, по-видимому, вступила в бой с гвардейскими отрядами. Ее верхушке нельзя допустить, чтобы Душан упрочил свое положение. Их всех тогда передушат, как котят. Нижние ярусы взбунтовались. Эрон на грани гибели. Только один человек способен удержать ситуацию в руках. Кто — я скажу потом, а сейчас я бы хотел обратить ваше внимание на то обстоятельство, что Душан не пользуется ни авторитетом, ни поддержкой аристократов.

— Ну, ты и штучка. — Хозяин неожиданно посмотрел Хорну прямо в глаза. — Опасный негодяй! Так кто, ты говоришь, способен сохранить преемственность власти?

— Питер Сэйр.

— Он мертв.

Этот ответ прозвучал слишком быстро, и выговорил эту фразу хозяин нарочито небрежно. Или все это Хорну померещилось? Конечно, зачем хозяину врать? Он просто мог уйти от ответа. В первый раз у Хорна закралось сомнение: что, если Сэйр на самом деле погиб? Как ему в то мгновение захотелось заглянуть в диск, который хозяин держал в руках!

Следующий вопрос подтвердил опасения Хорна насчет этого непонятного предмета.

— Значит, ты считаешь, что это мои люди захватили северный терминал и главную аппаратную?

Хорн даже растерялся, однако надзиратель был удовлетворен и таким ответом.

— Они смогут удержать их?

— Никаких шансов, — Хорн ответил решительно, не задумываясь.

— Я должен был так поступить. — Хозяин словно к самому себе обращался: — Как иначе я мог проверить поступившие сведения... Кто был этот старикашка, захваченный вместе с тобой?

— Управляющий Матала.

— Ложь!

Хорн взял себя в руки и непринужденно пожал плечами:

— Он сказал, что его зовут Ву.

— Где он? Хорн изумился:

— Это вы меня спрашиваете? Невинность пленника была очевидна.

— Он исчез, — проворчал хозяин, — Этого не может быть.

«Нет, может, — против воли обрадованно подумал Хорн. — Даже Ванти для него не преграда. Они придут сюда, Ву и Лил. Таких, как эти, не взять. Должно быть, они уже далеко от Эрона».

— Человек с таким именем и с такими приметам давно в розыске. Мы столько лет охотимся за ним. Ты даже представить себе не можешь, сколько лет... — сказал хозяин. — Ладно, — закончил он и приказал охранникам: — Вышвырните его.

Хорн напрягся. Один из охранников ткнул ему в бок стволом пистолета. На расстрел это не похоже. «Вышвырните» — это не означает «кончайте». В любом случае мишенью он пока не будет.

Его повели длинным петляющим коридором. Хорн по привычке запоминал дорогу, считал двери, повороты, отмечал в памяти, когда налево, когда направо. Старался все зарисовать: вентиляционные решетки, подсобки, лифты, количество шагов, расстояние... Первый поворот — артиллерийское гнездо, орудие в боевой готовности, расчехлено. Стволы смотрят на цель сквозь бойницу в стене. Далее восемнадцать маленьких бойниц — вероятно, для стрелков. Поворот под прямым углом направо, оружия нет — по-видимому, коридор следует в глубь здания. Двадцать шесть шагов. Лифт, кабина изнутри бронирована... Нижний этаж, выход, двери бронированные, на каждой створке нарисованы черепа со скрещенными костями. По обе стороны двустольные орудия...

Створки разъехались, за ними показались такие же зловещие двери.

— Вон! — сказал один из охранников и опять ткнул пистолетом под ребра.

Хорн шагнул в шлюз. Створки сзади закрылись. Начали раздвигаться передние. В лицо ударил ледяной ветер. Хорна пробрал озноб. Наконец проем открылся.

— Вон! — рявкнуло где-то над ухом.

Наемник переступил через рельсы, по которым двигались броневые листы, и невольно оглянулся. Четыре ствола смотрели ему в спину. Зрелище забавное, если не обращать внимания на пейзаж, распахнувшийся перед ним.

Он увидел мост, достаточно узкий, пройти по которому мог только один человек. Противоположный конец терялся в сумеречном, тусклом свете. Под мостом вырыт широкий ров, заполненный водой. В редких отблесках света, падавшего из бойниц, вода казалась жуткой, масляной, неподвижной. Хорн робко ступил на мост, его вдруг передернуло. Это был путь в никуда. В оранжевой униформе было холодно, однако снега вокруг не было видно. Что-то около нуля, может, чуть больше... Задубеешь стоять. Тогда вперед. Без оружия, без пищи... Рассчитывать можно было только на силу рук и изворотливость ума. Слабое утешение...

Огни за спиной вдруг погасли. Хорн обернулся. Теперь терминал, так негостеприимно принявший его, напоминал гигантскую рукотворную скалу — под стать местному унылому пейзажу. Отвесные стены вздымались прямо из глубокого рва. Единственным светлым пятном в этой картине был туннель — золотистый цилиндр, убежавший в усыпанное звездами небо. Там он, превратившись в тончайшую нить, а потом совсем сойдя на нет, исчезал. Хорн еще раз внимательно осмотрел вздымающиеся над голой равниной казематы, в сумраке слабо очерчивался расположенный за мостом вход. Черные на сероватом фоне щели обозначали бойницы, в которых в любую минуту могут появиться орудийные стволы. Пути назад тоже не было.

Хорн перешел на другую сторону, сошел с моста, некоторое время стоял, дожидаясь, пока глаза не привыкнут к скудному ночному свету. Земля была чуть неровна, однако мелкие колдобины, рытвины, разбросанные тут и там булыжники не могли считаться рельефными неровностями. С точки зрения картографа, эта земля была удивительно гладкой. Здесь не

было ни гор, ни холмов — горизонт изгибался близко, плавно, по дуге. Тяготение было заметно слабее, чем на Эроне. Воздух пригоден для дыхания. Если бы он только был чуть-чуть теплее... Бесплодная пустыня — ни деревца, ни кустика. Ни единого намека на то, что здесь существует жизнь.

Над горизонтом занималось багровое скудное сияние. Что это — рассвет, закат? В любом случае его не хватало, чтобы осветить окрестности. Казалось, слабый свет рождается сам по себе — им истекает сухая, крепкая — по-видимому, промерзшая — земля, булыжники, далекие звезды. А может, в такой спектр преломлял местный воздух сияние туннеля? Глядя в ту сторону, Хорн прикинул, что не более трех часов отделяют его от Эрона. От Вендре...

Это воспоминание было мучительным, терзающим душу. Как одолеть стены терминала? Кто сможет пройти по этому узкому мосту и уцелеть под шквальным огнем

Общее мнение гласило — никто и никогда не возвращался с Ванти. Попавший туда считается умершим — точнее, вычеркнутым из списка живых. Его наследство может быть наследовано, вдова могла вновь выйти замуж, дети вправе помянуть живого отца. Подобное отношение допускал и закон, и обычай.

Извилистой дорожкой он попал сюда, вздохнул Хорн. Сначала из одного конца империи на другой, сменил галактики, прошагал от звезды к звезде. Все по чьей-то воле... Теперь он был учен, явь открылась перед ним — никогда он не ставил перед собой цель попасть в Ванти. Предупредил бы его кто-нибудь перед разговором в темной комнате, где он принял предложение неизвестного, что в конце концов окажется на этом планетоиде, он бы только рассмеялся в ответ. Нет, Хорн не был так глуп, чтобы исключить подобный исход, — просто он верил, что, действуя по собственной воле, всегда выберет момент и изменит направленность событий. Теперь ему ясно, как он ошибался. Он и старого Ву недослушал, который убеждал его, что человек волен только в первом шаге, что второй он совершает по необходимости. Хорн усмехнулся — не прав ты, старик. Опыт подсказывает, что и в первом шаге человек не волен. Даже его выбор диктуется какими-то потусторонними, всемогущими силами.

Не было в них ничего мистического — они как ветер, гуляющий над океанским простором. Вдвигает волны, вкупе с температурой создает течения, гонит волну. Пусть эта горка воды мечтает, что способна метнуться и влево, и вправо, на самом деле всех их гонит неведомая им самим сила. Осознавшая это волна решит, что именно за ней идет охота, что именно ее подгоняют и направляют, но это только до поры до времени. Стоит капле воды попасть на Ванти, и она прозревает.

Он взял деньги, чтобы лишить человека жизни. Ему казалось, что это его собственный выбор, и не будь на то его воли, Кохлнар до сих пор ходил бы живой. Детский лепет. Песенка Кохлнара была спета — впрочем, как и всей империи... Ему ли, столько повидавшему, это объяснять! Гибель его была запланирована людьми, которые, по-видимому, тоже считали, что действуют исходя из собственных интересов, себе на пользу. Их не устраивала законная передача власти, им необходима была маленькая, недолгая смута в верхах. Они ее получили, теперь не знают, — как расхлебать.

Неизбежное наступает, всему кончается срок. Вопрос — когда и как? Вот о чем умалчивает будущее. Он вновь перебрал по датам весь свой путь, приведший его в Ванти. На каком этапе он, предположим, умудренный опытом, мог отойти в сторону? Сказать: «Все, хватит! Я умываю руки»? В тот момент, когда держал на мушке Гарта Кохлнара? Или в каменном мешке, где Ву предложил ему следовать за ним на выборы нового Генерального управляющего? Или бросить Вендре в ту самую минуту, когда они прибыли в северный терминал? Куда бежать, он в ту пору знал... Вот так бросить и слинять? Оставить любимую девушку на произвол судьбы? Какой смысл лукавить перед самим собой — он полюбил Вендре, сразу и навсегда. Это было безнадежно, здесь, на этом бесплодном небесном теле, глупо вспоминать об этом, однако душа была полна света. Он полюбил, значит, прозрел. По крайней мере, ему будет о чем вспоминать.

Ведь он теперь точно знает, какие ветры гонят волны к берегу, — это сила и любовь. Насилие жестоко, но оно неизбежно. Оно благородно, если озаряется светом любви. Судачить по этому поводу бессмысленно — так устроен мир, и изменить его опять же можно только с помощью любви и силы.

Волнение неостановимо, и здесь, на Ванти, тоже ощущается залах соленой воды времени. Можно, конечно, броситься в ров, сдохнуть, как поганый пес, на потеху этим затынутым в черное мерзавцам, которые наловчились охранять и конвоировать людей. Выходит, оставить Вендре одну, в этом истерзанном, покоробленном от ненависти мире? Дудки! Не дождетесь!.. Землю буду грызть, камни глотать...

Хорн от напряжения и бессилия несколько раз сжал пальцы в кулаки и тут же разжал их. Не помогло, но стало легче. От осознания своего положения, от невозможности покончить с собой, от желания спасти то существо, которое стало дороже всего.

Успокоился он внезапно. Словно накатило благословение... Словно гаснущие звезды, переглянувшись напоследок, разом подмигнули ему — брось, парень, не вешай нос, глянь еще раз на крепость.

Хорн невольно оглянулся. Действительно, кто сказал, что эта глыба бетона и стали неприступна? Этот грубо обтесанный комок ненависти всемогущ? Не смешите меня! Империя трещит по всем швам, а этот плевок злобы будет стоять непоколебимо? Так не бывает. Другое дело, что не стоит с голыми руками идти на штурм, надо покумекать — это да! Наемник засмеялся. Он в межзвездном туннеле не сгинул и здесь не пропадет.

Теперь туннель, что по-прежнему отчетливо золотился в небе, показался ему родным и близким. За него и ухвачусь, решил он. Эта штука не подведет. Даром, что ли, его создавали! Уж наверное, не для того, чтобы обратить человека в раба. Совсем наоборот — чтобы возвысить его, дать ход простенькой мысли, что вместе, сообща, лучше, чем поодиночке. Всякий индивидуализм — гниль, труха! Арбуз целиком в рот не засунешь, желудок до размеров коровьего не разьешь, всех монет не пересчитаешь. С этой целью и закладывали первый туннель. Так, вернемся к истокам. Скажем четко и определенно — пока во вселенной существует хоть один подневольный человек, пока есть хотя бы один раб, свободный человек не может чувствовать себя свободным. Вот с какой целью дует ветер, вот зачем греет солнце и повышает температуру. С другой стороны — это открытие очень обрадовало Хорна, — пока на свете существует хотя бы один свободный человек, никакой раб по натуре не может чувствовать себя полностью рабом, и во исполнение своей мечты верный слуга империи Гарт Кохлнар, ее бывший Генеральный управляющий, сокрушил Плеяды.

У него тоже не было выбора. Он являлся средоточием многих сил и влияний, действующих в государстве. Никто бы не позволил ему поступать по своей воле, идти на поводу у нелепых прозрений. Вот для чего нужна сила — чтобы иметь возможность отстоять истину. Но в одиночку не то что истину — свой кусок хлеба не сохранишь. Вот как еще можно вывернуть только что подвернувшуюся под руку формулу — пока на свете существует хотя бы один свободный человек, ни один раб по принуждению не может ощущать себя полностью рабом. Всякое страдание, человеческое горе делится между всеми нами, значит, и избавляться от них следует, взявшись за руки. Несправедливость по отношению к одному есть несправедливость по отношению ко всем нам, ведь с каждым может случиться беда.

«Ты прав, старик, — неожиданно страстно подумал Хорн. — Старик Ву, ты прав! Если кто-то находится в пути, значит, что-то ведет его. Только, наверное, не „что-то“, а „кто-то“.

Все двойственно в этом мире, как туннель. Он и символ угнетения, и символ надежды...

Чей-то тяжкий вес пригнул его к земле, чьи-то чужие руки потянулись к горлу. Хорн машинально резко пригнулся, и нападавший перелетел через него и рухнул в ров, наполненный водой. Хорн еще успел заметить всплеснувшую черную поверхность воды, хватающие воздух пальцы. В следующее мгновение на него навалился кто-то еще. Несколько странно разодетых фигур подхватили его. Одной из них Хорн успел врезать кулаком, но

большого добиться не удалось.

Это не охранники из крепости. Это какие-то звери, когда-то бывшие людьми, да и в людях они числились наемными убийцами, не иначе. Вот откуда такая ловкость. Они взяли его в смертельный круг. Двое из них бросились к жертве — один нырнул к коленям, другой потянулся к горлу. И эту атаку Хорну удалось отбить. Хочешь захватить колено — получи коленом. Однако тот даже после сокрушительного удара сумел прийти в себя. Он перекатился по земле и вновь был готов к нападению. Другой, потянувшийся к горлу, был менее удачлив — Хорн так врезал ему ребром ладони, что тот рухнул на землю и остался недвижим.

Но это был частный успех. Нападавшие и не подумали отступить. Хорн сделал шаг назад. Теперь позади него была пропасть, заполненная водой. Еще шаг — и его ждет участь первого, погибшего во рву.

Надо прорваться к мосту! Он слишком узок, чтобы напасть скопом, а поодиночке он с любым зверьем справится.

Нападавшие приближались. За что они хотят убить его? Или они намерены заставить его вернуться? Непонятно. Ясно одно — пока их не было, он был в безопасности. Сдаваться тоже ни в коем случае нельзя. Тюрьма есть тюрьма — здесь слабаков не уважают.

Из летописи

Свобода!

Какова ее цена? И каждый ли человек способен заплатить за нее столько, сколько требуется, а порой и немного больше? Тем более что эта собственность невесомая, ее нельзя завещать детям.

Граждане Плеяд обладали ею, однако Эрон сокрушил их. В Плеядах свобода была дороже всего на свете. Не раз и не два объединенные в федерацию миры вступали в бой за нее, но этого оказалось недостаточно.

Уже во время первой войны с Кварноном империя едва не обломала о них зубы. Во второй войне судьба Эрона висела на волоске, но златокожие пошли на этот риск, потому что само существование Плеяд являлось вызовом их представлениям о силе и власти.

Годы длился перелет эронского флота, потом начались беспощадные сражения, в которых одна сторона пыталась помешать строительству туннеля, а другая, не взирая ни на какие потери, все-таки продолжала возводить терминал. Как только труба была введена в строй, участь Плеяд была решена. И все равно жители Кварнона продолжали сражаться.

Какова цена подобного мужества и самоотверженности? Разрушенные, обезлюдившие миры? Гибель цивилизации? Миллиарды человеческих жизней?.. Оправданы ли такие жертвы? Кто может дать правильный ответ?

Эронцы были уверены, что они знают. Сожаление вызывал только тот факт, что все тяготы войны, разрушения и жертвы понизили уровень доходности акций в два раза.

Свобода? Назовите вашу цену. Всегда найдется покупатель, если, конечно, вы не запросите слишком много и товар будет стоящий...

Глава 16. КЛЮЧ

Хорн принял боевую стойку — чуть пригнулся, ноги полусогнуты, кулаки выставлены чуть вперед, локти прикрывают область живота. Он пересчитал врагов — с такой ордой ему не справиться. Как только кто-то из нападавших получал сокрушительный удар, другой тут же вставал на его место. Скоро Хорн начал уставать, пропускать удары, лицо у него уже было в крови. Потом они все бросились на него, хватая кто за руку, кто за ногу, кто повис на спине, кто начал заламывать голову. Один из этих ублюдков так и намеревался вцепиться ему в горло. Вдруг посреди всей этой суматохи, мелькания кулаков, оскаленных зубов,

ударов и ушибов раздался властный голос:

— Хватит! Вы, кровожадные волки... Я кому сказал! Или мне еще раз повторить?

Нападавшие поодиночке начали отваливаться от него, отбегать в сторону. Скоро Хорн был свободен. Ноги у него немного дрожали, однако тело он еще контролировал, поэтому без страха посмотрел на склонившееся над ним лицо.

Человек гигантского роста, чуть прищурившись, смотрел на него. Рост его был далеко за два метра, фигура внушительная. Рыжеватые волосы были длинны и грязными завитками падали на плечи. Борода тоже была рыжая, длинная, колючая...

Маленькое, рыжеватое, под цвет бороды, светило наконец одолело горизонт, однако свету оно прибавило немного. Разве все вокруг подкрасило в этот ядовитый, выродившийся, смешавшийся с апельсиновым тоном багрянец.

Человеку было весело, он не мог скрыть радостные искорки в глазах.

— Спасибо! — поблагодарил Хорн. Борода неожиданно приблизилась, открылся спрятанный в глубине шерсти рот...

— Не стоит, — великан положил руку Хорну на плечо. — Слушай, парень, ты мне нравишься. Ты хорошо вел себя против этих шавок. Даже паршивые псы набираются храбрости, когда нападают стаей. Они скопом могут загрызть самого гордого оленя. Меня они называют Редблейдом.

Это имя было знакомо Хорну.

— Так это ты и есть знаменитый пират? — спросил он. Глаза у Редблейда блеснули.

— Выходит, ты слышал обо мне?

Хорн кивнул. Это имя было синонимом разрушительной силы, резни, насилия и в то же время — вызовом жестокой власти, которую олицетворяла империя.

— Им пришлось послать три крейсера, чтобы справиться со мной, — похвастал Редблейд. — Они захватили меня спящего.

— Меня зовут Хорн, я — солдат удачи.

— Ну, это тоже самое, что пирах. Что ж, ты — проворный парень. Значит, теперь нас двое. — Лицо Редблейда потемнело. — Эх, если бы была хоть какая-нибудь возможность выбраться отсюда!..

— А что, ни единого шанса? — осторожно спросил Хорн.

— Ни единого, — кивнул пират. — Пока никому еще не удавалось выбраться из этого гиблого места, но не всегда Ванти будет тюрьмой.

— К любой двери можно подобрать ключ.

— Только не к этой, — сказал рыжебородый великан. — Я потом расскажу тебе почему. Ладно, пойдем, ты как раз успел к завтраку.

Пират повел его вокруг рва. Хорн спросил:

— Все-таки не пойму, за что эти люди хотели убить меня?

— Поймешь после завтрака, — откликнулся тот.

Наконец они добрались до скопища оборванных, грязных людей. Все они расселись на земле, вели себя тихо, кое-кто стоял. Их было несколько сотен, все ждали какого-то представления.

— Дайте дорогу! — заревел пират. — Не видите — у нас гость?

Перед ним безропотно расступались. Тех, кто мешкал, Редблейд подгонял пинками. Да, этот «добрый дядюшка» был страшнее лютого зверя. Может, по-другому здесь нельзя?

Они приблизились к небольшой выемке, вырубленной прямо в скале. К ней прямо со стены крепости была подведена металлическая труба. Как только они подошли к краю ямы, из трубы комками повалилась какая-то желтоватая, густая, клейкая масса.

— Вот тебе и завтрак, — сказал Редблейд. — Ешь!

Сам он встал на колени и зачерпнул ладонью это месиво. Хорну стало противно, однако отказаться от приглашения, да еще в первый день пребывания в неволе, — это было по меньшей мере неучтиво. Он тоже встал на колени и, зачерпнув пищу, попробовал ее. Есть можно, но не более того... Кроме того, он должен позволить себе расслабиться — значит,

надо есть. Не вороти нос... Собственно, он не испытывал особой брезгливости к любой пище. Что только ему не приходилось жевать, когда он потерял мать и отца.

— Опять маис, черт бы его побрал! — в сердцах выругался пират. — Утром, вечером — все одно и то же.

Он скривился, вытер тыльной стороной ладоней рот и бороду, потом встал. Хорн последовал за ним. Теперь следующая партия припала к краям ямы, люди принялись торопливо черпать кашу. Потом началась свалка... Ясно, решил Хорн, очередность клева соблюдается только до определенного предела. Кто-то свалился в кашу и, выбравшись оттуда, принялся торопливо поедать налипшие на него комки. При этом он еще успевал огрызаться и молотить тех, кто пытался подобраться к нему со спины.

Хорн почувствовал тошноту.

— Свины! — с отвращением сказал Редблейд. — Если бы только каша... Какую только пакость они не кладут в нее! В качестве приправы... Песок сыплют, глину какую-то. Ног не протянешь, однако хочется чего-то свеженького. Все уже изголодались по мясу, понял? Хорна передернуло.

— Вот почему они напали на меня!

— Некоторые из нас не могут справиться с подобной страстью.

Теперь они шагали, удаляясь от столько распроклятой крепости. Уже через несколько минут она скрылась за горизонтом. Наконец Хорн и Редблейд добрались до края обширной впадины, напоминавшей блюдце.

— Если ты поймешь, как мы живем, — звучно выдохнув, сказал пират, — больше не будешь спрашивать, почему отсюда невозможно сбежать.

Он указал на темные крапины нор, вырытых в скалистом откосе. Это был труд многих тысяч людей в течение долгих столетий.

— Только так можно спастись от холода, — объяснил Редблейд. — По ночам, — добавил он, — здесь не знаешь, куда сунуть ноги.

— Даже огня нет? — спросил Хорн.

— В том-то и дело, — ответил спутник. — На Ванти никогда не было жизни. Здесь никогда не было ни угля, ни нефти, ни деревьев — ничего, что могло бы запастись химическую энергию. Жечь тут нечего! Единственное, чего вдосталь, — это камня. Ванти — это огромная каменная глыба, вращающаяся вокруг солнца-доходяги. С чем выходишь из крепости, в том и ходишь. Вот что имеет здесь наибольшую ценность, в порядке очередности: кости (в качестве плохонького; инструмента и оружия!), лохмотья (как одежда, для сохранения тепла) и металл...

— Какой металл? — удивился наемник.

— Подковки, набойки, бляшки, пуговицы, пряжки для ремней, булавки — одним словом, любой металлический предмет. Если собирать их достаточно долго, то можно выковать что-нибудь, напоминающее нож, а это уже совсем другое дело.

Действительно, без огня, решил Хорн, ничего не построишь, ничего не создашь. Все старания будут напрасны...

Между тем пират продолжал свой рассказ:

— ...В качестве развлечений у нас используется все то, что могут использовать мужики без баб. Зачем я буду объяснять, сам понимаешь. И конечно, драки. Как же без этого. Всегда кого-нибудь покалечат, а то, глядишь, и убьют. Однако без драк нельзя. — Он помолчал, потом решительно добавил: — Никак нельзя. Иначе беспорядок, всякие горлохваты начнут брать верх.

В настоящее время, объяснил Редблейд, он является признанным вожаком. Его авторитет непререкаем. Кое-кто пытался доказать обратное, но быстро утихомирился. Это положение, сообщил пират, дает некоторые преимущества: во-первых, при дележке пищи, долю от всех трупов, право принуждать других исполнять его распоряжения. Но только до определенного предела.

— Здесь хватает всяких субчиков, — признался Редблейд. — Есть и такие, которые

обозлились на всех и вся и жаждут как можно скорее оставить этот свет. И не в одиночку, а захватив с собой как можно больше своих братьев. Это страшный грех, таких мы быстро осаживаем, но за всеми не уследишь, поэтому я стараюсь палку не перегибать. Ты учти это на будущее. Но уж что мое, то мое, это тоже стоит запомнить. — Он вздохнул. — Конечно, ни одна шавка и пикнуть не посмеет, пока я силен и могуч. Вот что тебе следует зарубить на носу: здесь каждый делает то, что он хочет, на что у него силенок хватит. И не делает того, что не желает или не может исполнить. Понял?

— Что уж тут непонятного. Каждый за себя, а сообща можно только перегрызть глотку собрату. Голый индивидуализм, замешанный на желании мстить и мстить...

— Я смотрю, ты действительно сообразительный парень, — сказал Редблейд. — А по поводу индивидуализма... Жизнь есть жизнь. Посиди здесь с мое, и я не знаю, какую песню ты тогда запоешь. Все дело в том, что хотя надежда умирает последней, но все же она в конце концов умирает. Ее могила здесь, на Ванти. Ты думаешь, когда они раскрыли дверь и выгнали тебя на этот плоский шарик, они обрекли тебя на заточение? Нет, парень, они обрекли тебя на смерть. Обстоятельно так организовали этот процесс. Тебе дали время познакомиться с ней, убедиться, что смерть бывает разных пород, но в любом случае у нее одно и то же лицо. Две бронированные створки, медленно разъезжающиеся в разные стороны. Можешь сравнить их с челюстями, с входом в ад — это не имеет значения. С чем ни сравнивай, конец один. Никто даже не знает, где расположена эта поганая Ванти. На звезды не рассчитывай, у нас тут есть межзвездный штурман. Он говорит, что такого неба никогда не видал. Скорее всего, нас занесло в чужую галактику, так что, парень, никаких ориентиров.

Редблейд, кряхтя, уселся на край обрыва. Что ни говори, а солнце начало припекать довольно чувствительно. Хорн пристроился рядом — ему было удивительно сидеть с таким человечиною и рассуждать о звездном небе, которое может открыться разумному существу в чужой галактике, о надежде чьей могилой стала Ванти, о простеньких незамысловатых бронированных плитах, имя которым, оказывается, смерть...

Было хорошо, сытно, уютно. Видно, этот пират любит поговорить. А может, просто набросился на свеженького — местные ублюдки до тошноты надоели...

— Единственный путь к свободе ведет через туннель, — продолжал рассказывать Редблейд. — Чтобы добраться до туннеля, первым делом надо проникнуть в крепость. Ох, парень, какие только прожекты мне здесь не довелось выслушать. Люди на глазах дуреют. И как не свихнуться, когда близок локоть, вот он, — он ткнул пальцем в золотистый карандаш, пронзивший тусклое порыжевшее небо, — а не укусишь. Однажды даже попытались прорваться в терминал... Что ты! Так горячо взялись за дело. Принесли камни, начали забрасывать ров с водой, решили добраться до стен... — Он замолчал, долго смотрел в близкую даль, ограниченную заметно округлым горизонтом.

— И что?.. — нетерпеливо спросил Хорн.

— Они даже поленились в нас стрелять, — ответил Редблейд. — Просто хозяин перестал давать кашу и пока мы не вычистили ров, туннель бездействовал. Многие тогда сдохли. Хорошая была пожива...

— В обычных обстоятельствах, — рассудительно сказал Хорн, — ничего другого и быть не могло. Когда все идет заведенным порядком... Но все может измениться. Империя на грани издыхания. Сейчас самое время подумать о том, чтобы помочь ей развалиться.

Глаза у Редблейда сверкнули. Он повернулся к Хорну.

— А ну, выкладывай, что там, — он ткнул пальцем в небо, — случилось?

— Восстание...

Он вкратце пересказал пирату основную канву событий, которые произошли на Земле и Эроне в течение последней недели.

Из груди Редблейда вырвалось сдавленное рычание:

— Хр-р-р!.. Я бы не пожалел десятка лет жизни, чтобы еще хоть раз вступить в схватку. Знаешь, как я соскучился! Сил больше нет... Так и хочется скрутить кому-нибудь шею,

услышать хруст костей, свежей крови нюхнуть!..

Хорн удивленно глянул на пирата. Тот засмеялся:

— Шучу я, шучу. А может, и нет. Тем, кто меня засадил сюда, пощады не будет. Знал бы ты, как они издевались... Значит, ты считаешь, что Эрон в беде?

— Да, — кивнул Хорн. — Златокожим крупно не повезло с новым Генеральным управляющим. Понимаешь, сейчас тот самый момент, когда всем нам надо подумать о себе. Ты им пока ничего не рассказывай, но надо как-то организовать, прикинуть, что к чему. Вдруг и нам выпадет шанс. Нельзя будет его упустить. Схватка за власть на Эроне касается каждого завоеванного мира.

— Да, — согласился Редблейд, — в таком хаосе несколько ловких парней могли бы склонить чашу весов в свою пользу.

— В нашу пользу, — поправил его Хорн. — И не несколько ловких парней, а все мы под руководством нескольких ловких парней, которые в свою очередь знают, кто способен привести их к победе.

— Кто же? — усмехнулся Редблейд.

— Питер Сэйр.

— Он мертв, — сказал пират и настороженно глянул на Хорна.

— Ты видел его мертвым?

— Его никогда не выпускали за пределы терминала. Они держат его там, в крепости. Вот что удивительно: каждый новичок, которого выбрасывают к нам, утверждает, что он умер, а ты веришь, что он жив.

Хорн вздохнул. Что он мог сказать?..

— Ладно, подождем, — согласился Редблейд, — пока несколько ловких парней не освободят нас.

— Я не могу ждать! — заявил Хорн. — Если будем ждать, то можем прождать вечность.

— У тебя есть какой-нибудь план?

— Нет, но я буду искать шанс.

Редблейд криво усмехнулся:

— Все так сначала говорят, потом успокаиваются. Хорн, словно не слыша его, спросил:

— Сколько всего здесь людей?

— Черт их знает! Никто не считал. Три, может, четыре сотни. Люди умирают, на их место гонят других.

— Послушай, Редблейд, как бы ты поступил на месте хозяина? — неожиданно спросил Хорн. — Вот в такой ситуации, о которой я тебе рассказал. Людей у него очень мало. Северный терминал он взял, но сможет ли его удержать? А без него он никто. Он тоже становится заключенным. Значит, какая у него задача?

— В любом случае сохранить в своих руках северный терминал и главную аппаратную, — откликнулся пират.

— Но людишек у него очень мало... — добавил наемник.

— Черт побери, я бы использовал заключенных. И долго бы не раздумывал... Раздал бы карабины и погнал бы в бой. Ну, конечно, наобещал бы с три короба, не без того... А сзади поставил своих ребят с пулеметами, чтобы прибавить нам храбрости. Несколько сотен таких мужиков, как заключенные, — это большая сила. Пусть нас всех поубивают, но свое дело мы сделаем. Однако вот загвоздка, — Редблейд вздохнул, — пускать нас в крепость — ба-альшой риск!

— Но куда опаснее проиграть схватку в той игре, которую хозяин затеял, — возразил Хорн. — Вспомни, как ошарашивающе действует на человека неожиданность. Он рассчитывает на это. Нас распределяют по камерам, группами доставляют на Эрон, по мере надобности выводят, суют в руки пистолеты и гонят в коридор...

— Да, — согласился пират, — это может сработать.

— А если мы будем готовы? Если сможем перехитрить их и нападём в подходящий

момент, когда нас всех заведут в крепость, тогда и у нас появляется шанс. Слабенький, конечно, но шанс.

— Любая возможность вырваться из Ванти — уже хороший шанс — Он энергично, пятерней, взъерошил свои волосы. — Что для этого нужно?

— Горстка людей, которым можно доверять... — начал было Хорн, однако Редблейд разочарованно прервал его:

— Нет, парень, на это можешь не рассчитывать. Если здесь и есть такие, которые когда-то на воле страдали подобным пороком, на Ванти они быстро избавились от этого греха.

— Но ведь это пахнет свободой! — воскликнул Хорн. — Неужели они не способны даже ради этого объединиться?!

— Ты не понял, — объяснил пират. — Ради свободы они готовы на все. Даже исполнять твои, скажем, приказания, но им нельзя доверять... — Он поколебался, потом добавил: — Даже мне. Ты можешь поманить нас свободой и заставить подчиниться силой или обещаниями, однако положиться на нас нельзя.

Хорн с такой страстью глянул Редблейду в глаза, что тот чуть отпрянул.

— Пойдем со мной, — хрипло, низким, тягучим голосом выговорил наемник, — и мы покончим с этим гадюшником. Разнесем Эрон на куски! Решишь отколоться — и твоя жизнь гроша ломаного не будет стоить!..

— А что я? — неуверенно пожал плечами Редблейд. — Я завсегда... Я с превеликим удовольствием... Только доверять мне не стоит.

— Там будет видно, — решительно сказал Хорн. Он не желал терять ни секунды и хотел окончательно психологически подавить эту гору мускулов. Кто-то должен прикрывать его со спины в момент нападения на охрану. — Необходимо оружие.

— Какое? Ножи, ремни, костяные дубинки?..

— Любое. Лишь бы можно было спрятать при досмотре, — ответил Хорн. — Но еще нужно что-нибудь, что можно метать.

— Похожее на это? — спросил великан и что-то вытащил из лохмотьев.

Хорн взял протянутую вещицу и с удивлением принялся разглядывать ее. Это был пистолет. Самый настоящий... С коротким дулом, рукоятью, отделанной костью, и заводной ручкой сбоку.

— Что это? — спросил несколько ошарашенный наемник.

Пират достал небольшой мешочек и высыпал его содержимое на широченную ладонь. В красноватом свете блеснули небольшие, остро заточенные дротики.

— Стреляет вот этим, — ткнув пальцем в пистолет, объяснил Редблейд. — Внутри ствола пружина. Заводим ее... — он вставил одну из стрелок в ствол, затем поднял оружие и, прицелившись в ближайший камень, закончил: — ...и нажимаем на спусковой крючок.

Дротик с визгом отскочил от камня.

— Точности маловато, но если подойти поближе, то запросто можно ухлопать человека.

— Ты не можешь понаделать подобных штук из пряжек брючных ремней?

— Мы вообще-то используем металлические обрезки, которые можно найти возле крепости. После строительства они там все вычистили, но везунчики до сих пор находят кусочки. Мы плющим их на камнях, гнем... Одним словом, работы хватает... Здесь у многих есть такие самострелы.

— С парой таких штук мы уже можем рискнуть, — сказал Хорн. — Прикинь, сумеем ли мы набрать десяток парней, вооруженных подобным оружием, достаточно быстрых, ловких и сообразительных. И конечно, способных подчиниться приказу. Никто из них ничего не должен знать.

— Не выйдет, — предупредил Редблейд. — Если я отберу кое-кого, то уж этим придется все растолковать. Иначе никто и разговаривать не будет.

Между тем заключенные после завтрака возвращались к своим норам. Брели толпой,

подобно стаду овец. Пират по очереди негромко окликал кого-то в толпе — те хмуро посматривали на великана и, подчиняясь какому-то непонятному для Хорна сигналу, отходили в сторону. Когда их набралось с десятков, наемник объяснил им ситуацию и предупредил, что следует быть готовыми ко всему. Люди поверили сразу, глаза их лихорадочно засверкали... Надолго ли их хватит, засомневался Хорн, и что будет с ним, если его расчет на сбор заключенных окажется неверным? Об этом лучше не задумываться... В конце разговора он добавил:

— Одно условие, ребята. Приказы исполнять беспрекословно, сразу и с воодушевлением. За отказ и колебания — смерть на месте. От руки Редблейда или моей. Согласны?

Никто не возразил. Собственно, что можно было возразить на это требование? Люди на Ванти собрались тертые, им не надо было объяснять необходимость железной дисциплины. Другое дело, выполняют ли они приказ в боевой обстановке? Вот о чем предупреждал Хорна пират. Хорн осадил себя — стоит ли загадывать о том, что будет. Пора делом заняться. Тут же, выбрав ровное место, он по памяти нарисовал план той части крепости, по которой его провели к выходу. Кое-кто из заключенных, которых продержали в крепости несколько суток, добавили существенные детали. План, предложенный Хорном, основывался на внезапности и доскональном знании каждым исполнителем своих обязанностей. В этом тоже была своеобразная мудрость — чем проще план, тем он более выполним. Потом до ужина вся группа проводила тренировки, доводя до автоматизма каждое движение. К ночи, после короткого обсуждения, было решено назначить отдельных вожаков, которые должны были управлять основной массой заключенных. Этим пока можно было ничего не объяснять, да они и не спрашивали, опасаясь получить по шее за излишнее любопытство.

Наконец Хорн почувствовал, что сделано все возможное. Он еще раз предупредил, что сохранение тайны — залог успеха, поэтому все из группы захвата должны ночевать отдельно от остальных заключенных. Теперь оставалось только ждать — это было труднее всего. Ожидание являлось их главным врагом и первым союзником хозяина. То, что главный надзиратель обратится за помощью к заключенным, сомнений не вызывало. Однако и здесь было свое «но»... Если Душан сумеет овладеть обстановкой, то хозяину будет выгоднее пойти с ним на мировую. Тогда песенка Хорна будет спета. О том, что с ним сделают окончательно утратившие надежду заключенные, думать не хотелось.

Если же Душан до сих пор не взял северный терминал, значит, дела у него идут худо. Опять же интуиция подсказывала, что так и должно случиться. Если он упустил Вендре, Матала и его, если он в первые же часы не мог укрепить свою власть, с каждым часом положение будет ухудшаться. Это как снежный ком. На первых метрах его еще можно остановить, потом бесполезно. Лавину не остановишь!

Хорн не сомневался, что его расчет верен, — душа подсказывала, что хозяину придется призвать заключенных. Вопрос в другом: насколько крепки нервы у этого разъявшегося атлета? Сколько могут прождать эти несчастные? Не более суток! Но ведь у них нет другого выхода, как только довериться Хорну. Это все понимают разумом, а решат простые человеческие эмоции, потому что никто не сможет толком объяснить, с такой целью людей запирают на этой пустынной, каменной зоне. Чтобы перевоспитать их?! В это не верят сами «воспитатели». Чтобы достойно наказать? Тогда убейте. Зачем темнить? Эрон мстил своим врагам, и это лишало разум опоры. Мсть — сильная страсть, ею можно питаться до самой смерти...

Он сидел в сторонке, поглядывая на незнакомый рисунок звезд. На Ванти чистое ночное небо посвечивало тускло, купол был подернут красноватой дымкой, и звездам приходилось прокалывать этот кровавый полог, чтобы явить себя. Кто-то грузный, сопящий уселся рядом. Краем глаза наемник увидел, что это был Редблейд. Пират ткнул Хорна в бок.

— Послушай, парень, — после короткой паузы сказал он, — я тут подумал... Складно излагаешь, одобряю. Запомни, парень, я пойду с тобой. Буду с тобой до конца. Не знаю, на сколько хватит нервишек у хозяина, но двое суток я тебе гарантирую. Я удержу их в узде.

Потом хоть трава не расти. Надоело все... Прирежут так прирежут. А может, и нет.

Медленно тянулось время. К восходу солнца все поплелись на завтрак. Опять в толпе началась грызня, опять Редблейд пинками проложил себе дорогу и первым добрался до каменной лохани. Он ел неторопливо, искоса поглядывая на крепость. Сначала все молчали, потом началась обычная свалка, в которой принял участие и Хорн. Нельзя было давать повода для подозрений — все должно происходить своим чередом. Пожрал Хорн в числе первых — это было понятно. Вчера он отстоял свою жизнь, подружился с рыжебородым пиратом. Хозяину ни к чему нельзя было прицепиться...

Когда к каше добрались доходяги, как всегда со всхлипами, жалобами, обмениваясь визгливой бранью, из крепости донесся голос.

Громкоговоритель сначала хрипнул, прокашлялся, дал петуха, потом зычно окликнул заключенных. Хорн замер.

«Заключенные! К вам обращается начальник главного исправительного заведения. Все вы были осуждены провести остаток своих дней на Ванти. Теперь вам предоставляется шанс заслужить свободу.

Империя находится в состоянии войны. Тем из вас, кто готов с оружием в руках выступить на ее защиту, будет позволено войти в крепость. Они будут доставлены на Эрон, где из них сформируют особый ударный батальон. Выжившие получат полное прощение и свободу.

Не пытайтесь бежать! В трудные для империи дни от вас требуется только одно — искренность и верность. Тех, кто вынашивает коварные замыслы, ждет неминуемая смерть. Они будут расстреляны на месте.

Через пять минут будет открыта дверь. Те, кто желает вступить в особый батальон, должны собраться в главном коридоре.

Еще раз предупреждаю: всякая попытка использовать силу будет немедленно пресечена!..»

Динамик еще что-то угрожающе провякал, однако Хорн уже не слушал его. Переглянувшись с Редблейдом и другими ребятами из основной группы, он побрел в сторону моста. Пират чуть задержался — бросил пару слов тем из заключенных, кто должен был вести свои группы. По-видимому, решил Хорн, объявил порядок следования. Пары слов хватило, тем более что вся масса заключенных тут же разобралась что к чему, ведь первыми на мост вступили наиболее сильные из них.

Хорн держался в середине головной группы. Оглянувшись, он заметил, что и Редблейд, не жалея пинков, пробирается к мосту. Вот он вступил на узкое основание, занял место в хвосте.

Входная дверь между тем была по-прежнему закрыта. Только ровно через пять минут створки начали раздвигаться. Сначала одни, потом другие... Сразу! Это хорошая примета!.. Значит, охрана ничего не подозревает.

Чего им опасаться, осадил себя Хорн. В лицо заключенным смотрели четыре разделенных попарно ствола скорострельных орудий. Встречали их два охранника с унитарными пистолетами в руках. Убойной силы орудий хватит, чтобы разнести в пух и прах еще более многочисленную толпу. Мало в чем им уступают и унитарные пистолеты.

Редблейд, добравшись до входа, повернулся к напиравшей толпе и заорал:

— Эй вы, полегче! Не напирайте! По одному... Кому говорят, по одному!

Он дал кому-то пинка, несчастный, старавшийся побыстрее прошмыгнуть в крепость, отчаянно взвыл. Хорн тут же удовлетворенно отметил, что охранники с пистолетами в руках несколько расслабились. Нет, бдительность они не потеряли, просто прошли первые минуты ожидания — неизвестно, что могут выкинуть эти негодяи. Заключенные вели себя так, как и ожидалось. Как они вели себя у кормушки. Первый акт, отметил про себя Хорн, окончился в их пользу.

Наконец Редблейд протолкался вперед, занял свое законное место в голове колонны, за ним пристроился Хорн, далее ребята из основной группы. В таком порядке они вошли в

коридор.

Здесь Хорн догнал пирата, они двинулись рядышком по направлению к двум охранникам. Те отступили, освобождая проход, — оружие на изготовку, глаза настороженные.

Хорн прибавил шаг, за ним уверенно поспешил и Редблейд. Расстояние между ними и отступавшими охранниками стремительно сокращалось. Те, по-видимому, что-то почуяли. Один из них еще выше поднял оружие, другой открыл было рот, чтобы рывкнуть: осади, мол, сбавь шаг! — но не успел. Хорн метнулся к нему, краем глаза различил, что и Редблейд не промедлил. Наемник пригнулся как можно ниже, заорал: «Давай!» — и ударил стража в живот. Раздался выстрел, пуля взвизгнула и срикошетила от потолка. Одно из спаренных орудий дало короткую очередь и тут же заткнулось. Что там происходило, Хорн не знал — он был занят со своим охранником. Здоровенный попался, чертяка! Сразу не уложишь. Пистолет-то он у него выбил, да подхватить не успел. Хорн молниеносно нанес еще один удар коленкой, пониже живота. Охранник охнул и согнулся, тогда тот сцепленными руками со всей силы ударил его по шее. Там что-то хрустнуло, человек повалился на Хорна, тому пришлось отстраниться. Бросившись за пистолетом, он краем глаза уловил, что голова у охранника странно вывернулась.

Овладев оружием, Хорн оглянулся. Несколько человек из числа нападавших, срезанные очередью, лежали на полу, однако скорострельные орудия молчали. Охранник, сидевший в кресле стрелка одной из установок, бессмысленно пялился на них. Руки его безвольно цеплялись за стволы орудий. Редблейд, схватив пистолет, победно глянул на Хорна. Тот в свою очередь закричал:

— Быстрее! Они пустили газ. Бежим!..

Потом он уже не оглядывался и по доносящемуся сзади топоту догадался, что великан следует за ним.

Проход был длинный и прямой, однако бойниц в его стенах не было. В конце его, судя по рассказам других заключенных, находилась казарма. Одна из дверей вела в аппаратную, где принимали корабли. Но какая из них? Дверей в коридоре было много. Проверять времени не было.

Неожиданно в дальнем конце коридора распахнулась дверь, и оттуда вышел странный седобородый человек. Видно было, что его держали в темноте, потому что он часто заморгал. Роста он был маленького, совсем старик... Хорн на мгновение замер, потом заметил, что Редблейд вскинул пистолет. В торце коридора открылась бойница, и оттуда выглянул ствол пулемета.

Редблейд успел выстрелить, однако на второй выстрел времени не хватило — Хорн ударил его по руке.

— Это же Питер Сэйр!

Они бросились вперед. В этот момент позади них в коридоре послышалось характерное шипение, а впереди начала опускаться целая секция потолка.

— Газ! Газ! — завопил Хорн. — Скорее!..

Они успели одолеть последние метры, и в следующую секунду на бегущего по его следам Редблейда рухнула бронированная плита.

Из летописи

Кризис...

Он неизбежен как в делах одного, отдельно взятого человека, так и в государстве. Неизбежные, не всегда заметные и объяснимые ошибки накапливаются, потом их приходится исправлять, тратить на это силы, ресурсы. В конце концов наступает момент, когда человек оказывается перед пропастью, которую можно только перепрыгнуть — всякие другие пути оказываются закрытыми. В таком положении человек либо гибнет, либо

выживает. Империи же либо преодолевают кризис, либо гибнут окончательно...

Чтобы принять важное решение, нужны не только государственная мудрость, прозорливость, но и незаурядная смелость, так как выбора, по существу, нет. Можно закрыть глаза на надвигающуюся опасность, спрятать голову в песок, однако именно в такие моменты появляется человек, который способен взять на себя ответственность за принятые решения.

Человек как таковой, с точки зрения истории, незначительная величина. Пылинка, не более того, но именно от этой пылинки, случается, зависит, быть или не быть государству. Однако это может произойти только тогда, когда пылинка осознает, что она человек...

Глава 17. СИМВОЛ ЖИЗНИ

Хорн оглянулся. Редблейд принял огромный вес на свои плечи и теперь держал его, кряхтел и чуть покачивался. В проем было видно, что ребята из их группы, следовавшие за ними, заметно отстали. Двое из них, бежавшие последними, вдруг зашатались, пошли боком — видно, успели глотнуть порцию газа. Теперь они станут легкой добычей для охранников.

— Быстрее! — Хорн поторопил оставшихся в живых заключенных.

Те принялись нырять под руками Редблейда. В следующее мгновение в глубине коридора показалась орущая, плотная толпа заключенных, все-таки сумевших ворваться в крепость.

— Опускай! — крикнул Хорн, как только последний из них проскочил на эту сторону.

Глаза у пирата выпучились, лицо налилось краской, он с трудом рванулся вперед, и следом бронированная плита с грохотом рухнула на пол. Они вдвоем бросились к Питеру Сэйру. Тот от удивления открыл было рот, но, ничего не вымолвив, закрыл его. Он сильно постарел за то время, что провел в заточении.

Перед Хорном стоял сам Освободитель, наемник поверить не мог в подобную удачу. Вот он — живая легенда всех обездоленных, поработанных Эроном! Это была редкая удача! Впервые в душе Хорна шевельнулась ощущение радости от предстоящей победы. Хотел того сам Сэйр или нет, но он являлся живым символом, олицетворенной верой в скорое освобождение.

— Ты, ты и ты, — вызвал Алан троих парней, которые вместе с ним ворвались в здание. — Перед вами Питер Сэйр, Освободитель!.. Вы будете охранять его. Если с ним что-нибудь случится, я своими руками придушу вас.

Те испуганно глянули на Хорна — того в эти минуты охватило необыкновенное возбуждение. Бой теперь вдохновлял его. Такому не откажешь. Все трое молча кивнули, проводили Питера Сэйра, который молча двинулся по коридору в свою комнату.

Между тем Редблейд гигантскими прыжками помчался далее по коридору. Внезапный шум в том конце привлек внимание Хорна. Стволы орудий неожиданно исчезли, и бронированная дверь, в которой была устроена бойница, распахнулась, с той стороны повалила густая толпа. Все эти люди — бывшие заключенные — были вооружены. Это могло означать только одно — здание терминала захвачено. А как насчет самого стартового комплекса и корабля? По-видимому, эта мысль владела всеми обезумевшими от радости людьми. Метрах в пятидесяти от бегущего Хорна был поворот налево. Туда и хлынула толпа. Мощный залп унитарного оружия потряс здание. Мало кто из нападавших остался в живых. Поредевшая толпа отхлынула. В этот момент Хорн добежал до поворота, глянул за угол. Страшная картина открылась перед ним: у входа в стартовый зал возвышалась гора трупов. Кровь струилась потоком в сторону водосборных колодцев. Настоящая скотобойня!.. Хорн попытался навести порядок среди тех заключенных, что остались в живых. Он разделил их на десятки. Те, кто держал в руках оружие, принялись обстреливать охранников, засевших в приямке, с помощью которого корабль подавался в металлическую трубу. Остальных он послал в обход. Предупредил, чтобы проверяли каждый закоулок. Попытался было запретить всякие расправы над захваченными в плен, но его никто не послушал.

Однако он не оставил попыток. Отобрал с десятков вооруженных заключенных — из тех, кто, по его мнению, еще не совсем потерял голову; приказал им взять под охрану обслуживающую комплекс смену техников. Объяснил, что без них они рискуют навсегда остаться на Ванти, и, добившись обещания выполнить приказ, который дал старший группы, помчался разыскивать Редблейда.

Он нашел его в кабинете хозяина. Там они стояли друг против друга: уперший руки в бока, раздвинувший ноги Редблейд и привставший из кресла, набычившийся и растерянный главный надзиратель. Тот даже пистолет из ящика письменного стола не успел достать. Действительно, отметил про себя Хорн, с того момента, как первая партия заключенных вошла в здание, и пяти минут не прошло.

Рыжебородый Редблейд шагнул вперед и хлестко, прямо в голову ударил хозяина. Того отбросило к стене, однако он сумел удержаться на ногах. С удивительной для такой комплекции ловкостью он выскочил из-за стола и бросился на пирата. Хозяин был с ним одного роста и, может быть, немного тяжелее. Конечно, и подготовка у него была другая, однако сердце у главного надзирателя дрогнуло. Все равно сдаваться он не собирался.

Они столкнулись, как два диких буйвола. Стены тряслись, разбитая мебель полетела в разные стороны. Хозяин попытался удержать Редблейда на дистанции, его кулаки работали как поршни. Все-таки пирату удалось ухватиться за ремень и подтянуть хозяина к себе. Он одной рукой прижал его, другой принялся давить на подбородок. Пальцы Редблейда тянулись к глазам начальника.

Тот еще отчаяннее начал колотить Редблейда, но пират уже не воспринимал боль. Наконец хозяин тоже попытался, давя на подбородок, отогнуть голову пирата, но было слишком поздно. Еще одно мощное усилие — и Редблейд сломал ему хребет.

Пират брезгливо оттолкнул тело — оно медленно сползло на пол. Глаза у хозяина были выпучены, он, по-видимому, что-то еще соображал. Редблейд восстановил дыхание и засмеялся. Этот смешок ужаснул Хорна.

— Не трясись, парень, — сказал пират и хлопнул наемника по плечу. — Сколько я здесь находился, столько мечтал об этом дне! Этот негодяй ненавидел всех здоровяков. Может, боялся, что наступит час и один из тех, над кем он издевался, сломает ему шею?

Они некоторое время помолчали. Хорн, взяв себя в руки, дернул его за рукав:

— Попытайся организовать тех, кто остался в живых. Для начала пересчитай. Меня они не очень-то слушаются. Комплекс в основном захвачен, пора на Эрон. Раненые и те, кому ты не доверяешь, должны остаться здесь. На любое неповиновение отвечай пулей.

Редблейд кивнул. Хорн выскочил из кабинета и побежал по коридору. Скоро он добрался до комнаты, в которой находился Сэйр. Тот сидел на откидной кровати. Камера как камера, отметил про себя Хорн. Стул, стол, параша... В двери отверстие, через которое можно подавать еду. Узнику было разрешено пользоваться книгами, пером и бумагой. На столе лежали исписанные какими-то странными иероглифами листки. Как только Хорн вошел, Сэйр встревоженно глянул на охранявших его заключенных. Потом взял со стола бумаги, сложил их и сунул в карман куртки.

Трое охранявших его мужчин стояли у стены.

— Все, ребята, — сказал Хорн. — Отправляйтесь к Редблейду. Он в машинном зале.

— Черт бы тебя побрал, Хорн. — Один из парней, охранявших Сэйра, сплюнул. — Из-за тебя мы упустили хорошее развлечение.

— Не скули, — ответил наемник. — Двое из вас уже были бы трупами. Ступайте.

Для верности он повел в их сторону стволом. Тех как ветром сдуло. Хорн остался один на один с Сэйром. Старик никак не мог справиться со страхом. Его седая голова подрагивала.

— Кто ты? — наконец спросил Сэйр. Голос его звучал глухо, мягко...

— Меня зовут Алан Хорн. Я тоже заключенный, как и вы. Мы захватили Ванти. Понимаете, крепость в наших руках!

— Я напишу об этом поэму. Что теперь?

— Мы собираемся вернуться на Эрон, — ответил Хорн.

Сэйр вздохнул, сложил руки на животе. Руки у него были дряблые, под бледной кожей густо проступали вены.

— Вам тоже придется отправиться с нами.

Сэйр пожал плечами:

— Что мне делать на Эроне?

— Там — восстание! Вы должны возглавить его. Только в ваших возможностях остановить кровопролитие, не допустить, чтобы вместе с Эроном рухнула вся человеческая цивилизация.

Голова у Сэйра затряслась. Он никак не мог справиться с трясучкой — отступил, вновь сел на кровать.

— Я — старик. Мои лучшие годы прошли в этой темнице. Я уже не способен воевать. Теперь вам, молодым, и карты в руки, меня можете вычеркнуть. Вы что, не видите, что со мной случилось? — Освободитель вытянул руки. Они ходили ходуном.

— Никто, кроме вас, не сможет остановить безумство. Разрушить и сокрушить Эрон мы сможем. Дальше что? Вам не придется сражаться. Достаточно вашего присутствия, вашего имени.

«Если теперь это имеет хотя бы какую-то цену...» — с горечью добавил про себя Хорн.

Наконец старик осознал последние слова наемника. Он сумел совладать с собой. Глаза у него загорелись.

— Вы сказали, восстание? Против Эрона?.. Трудно поверить...

— На Кохлнара совершено покушение. Он погиб. Директора повели жестокую борьбу за власть. Когда Душан провозгласил себя Генеральным управляющим, нижние ярусы восстали. Что произошло потом, я не знаю. Нам необходимо как можно быстрее вернуться на Эрон. Немедленно!..

— Кохлнар мертв?! Да, это был великий человек. Трудно поверить, что его больше нет.

Хорн растерянно уставился на Питера Сэйра. Кто великий человек? Гарт Кохлнар?

— Он же разгромил Плеяды! — возбужденно начал он. — Он посадил вас в Ванти!..

— И тем не менее это был выдающийся человек. Только его усилиями империя продержалась столько лет. Она давным-давно должна была рухнуть. Наша беда — и его тоже — в том, что он старался вдохнуть жизнь в умирающий организм. Это был его пунктик!

Теперь Сэйр показался Хорну совсем другим человеком, он как бы ожил, почувствовал прилив сил.

Наемник нетерпеливо прошелся по камере, Сэйр с любопытством поглядывал на него. Наконец Хорн остановился напротив старика и, упершись в него указательным пальцем, громко выкрикнул: |

— Знаете, что ждет всех нас, если победит Душан или, что еще страшнее, озверевшие толпы захватят Эрон, межзвездные терминалы? Они разрушат всю транспортную систему. Освоенные миры без притока энергии умрут. Вместе с людьми. Те, кто выживут, окажутся в каменном веке.

— Да, Душан, — задумчиво откликнулся Сэйр. — Действительно, Душан — это проблема. — Он помолчал, потом также страстно, как и Хорн, продолжил: — Всю свою жизнь я пытался понять, каким образом свобода связана со страданиями. Прежде всего с голодом... Представьте, это вопрос вопросов — свобода и голод! Моя собственная жизнь была перемолота этими двумя жерновами. Но теперь я жажду только покоя, абсолютного, вечного, а им может наградить только смерть. Пусть другие, те что помоложе, попытают счастья в битве за идеалы. Теперь их черед растратить свои силы в безуспешных попытках построить светлое будущее. Может, со временем они поймут, что все в мире повторяется: свобода и тирания, голод и сытость. Империи сменяются хаосом, порядок — вольностью. У меня уже не осталось сил на все это. В многознании много печали. И бессилия... Я желаю только одного — умереть спокойно. Здесь самое лучшее место для этого...

— Они утверждают, что вас больше нет в живых, — с нескрываемой горечью возразил Хорн. — Многие верят. Миллиарды людей связывают с вашим именем надежды на лучшую

жизнь. Теперь это от вас не зависит. Если они узнают, что вы живы, что вы отказались, они разнесут всю вселенную на кусочки. Вы нужны им! Так уж получилось, что на вас свет сошелся клином. Поймите, что даже империя — или то, что от нее осталось, — нуждается в вас. Только вы можете спасти людей от них самих, от Душана, который все пустит к чертовой матери, вне зависимости от того, выиграет он или проиграет.

Сэйр поиграл желваками, сжал пальцы в кулаки.

— Я смотрю, ты крепко веришь в это, не так ли?

— Да уж... — кивнул Хорн. — Что еще остается. Сэйр вздохнул:

— Возможно, ты прав. В подобных обстоятельствах даже умирающий должен встать из могилы, чтобы спасти живых. — Он в сердцах выругался: — Черт поberi! Ну нет в этом мире покоя! Ни мира, ни покоя!..

Хорн затаил дыхание.

— Тогда что мы ждем? — Голос Сэйра окреп, в нем зазвучала прежняя сила. Он с укором глянул на Хорна: — Что стоишь, сынок? Пора в дорогу — спасти рабов от них самих, а империю от гибели. Хорошенькая перспектива, а-а?

Хорн, ни слова не говоря, распахнул перед ним дверь камеры. Сэйр решительно вышел в коридор — точнее, семеня выбежал. Он и по проходу двигался такой же потешной рысцой, с трудом перепрыгивая через валявшиеся тут и там растерзанные трупы охранников. Зрелище было жуткое, однако Хорн не отводил глаз. Подобных картин ему еще предстоит вдоволь насмотреться. Пусть и Питер Сэйр полюбуется, как потешились заключенные над охранявшими их псами. Сэйр между тем, сделав выбор, теперь забрасывал его вопросами — требовал подробно описать обстановку на Эроне. Каким образом заключенным удалось захватить крепость? При этом все время кивал и кивал. Кивнул даже тогда, когда они проходили мимо распахнутой двери в кабинет хозяина. Одобрительно так кивнул, увидев труп надсмотрщика со сломанной шеей. Хорна даже покорила подобная невозмутимость — надо же, только что жаждал вечного покоя, а теперь без конца кивает.

Сэйр словно уловил его сомнения.

— Ничего не поделаешь, сынок. Это — политика. Решение принято — дело за малым. Его надо выполнить.

Наконец они добрались до машинного зала.

— Редблейд, — позвал Хорн, — это Питер Сэйр. Старик даже остановился.

— Пират? — Он вскинул голову и посмотрел в рыжебородое лицо великана. — Кроме всего прочего, меня, оказывается, запишут в бандитскую шайку.

Редблейд засмеялся:

— Ваши люди, Освободитель.

Он обвел рукой группу оставшихся в живых заключенных. Он насчитал семьдесят пять человек. Все были одеты в черную униформу, взятую на складе. Рукава по локти отрезаны — это для того, чтобы в будущих боях отличать своих от чужих. Их лица были странно похожи одно на другое — может, худобой и изможденностью, каким-то особым налетом, который всегда накладывает лишение свободы.

— Позвольте представить, — объявил Редблейд. — В подавляющем большинстве воры, убийцы, предатели. Приказывайте, Освободитель, — и может быть, мы подчинимся.

Сэйр рассмеялся, потом указал на Хорна:

— Вот этот молодой человек, на мой взгляд, куда лучше справится с такими обязанностями. Пусть он возьмет командование на себя.

Хорн выступил вперед:

— Ребята! Сегодня Редблейд, я и еще несколько человек совершили то, о чем не то что вымолвить — подумать было страшно. Мы захватили крепость. Да, потери велики, но лучше погибнуть в бою, чем продолжать гнить на этом чертовом планетоиде. Должен предупредить вас, что сражение еще не закончено. Теперь нам придется сокрушить Эрон. В одиночку, конечно, подобное мероприятие не провернуть, но если сообща!.. Если дружно навалимся... — Он поднял сжатый кулак и потряс им над головой. — Только есть одно условие — это

дисциплина. Железная дисциплина!..

Ребята! Мы освободили вас, теперь даем вам возможность самим принять участие в битве за свободу. За мир, в котором можно будет ходить в ту сторону, какая вам больше нравится, заниматься тем, что вам по сердцу. Для этого не надо будет иметь никаких разрешений, справок, доброй воли какого-либо начальника. Но эта благодать наступит только после того, как мы одержим победу. А до той поры необходимо соблюдать железную дисциплину. Любой нарушивший или отказавшийся выполнять приказ будет расстрелян на месте. Первый шанс дал вам Редблейд, теперь дело за вами. Те, кто готов беспрекословно подчиняться моим приказам, распоряжениям Редблейда или Сэйра, три шага вперед!

Большая часть заключенных не раздумывая шагнула вперед. Оставшиеся начали перешептываться, наконец еще одна партия сделала три шага. У стены осталось пятеро человек.

— Отлично, — сказал Хорн. — Теперь кругом. Слушайте мой первый приказ — расстрелять изменников!

Под грохот выстрелов пятеро заключенных пали на пол, не успев даже сообразить, что случилось.

— Вот и ладушки, ребята, — удовлетворенно заключил Редблейд.

— Теперь на корабль! — объявил Хорн. — Вперед, на Эрон!

Тут же был включен эскалатор и восставшие начали заполнять помещения сравнительно небольшого космического челнока. Теснота была страшная, однако через несколько минут все были готовы к старту. Последними на корабль поднялись Хорн и Редблейд. Уже на лестнице наемник придержал пирата за рукав.

— Послушай — тихо попросил Хорн, — не предавай меня, ладно? Я с первой встречи поверил в тебя. Ты спас мне жизнь...

Редблейд нахмурился, отвел глаза в сторону, потом лицо его прояснилось.

— Знаешь, у меня ничего не получится. Мне бы не хотелось, чтобы ты разуверился во мне.

Хорн улыбнулся и с размаху хлопнул пирата по плечу.

Они — Хорн, Редблейд и Сэйр — разместились в рубке. Хорн занял кресло первого пилота, Редблейд — второго, Сэйр принял на себя обязанности штурмана.

— До Эрона три часа лету, — задумчиво сказал Хорн. — Однако за все время корабельные часы и на секунду не сдвинутся.

— Интересная деталь, — кивнул Сэйр. — Как же ты можешь объяснить подобный парадокс?

— В туннеле все останавливается, — ответил наемник. — Там ничего нет — ни света, ни звуков, ни тепла. Никакого прироста или убывающего энергии. Должно быть, это напрямую связано с принципами, на которых работает туннель.

— Как ты это можешь знать? — недоверчиво спросил Сэйр.

Хорн, колебавшись, признался:

— Я совершил полет через туннель. Так вышло... Мне бы очень не хотелось повторить подобный опыт.

— Жаль, что мы не можем пройти твоим путем, — задумчиво откликнулся Сэйр. Он словно не слышал последних слов Хорна. Его мысли были заняты другим. Видимо, сама возможность телесно, без посредства технических средств совершить межзвездный перелет увлекала его. — Тогда мы бы не без пользы потратили эти три часа. Понимаешь, парень, в этом случае появляется какой-то непонятный эффект, наводимый, как утверждают некоторые, золотыми бандажами, надетыми на нос и корму каждого корабля. К сожалению, у нас нет времени подробнее заняться этим вопросом. Ладно, — Сэйр неожиданно махнул рукой. — Теперь мне бы хотелось, чтобы вы подробно обрисовали ситуацию, сложившуюся на Эроне в тот момент, когда вас вынудили покинуть его.

Хорн вкратце обрисовал политическую ситуацию. Кое-что добавил из увиденного лично, в конце еще раз подчеркнул:

— Ключ к ситуации — северный терминал. Кто его контролирует, тот контролирует Эрон.

— Значит, мы должны взять его в свои руки, — заявил Редблейд.

— Правильно, — согласился Сэйр, — только это нелегкая работа. Стратегическая ценность этого пункта ясна не только нам. Так что в любом случае нам придется потрудиться. Но это не самое главное. Важно ознакомиться с тем, что происходит на Эроне в эту минуту. Причем сведения должны быть самые подробные.

— Для этого необходимо также захватить центральную аппаратную, — сказал Хорн. — Туда сходятся все нити информационной сети.

Он бросил взгляд на приборы, поколдовал над пультом управления.

— Все готово, можно отправляться, — объявил он и нажал на клавишу.

На экране было видно, как нос корабля начал медленно въезжать в широкую металлическую трубу. Хорн нетерпеливо поглядывал на клавишу, горевшую ровным красным светом. Наконец вспыхнул желтый свет, и в следующее мгновение Хорн пробежал рукой по клавиатуре и еще раз нажал на стартовую клавишу.

Они тут же почувствовали увеличение силы тяжести: их слегка придавило к спинкам кресел. Хорн невольно моргнул, а когда открыл глаза, почувствовал расслабленность, затем корабль поволокло куда-то вниз. Они уже были на Эроне, в такой же металлической трубе, откуда корабль неторопливо сползал на исполинский приямок.

Наемник невольно глянул на часы — секундная стрелка как ни в чем ни бывало продолжала свой бег по кругу. Весь перелет по часам, установленным на корабле, не занял и доли мгновения.

— Удивительно, — пробормотал Хорн. — Слово мы выпали из времени. Что там время — впечатление такое, что мы вообще выпали из нашей вселенной.

Однако времени на обсуждение этой проблемы не оставалось. Редблейд жадно прильнул к экрану. Внизу, в машинном зале, шел бой. Сверху казалось, что две группы муравьев отчаянно сражаются друг с другом — наступают, отступают, сохраняя строй, внезапно рассыпаются. Падают убитые, топчут раненых. Приглядевшись, Хорн различил, что сражающиеся были одеты в одежды разных цветов. Одна сторона в густо-зеленой униформе, другая представляла собой разношерстную компанию.

Редблейд прибавил увеличение — теперь можно было различить лица. Хорн сразу определил, что вторые — это рабы, а первые, в зеленом, — копыеносцы с Денеба, гвардия, обслуживающая Директорат транспорта. Все эти части были в подчинении у Фенелона. Тогда выходит, что Фенелон жив. Совсем необязательно, сказал себе Хорн. Скорее всего, наемники нашли себе нового хозяина.

Атаковали гиганты с Денеба. Двигались они, по существу, без всякого порядка, толпой. Высыпали из коридоров подобно спелому зерну. Вооружены были пистолетами, в ближнем бою работали кинжалами. Дело близилось к завершению, сотни фигур в штатском были разбросаны на полу.

В этот момент по корпусу корабля защелкали пули, со стороны кормы донеслись глухие крики и залпы. Наконец корабль замер. Хорн не раздумывая бросился в коридор — наступал на чьи-то руки, ноги, головы. Теснота в челноке была неопиcуемая, только возле выходного люка оказалось свободное пространство. К удивлению Хорна, люк был открыт, подведен эскалатор, однако никто не спешил выйти наружу.

— Куда ты! — один из заключенных схватил Хорна. — Они не дают выйти, сразу начинают стрелять. Двоих наших уже ухлопали. Они собираются штурмовать корабль.

— Кто они? — спросил Хорн.

— Эти, с нижних ярусов!..

— Надо объяснить, что мы явились к ним на помощь, — нетерпеливо рванулся вперед Хорн.

Сзади раздался удивительно спокойный голос Питера Сэйра:

— Ты думаешь, что после десяти веков рабства они способны трезво оценить

ситуацию? Этот корабль для них сейчас единственное спасение, и они непременно пойдут на штурм.

— Что ж, они совсем обезумели? Им надо открыть глаза, — возбужденно заявил Хорн и тут же закричал в распахнутый люк: — Эй вы, перестаньте стрелять! Мы с вами! Мы — друзья!..

В ответ шквал пуль обрушился на корабль. Вряд ли в шуме боя там, внизу, можно было понять, о чем он кричит. Сэйр оттащил его от люка.

Вперед протиснулся Редблейд и заорал так, что у находившихся в коридоре едва барабанные перепонки не полопались:

— Сукины дети, перестаньте стрелять! Мы же на вашей стороне!..

Еще один град пуль.

— Это бесполезно, — вздохнул Сэйр. — Ладно, чему быть, того не миновать. Такова уж моя доля. Раз нанялся, надо выполнять что прикажут.

С этими словами он вынырнул на трап — никто не успел его остановить. Так и выскочил, безоружный... Пуля просвистела, звякнула о корпус, потом еще одна. Неожиданно все стихло.

Сэйр все так же стоял на верхней площадке эскалатора. Потом в обрушившейся на машинный зал тишине раздался тоненький женский вскрик:

— Сэйр! Это же Сэйр!..

Небывалой силы рев потряс стены гигантского терминала. Потом внизу начали скандировать:

— СЭЙР! СЭЙР!

Старик, стоявший на верхней площадке эскалатора, поднял руку. Вмиг наступила полная тишина.

— Ребята! — крикнул Сэйр. — Давайте-ка сражаться с врагами, а не друг с другом. — Голос его, к удивлению Хорна и Редблейда, звучал ясно, свежо и сильно.

Хорн склонил голову, чтобы выйти из корабля, и в этот момент знакомое завывание летящей пули донеслось до него.

Из летописи

Акт созидания в самом себе несет зародыш гибели. От смерти нет спасения, какие меры ни принимай. Все имеет свой отмеренный срок. Тем более живой организм...

Империя как раз является таким организмом.

В дни творения власть приносит наслаждение, она восхищает и манит. Кружит голову ее самодостаточность, какая-то ирреальная вседозволенность, которой награждается всякий, кто овладеет ею. Но горе тому, кто схватил ее в минуты печали, разрушения и хаоса. Все грехи падут на голову подобного безумца. Самым страшным из них является проклятие истории. Грубое суждение в устах потомка иной раз страшнее, чем смерть... Однако истина справедлива, она правит правосудием и историей. Не зря говорят — все тайное со временем становится явным.

Такой приговор выносит судьба творцу, возмнившему, что он способен поспорить с вечностью. Такая же участь была уготована Эрону, творцы которого когда-то сделали ставку на силу. Они забыли золотое правило истории — применение силы порождает еще большую силу.

Глава 18. СРАЖЕНИЕ

Хорн успел оттолкнуть Сэйра в сторону — пуля просвистела рядом с головой наемника.

— Вот видишь, — философски заметил Сэйр, — они все-таки стреляют. Выкрикивают

здравицу и в то же время метят в голову. Так уж они устроены.

— Это не они так устроены, — раздраженно ответил Хорн, — а придурки с Денеба. Им, по-видимому, хорошо заплатили. А что бы вы хотели? Если одна сторона приветствует вас, то другой вы как кость в горле. Сколько я помню, в вас постоянно стреляли. Покушение следовало за покушением... Подождите в корабле, Освободитель.

Хорн, воспользовавшись секундным замешательством в рядах нападавших, которым имя Сэйра тоже было небезызвестно, скатился вниз и, броском одолев расстояние до ближайшего прохода, откуда стреляли по Сэйру, открыл ураганный огонь на поражение. Копьеносцы не ожидали подобной прыти от вновь прибывших и отступили за угол.

— Редблейд! — закричал Хорн. — Стрелков сюда!..

Тут же трое человек, одетых в черную униформу с отрезанными рукавами, на карачках выбрались из корабля и, следуя примеру Хорна, скатились на металлические плиты. По-видимому, наемники с Денеба не до конца осознали, что ситуация резко изменилась не в их пользу, и вновь гурьбой бросились в атаку. Они намеревались снова ворваться в зал, навязать защитникам рукопашную, в которой они были куда сильнее. На этот раз их встретил шквальный огонь из прихваченного с Ванти унитронного пулемета. Вой пуль, разваливающиеся на части тела — вот что теперь творилось в коридоре. Гвардейцев в зеленом словно вымело из коридора. В этот момент опомнились и защитники зала. Одетые в лохмотья восставшие бросились в решительную атаку на тех гигантов, которые еще оставались в зале. С ними было покончено в несколько минут.

Хорн вернулся к эскалатору, по которому сбегали его солдаты, с трудом организовал толпу бедняков, сформировал отряд, который должен был немедленно захватить главный аппаратный зал. Совместно с Редблейдом он наладил оборону машинного зала: в широких проходах были устроены баррикады, сквозь которые смотрели дула скорострельных орудий, захваченных с Ванти.

Однако чья-то злая воля опять погнала гигантов с Денеба в атаку. «Велика фигура, да дура», — невольно отметил про себя Хорн. Теперь размеры гвардейцев стали их самым крупным недостатком. При налаженной системе огня они валились снопами. Оставшихся добивали специально посланные отряды. Скоро Хорну доложили, что сам терминал, его машины, пульта управления захвачены и взяты под охрану. Самое время было подумать о налаживании полноценной, эффективной обороны, однако людей в этот момент нельзя было унять. Возле основания эскалатора ширилась толпа. В освободившееся полукружье сошел Питер Сэйр. Позади него справа стоял Хорн, слева возвышался рыжеволосый пират.

Толпа без конца ревела: «Сэйр! Сэйр!»

— Друзья! Солдаты свободы! Вы узнали меня. Да, я — Питер Сэйр, бывший когда-то президентом свободной республики Кварнон-4. Да, я руководил Лигой независимых миров, составившей федерацию Плеяд. После поражения во второй войне я был отправлен на Ванти, где провел долгие годы. Эти ребята, что находятся среди вас, в черной, ненавистной всем нам форме, с отрезанными по локоть рукавами, — тоже бывшие заключенные самой страшной во всей вселенной зоны. Их храбрость и решимость сражаться за свободу удивительны. Они захватили главную крепость, им было нечего одеть, кроме этой поганой одежки, так что вы будьте с ними полюбезнее. На этих людей можно положиться — вот что я вам скажу.

На вас тоже можно положиться, друзья! Но, если я правильно понял, у вас нет лидеров, а без руководства любое восстание обречено на поражение. Положение военное, трудное — надеюсь, всем понятно, что сейчас нам не до демократических процедур. Я прошу, чтобы вы дали мне мандат на руководство восстанием, и не потому, что я знаю, что такое голод и что такое страдание. Этого добра каждый из вас нахлебался вдоволь. И не потому, что я жажду славы или власти. Я прошу вас наделить меня этой великой ответственностью, потому что я — Питер Сэйр. Потому что вы все слышали обо мне, надеялись на меня. Пришел срок оправдывать ожидания...

Эрон должен пасть, но нельзя допустить, чтобы вы все, ваши семьи, старики и дети

погибли под его обломками. Нельзя разрушать то, что было создано руками таких же, как вы, людей, что создавалось столетиями. Этого можно добиться только при умелом и бесстрашном руководстве. Я прошу вашей преданности, желания беспрекословно подчиняться.

Его слова эхом отразились от стен зала, потом наступила короткая звонкая тишина, и тысячегорлый рев потряс помещение:

— Сэйр! Сэйр!..

Хорну теперь стало понятно, что делало этого невзрачного усталого старика великим человеком. Тайна оказалась проста, как кусок хлеба, — он умел разговаривать с людьми. Не просто с каждым отдельным человеком, но с массой, со всеми вместе. Он нашел те слова, которые были понятны каждому, отвечали их мыслям, определяли путь, с помощью которого можно добиться поставленной цели.

— Я так понимаю, что вы согласны! — выкрикнул вождь, и толпа страстно откликнулась:

— Сэйр! Сэйр!!

— Тогда давайте займемся делом, — без всякого нажима продолжил он. — Вот перед вами два человека. Одного зовут Хорн, другого — Редблейд. Я назначаю их лейтенантами. Вы должны повиноваться им, как мне самому. Это проверенные в деле люди. Под их руководством эти ребята, что красуются здесь в черной форме с отрезанными рукавами, сотворили невозможное — они вырвались из Ванти и пришли вам на помощь. Они — Хорн и Редблейд — поведут вас в бой. Каждому под команду надо выделить по пятьдесят бойцов. Нужны добровольцы...

Редблейд тут же с помощью мегафона стал отдавать распоряжения. Толпа начала рассыпаться на отдельные группы, спланиваться в десятки, командовать которыми поручалось захватившим Ванти узникам. Уже через полчаса было сформирован большой, численностью более семисот человек, отряд. Все были вооружены, экипированы...

Вовремя!..

Из боевого охранения прибежал посыльный с сообщением, что гвардейцы вновь готовят атаку.

Хорн между тем сколотил свой отряд — успел поговорить с каждым записавшимся лично. Всего пара фраз, короткий осмотр, взгляд в глаза — и в строй. Потом сам ответил на их вопросы. Несмотря на такую поспешность, Хорн почувствовал, что его отряд сплочен, каждый готов драться за десятерых и многие это умеют. Теперь предстоящее сражение не казалось авантюрой, какой был захват крепости на Ванти. Он знал, на что способны эти люди. Самое важное — правильно распределить и направить их усилия, тогда, что называется, можно горы своротить.

История большинства бойцов из его отряда оказалась поучительна. Они входили в ту группу, которая первой ворвалась в северный терминал с одной только целью — как можно быстрее покинуть Эрон. Был захвачен корабль, пилот под принуждением якобы стартовал с ненавистой планеты, но оказалось, что он обманул их. Начались раздоры и среди самих восставших. Большинство высказалось за то, чтобы вернуться на Эрон. Они так и поступили и вот уже полдня кочевали по коридорам северного терминала, вступая в бой то с одним, то с другим подразделением гвардейцев. От них Хорн узнал о том, что теперь творится на Эроне.

Восстание, как утверждали бойцы, было в полном разгаре. Уже в самом начале рабочему люду и рабам удалось прорваться на высшие ярусы, где, по их утверждениям, начались тяжелые бои с регулярными войсками. Собственно, армейских частей на Эроне практически не было, только отряды гвардейцев, одетых в мундиры разных цветов. Большинство составляли серые... Некоторая часть гвардейцев перешла на сторону восставших, но многие остались верными правительству Душана. Вот тут-то и сказалась роковая болезнь, поразившая верхушку империи. Гвардейцы в сером вели тяжелые бои с частями, одетыми в другие цвета, которые находились в распоряжении других директоров. В конце концов на настоящий момент картина, в общем, складывалась следующая. На одной

стороне сосредоточилось до половины серых и поголовно черные, принадлежавшие службе безопасности, а также копыеносцы с Денеба в полном составе. Против них с переменным успехом действовали стражи, одетые в золотые мундиры — тоже все до единого, — и некоторые части в форме других цветов.

Спустя сутки главной заботой обеих сражающихся сторон стало продовольствие. Захват терминалов прервал снабжение Эрона. Кроме того, после первых погромов содержимое продовольственных складов оказалось разграбленным. Вот почему жители нижних ярусов, захватившие терминал, первым делом решили покинуть эту планету.

Когда им пришлось вернуться, они вновь вступили в бой с организованными отрядами денебских гвардейцев, которые методично, этаж за этажом, вытесняли разрозненные группы восставших из здания терминала. Общее положение ухудшилось еще и тем, что у мятежников не было ни единого командования, ни общего плана.

Насчет златокожих ему сказали, что да — погромы и убийства были. Говорят, несколько женщин подверглись насилию, но только в самом начале восстания. Потом было не до этого: всех заботила одна мысль — как поскорее убраться с Эрона. О судьбе Вендре Кохлнар никто не слышал. Да, гвардейцы в золотых мундирах сражаются организованно на подступах к ее резиденции...

Хорн нашел Редблейда:

— Как дела? Не пора ли переходить в наступление и очистить весь терминал от гвардейцев? И прежде всего главную аппаратную, а также помещение, где расположена станция правительственного лифта.

— Парень! — возбужденно ответил пират. — Чего мы ждем? У нас пять сотен понюхавших порох бойцов, еще более двух сотен тех, кто в первый раз взял в руки оружие. С такими силами мы можем штурмовать Эрон.

Хорн усмехнулся:

— Ты считаешь, что у нас есть шансы против хорошо обученных гвардейцев?

Редблейд вскипел от ярости.

— Ты что, парень! Да этим необученным цены нет — они знают, за что сражаются. Ты только посмотри в их глаза. Орлы! А гвардейцы воюют за деньги. Это две большие разницы, как говорил один остряк на Ванти. Он, правда, быстро отдал Богу душу...

— Тогда давай согласуем наши действия, — предложил Хорн.

План заключался в следующем. Основной удар наносился в сторону главной аппаратной, потому что оттуда открывался путь в недра Эрона. Кроме того там было достаточно средств связи, чтобы держать под контролем ход боевых действий. На захват аппаратной направлялись двенадцать групп. Работать они должны были таким образом, чтобы одновременно ворваться в аппаратную через оба главных входа, а особый отряд должен проникнуть туда скрытым ходом, ведущим со станции правительственного лифта. Тут же были распределены обязанности, назначены отделения разведки и посыльные. Успели в общих чертах и разработать тактику боя в закрытых помещениях, чтобы напрасно не губить людей.

— Я сам поведу левую группу, — заявил Редблейд.

— Нет, ты должен остаться здесь и координировать наши действия. В случае чего прислать подкрепления...

— Послушай, Хорн, — пожаловался пират, — я не могу оставаться здесь, когда там, — он ткнул пальцем вниз, — идет бой.

— Этот бой не последний, — продолжал настаивать Хорн. — И организовать работу штаба в этой обстановке не чья-то прихоть, а жизненная необходимость.

— Послушай, парень, я один здесь справлюсь? — спросил Редблейд. — Тебя вроде бы тоже назначили лейтенантом, так что будь любезен, займись организацией штаба.

— Хорошо, после штурма, — решительно возразил Хорн.

Восставшие атаквали врага вслепую, и, как всегда бывает в таких случаях, были отброшены с немалыми потерями. Теперь обоим стало ясно, что вопрос о штабе — это не

прихоть. В одном из тесных закоулков машинного зала Хорн приказал освободить место. Здесь, прямо на полу, была разложена карта. Теперь всех посыльных направляли к Хорну, который отмечал на ней все изменения боевой обстановки — отбитую у врага комнату, этаж... Наконец пришло сообщение, что очищена столовая. Враг бросался в яростные контратаки, силы восставших таяли. Скоро у Редблейда должны были кончиться подкрепления.

Наступил решающий момент сражения, и тут словно плотину прорвало — одна за другой в машинный зал устремились новые группы мятежников. Все они шли сюда, чтобы взглянуть на Сэйра. Так рождалась легенда. Из новобранцев срочно формировали отряды, так что скоро Редблейд не знал забот с подкреплениями. По мере того как усиливались ряды восставших, слабели отряды гвардейцев. Одно дело — разогнать взбесившуюся толпу, пусть даже вооруженную, другое — иметь дело с решительными, мужественными людьми, не жалевшими жизни в бою. Тем не менее гвардейцы не собирались сдаваться. Наоборот, они усилили натиск...

Сэйр тоже находился в зале. Он не выпускал из рук мегафон. Впечатление было такое, что на стартовой площадке уже который час шел нескончаемый многолюдный митинг. Сменялись группы вновь прибывших сторонников, и для каждой из них Освободитель находил нужные слова. Хорн, время от времени бросая на него взгляды, с удовлетворением отмечал, что теперь их дело находится в надежных руках. Люди знали, за что идут в бой, сердца их горели сильным ровным пламенем. С первого взгляда было ясно, что дело вершилось здесь основательное, на века.

Впечатления, потоки информации захлестывали Хорна. Со всех сторон сыпались доклады, советы, отдавались приказы, объявлялась тревога, посыльные доносили о победах и неудачах. Приходили и ложные сообщения... С каждым часом не утихающих боев Хорн все отчетливее понимал, что площадь и количество этажей, захваченных мятежниками, неуклонно расширяется. Общая картина складывалась из мелочей, из частных, на первый взгляд, донесений: в доке захвачен исправный корабль, на складе партия груза, в нижних запасниках нашли много продовольствия, оружия и боеприпасов...

У Хорна увеличилось количество помощников, и вообще в зале снова стало тесно. Толпа ширилась, уже не хватало места для формирования новых подразделений, обучения новобранцев. Пришлось штабу перебраться в одну из отвоеванных комнат. Положение было трудное, потери все увеличивались, но поток подкреплений нарастал. Стало ясно, что имя Сэйра успело облететь весь Эрон. Теперь каждый, взявший в руки оружие, знал, что ему делать, куда идти — пробираться на северный терминал или вступить в ряды серых гвардейцев. Первых было куда больше, возможно, что в итоге это обстоятельство и решило исход восстания. По большей части на северный терминал шли рабы, рабочие люди, часто встречались и обслуживающие машины инженеры и техники. Попадались и гвардейцы — этих собирали всех вместе и сразу посылали в бой.

Когда же на территорию, занятую восставшими, прорвался отряд технарей, одетых в золотистую форму, Хорн сразу отозвал их в сторону и попытался выяснить, что известно о судьбе Вендре Кохлар. Когда им довелось видеть ее в последний раз? Однако ничего нового они сообщить не могли. Они как раз находились в главной аппаратной, когда охранники в черном напали на них. Здесь собрались те, кто остался в живых.

Хорн вновь вернулся к своим обязанностям. Поток сообщений все нарастал. Скоро управление восстанием расплзлось по соседним комнатам, и впервые численность их войск приблизилась к пяти тысячам, что уже было сравнимо с общим количеством гвардейцев. Вооружены они, правда, были слабовато, однако нехватку оружия компенсировал боевой дух и смекалка. После короткого совещания с Сэйром и Редблейдом было решено: ввиду расширения контролируемого восставшими пространства пора приступить к налаживанию нормальной жизни. Рабочие из военного арсенала были посланы на заводы, чтобы взять там власть, организовать боевые дружины и обеспечить снабжение боевых частей всем необходимым военным снаряжением. По профессиональной принадлежности были

сформированы и другие группы. Скоро в столовой, когда-то обслуживающей технический персонал станции и ее охрану, заработали плиты и началась раздача горячей пищи. Хорн одним из первых отведал горячего супа. Был он, конечно, жидковат, но голод утолял. И настроение поднялось...

Как только его помощники в достаточной степени овладели искусством работы с картой, которую теперь приходилось все время дорабатывать, дорисовывать, а при захвате очередного яруса начинать новую, Хорн проинструктировал, как связаться с ним для принятия самых важных решений, и вышел в коридор. Сверху доносились оглушительные выкрики Редблейда — тот, по-видимому, включил мегафон на полную громкость и уверенно распоряжался резервами.

Хорн нашел укромный уголок и, на ненадолго оставшись один, прикинул, что делать дальше. В пересортице поступающих сообщений, во всей этой груде необработанной информации уже можно было утонуть. Хорн почувствовал, что наступил момент, когда руководство восстанием теряет контроль не только над ходом боевых действий, но и над общей ситуацией на Эроне. Необходимо было срочно трезво оценить сделанное и наметить следующие шаги, тем более что какое-то тревожное обстоятельство все время не давало ему покоя. Оно сидело как заноза, изредка покалывало — тогда Хорн вспоминал о каком-то крупном упущении, которое они допустили совместно с Редблейдом. Он решительно вернулся в комнату, где была развернута карта, и, попросив всех на минутку примолкнуть, принялся внимательно изучать схему.

То, что он искал, сразу бросилось в глаза. Это был не просто промах, но важная ошибка, которую он просмотрел в суматохе оперативной работы. Хорн вышел в коридор и пошел в направлении разносящегося по коридорам мегафонного рева. Разыскав пирата, он спросил:

— Что случилось с теми отрядами, которые мы послали с приказом захватить центральную аппаратную.

— Они были отозваны, — ответил Редблейд.

— Это мне известно. Знаю также, что левый коридор на протяжении целого километра находится в наших руках, но сообщения о том, что мы взяли аппаратную, не поступало. Донесения прекратились на самых подступах к ней. Ты понимаешь, что это значит?

— Что ж тут непонятного, но у меня сейчас нет достаточных подкреплений. Тех, которые только что явились сюда, сразу нельзя посылать в бой. Совсем необученные...

— Распредели их по боевым частям по одному, подвое. Пусть понюхают порошу. Послушай, Редблейд, это не ответ. В настоящее время мы контролируем большую часть коридоров и более половины помещений терминала. Но все это ничего не значит, пока центральная аппаратная во вражеских руках. Есть у тебя кто-нибудь, кто смог бы довести дело до конца?

— Сейчас нет. Хорн, мне кажется, ты преувеличиваешь значение этого помещения. У гвардейцев тоже хватает забот, чтобы каким-то образом использовать центральную аппаратную. Положение у них аховое. Людишки убывают, а подкреплений почти нет. Только одно обстоятельство пока сдерживает их — боязнь расплаты.

— Ладно, я сам займусь этим делом. Оставлю в штабе заместителя, будешь держать с ним связь. Давай мне этих новичков... Ну и пару тех, кто бежал с нами из Ванти, прибавь. На этих ребят можно положиться. Из неприкосновенного резерва. Не скупись, Редблейд!

— Нет уж, парень! Сам в бой, а мне здесь торчать. У тебя есть заместители, у меня тоже ребята не промах. Справятся!.. Тем более что ты просил кого-нибудь из тех, кто прошел закалку на Ванти. Из неприкосновенного резерва. Такой человек есть — это я.

Хорн не удержался и сплюнул:

— Черт с тобой, громила, давай собирай людей. Мне тут тоже надо кое с кем переговорить.

Он собрал группу техников в золотистых комбинезонах, решил проинструктировать их перед атакой. Они пойдут во втором эшелоне. Их задача — постараться наладить работу

терминала и установить связь со всеми уровнями Эрона, а также с дальними мирами. Им необходимо передать правдивую информацию о восстании...

В этот момент кто-то тронул его за рукав. Хорн обернулся и увидел Сэйра.

— Вот и пришел мой черед, — заявил он, — поучаствовать в настоящем деле. У меня такое чувство, что это самый удобный случай.

Хорн мгновение колебался, потом решительно махнул рукой: Питер так смотрел на него, что отказать было невозможно.

Между тем Редблейд быстро сформировал две боевые группы и они отправились в путь. Примерно с километр они двигались очень быстро — эта территория находилась под контролем мятежников. Наконец уперлись в глухую стену.

Хорн подозвал одного из техников.

— Что это? — спросил он.

— Специальная переборка для безопасности. Она опускается и поднимается с помощью сжатого воздуха. Их здесь сотни. Все они управляются из центральной аппаратной.

— Можем мы как-нибудь преодолеть ее? Тот пожал плечами:

— Никто не пробовал. Разве что с помощью унитронного оружия. Или подорвать...

— Это долгая история, у нас нет времени, — решил Хорн. — Поищем обход.

Отряд вернулся немного назад и по широкому пандусу перешел на более низкий уровень. Сообщение о барьере безопасности натолкнуло его на очередную загадку. Те, кто захватил центральную аппаратную, даже не помышляли о наступлении. Главной их заботой было обеспечить неприступность этого помещения. Но как называется помещение, которое хотят обезопасить от любого нападения? Конечно, убежище! Выходит, тех, кто засел в аппаратной, заботит только оборона.

Что ж, посмотрим, недолго осталось ждать. Хорн обернулся и проверил, все ли в порядке. Хорн, Редблейд и чуть сзади Сэйр шли во главе отряда. Он состоял из двух подразделений по пятьдесят хорошо вооруженных бойцов в каждом. Сзади бежали полтора десятка техников. Спустившись на этаж ниже, они то и дело начали наткаться на отдельные кучки вооруженных людей. Среди них было много раненых. Им на ходу объясняли обстановку, и все, даже истекающие кровью, радостно кричали: «Сэйр!..»

Толпа и здесь попыталась устроить митинг. Люди начали требовать, чтобы Сэйр объяснил им текущий момент и что делать дальше. Хорн и Редблейд переглянулись, и великан решительно взял инициативу на себя. Он поставил перед каждой вооруженной группой задачу, приказал отправить раненых в машинный зал, наладить связь с главным штабом. На митинги, добавил он, у них времени нет. Восстание не терпит медлительности. С этими словами Хорн, Редблейд и Сэйр поспешили вперед.

Они спустились еще на один ярус и попали в те подвальные коридоры, в которых совсем недавно бродил Хорн. Скоро из темноты начали стрелять, неприцельно, хаотически... После ответного залпа попытавшиеся встать у них на пути гвардейцы в сером разбежались. Наконец Хорн отыскал вход в округлую камеру, из которой он проник на станцию правительственного лифта. Здесь было тихо. Все тот же ограниченный металлическим сетчатым барьером балкончик с короткой лестницей висел под потолком. Правда, сейчас он был сдвинут. Хорн приказал соблюдать тишину, и набившиеся в камеру люди тотчас притихли. Наемник влез на плечи пирата и осторожно, стараясь не шуметь, начал двигать балкончик. Тот пошел сразу, плавно, без скрипа. Под люком, ведущим на верхний уровень, Хорн остановил его, перевел дыхание и, приготовив пистолет, начал потихоньку сдвигать люк.

Как только образовавшаяся щель показалась ему достаточной, он при поддержке успевшего вскарабкаться на балкончик пирата рванул вверх и через мгновение уже выбрался на пол. Повел пистолетом из стороны в сторону. Его появления находившиеся на станции люди никак не ожидали и сразу подняли руки. Кроме охранников в золотистой форме, которые помогали военным выбраться в комнату из кабины правительственного

лифта. Когда они обернулись, Хорн прикрикнул:

— Не двигаться! — и повел стволом в сторону стены. Те безропотно исполнили его приказание.

Редблейд, отдуваясь, наконец смог протиснуться через отверстие в полу и тоже выбрался наверх. За ним, как из-под земли, полезли мятежники. Сэйра пустили только где-то в середине, когда стало ясно, что наверху опасности нет.

Как только голова Сэйра показалась над полом, солдаты в золотистой форме попытались было прорваться к секретному входу в это помещение, но были сразу остановлены предупреждающими криками. Большинство же захваченных в плен людей оказались рабочими с нижних ярусов. Хорн, указывая на Освободителя, объявил:

— Это Питер Сэйр! Слышали, наверное?..

Старший из рабочих кивнул, подошел поближе, долго разглядывал старика.

— Я слышал твое имя, — с непонятной укоризной обратился он к Питеру. — Там кричали... В коридорах. Мы решили, что нас берут на пушку. Решили не поддаваться на обман.

Рабочие сгрудились вокруг Сэйра. Некоторые из солдат вопросительно глянули на только что прибывшего офицера. Тот сдвинул брови, и они вернулись в строй у стены.

Хорн направился к ним. «Они же в золотистой одежде, — вдруг пронзила его мысль. — Это цвет Директората по коммуникациям. Цвет Вендре!..» Он постарался взять себя в руки — казалось невероятным, что они до сих пор сохранили ей верность и работают на нее. Как смогла она вырваться от схвативших ее людей в черном? Может, ее засадили в какое-нибудь подземелье здесь, на Эроне?

— Кто вас послал? — обратился он к солдатам, намеренно игнорируя офицера.

Никто не ответил, но в разговор вмешался один из рабочих. Он с необыкновенным благоговением произнес:

— Великая энтропия!.. Она указала нам путь, мы пришли сражаться за свободу.

Этого только не хватало! Как раз религиозных фанатиков у них еще не было! Значит, Великая энтропия указала им путь. А может, Ву постарался. Интересно, как все-таки ему удалось убежать? Понятно, что Лил помогла. Но как?..

Он отыскал на стене потайную клавишу, с помощью которой можно было открыть секретную дверь, которую указала ему Вендре. Подозвал к себе старшего первой боевой группы, показал спрятанный диск.

— Отсчитаешь до пяти, потом нажмешь его, — объяснил Хорн. — Пошлешь трех человек. Потом еще трех, пока весь твой отряд не займет центральную аппаратную. Здесь оставишь охрану, чтобы присматривать за пленниками. Ясно?

Тот кивнул.

Хорн направился к кабине лифта. Редблейд последовал за ним. Затем к пирату присоединился Сэйр. Хорн начал было возражать, однако никто из них его не послушал. Питер был бесполезен в бою, но его личное присутствие стоило многого. А убить могут везде. На Эроне теперь не было спокойного местечка.

С большим трудом они втиснулись в кабину, створка едва смогла сдвинуться с места. Хорн, кое-как дотянувшись, нажал на желтый кружок. Путь был короток. Когда кабина остановилась, Редблейд открыл двери и люди выбрались наружу.

Комната была та же, и в то же время все здесь было по-другому. В помещении находились специалисты всех мастей. Вдоль стен были устроены пульта управления. Люди сидели в креслах, расхаживали по проходам. Дверь в «Миры удовольствий» была распахнута, однако никакими удовольствиями здесь больше не пахло. Это был самый настоящий штаб, точнее, мозговой центр. Но на кого он работал?

Как только мятежники выбрались из кабины, работа на мгновение прекратилась. Все повернулись в их сторону — это, конечно, было живописное зрелище: Хорн в истрепанной, тускло-оранжевого цвета форме, Редблейд в лохмотьях, едва способных прикрыть тело. Но больше всего взглядов приковал к себе Питер, и спустя секунды кто-то изумленно выдохнул:

— Это же Питер Сэйр!

Имя побежало по комнатам, из бывшего борделя в приемную повалил народ. Между тем в стене внезапно отодвинулась секретная дверь и в помещение вступил офицер с аксельбантом, прикрепленным к мундиру золотистого цвета. Он направился прямо к Хорну, их взгляды встретились.

— Вы — Хорн? — спросил офицер.

Наемник не раздумывая вскинул пистолет. В этот момент позади него вновь открылась дверь лифта. Оттуда вышли трое вооруженных людей. Хорн наконец промолвил:

— Да, я — Хорн.

— Мы ждем вас, — вежливо продолжил офицер и обвел рукой аппаратную. — Директор предупредил, что если вы появитесь здесь, то все это должно быть передано под вашу команду.

Из летописи

Что есть знания?..

Для некоторых — это цель жизни, однако таких людей немного. Большинство из нас привыкло подходить к знаниям как к неоценимому инструменту, как к силе, которая обеспечивает достижение реального успеха.

Специфической особенностью этой удивительной субстанции является то, что нет такого хранилища, которое в конце концов не было бы переполнено. Этот мучительный процесс отыскания способа, как сохранить знания в полном объеме, привел к созданию Индекса. Для примера можно привести историю развития книги, когда-то являвшейся главной хранительницей знаний. Со временем книги стали записывать на фотопленку, потом вводить в компьютерную память, и все равно наступал момент, когда общего объема хранилища становилось недостаточно.

Изобретатель, создавший Индекс, на самом деле пытался раскрыть секрет межзвездного туннеля. Для этого он решил собрать все имеющиеся по этому вопросу сведения, вот тогда и было создано хранилище, объем которого был беспределен. Знания группировались, классифицировались и в виде особых ячеек прибавлялись к уже существующей памяти. Каждая ячейка вмещала миллиарды особых микрокристаллов. Каждый кристалл крепился к металлической пленке толщиной в одну молекулу и представлял из себя так называемую динодиновую клетку, способную воспринимать, хранить и выдавать по особому сигналу энергию. Она выделялась в виде фотона с точно фиксированной длиной волны.

Создав подобную машину, изобретатель дал ей задание обработать всю имеющуюся информацию и наконец задал составляющий смысл его жизни вопрос: «В чем секрет межзвездного туннеля?»

Машина выдала ответ: «Описать изобретение невозможно».

Конечно, знания, о которых здесь идет речь, являются исключительно человеческим достоянием.

Хранителем государственного Индекса на Эроне являлся Душан. С его точки зрения, это изобретение было бесценно. Хранилище занимало в недрах планеты объем в одну кубическую милю. Весь поток информации стекался сюда: доклады и отчеты правительственных и неправительственных организаций, данные по каждому человеку, прибывающему и убывающему с Эрона. По негласным данным, почти каждое человеческое существо во вселенной имело свою ячейку в этом упорядоченном скопище информации.

Душан никогда не ставил перед этим хранилищем замысловатых вопросов. Его интересовали исключительно конкретные сведения. Однако он получал достаточно странные ответы...

Глава 19. ОПАСНОСТЬ СНИЗУ

— Чей приказ? — вздрогнув, спросил Хорн.

— Вендре Кохлнар. — Лицо офицера загадочно и чуть лукаво засветилось. — Не спрашивайте меня, с какой целью. Я просто исполняю приказ.

— Где она? — резко поинтересовался Хорн. Он обежал взглядом комнату.

Офицер пожал плечами:

— Где-то на Эроне. Между нами, у меня такое впечатление, что она сошла с ума. Хотя в этом нет ничего удивительного — сейчас вряд ли в столице встретишь хотя бы одного здравомыслящего человека.

Охранники, что вышли из кабины, окружили их, однако ничего подозрительного в их действиях Хорн не почувствовал.

— В последний раз я видел ее, когда она была схвачена... — постарался объяснить наемник, однако офицер улыбнулся и поднял руку, словно предупреждая, что он тоже наслышан об этой истории.

— Это были рабы с самых нижних ярусов. Все они оказались приверженцами культа Великой энтропии. Однако удивительно не это. Эти работяги отнеслись к ней достаточно уважительно, а она — директор коммуникаций! — заверила, что жаждет помочь им. Каково?! Более того — они ей поверили! Не столица, а сумасшедший дом. И они оказались правы: она перешла на сторону восставших.

Только теперь Хорн обратил внимание, что около половины сотрудников, находившихся в аппаратной, судя по одежде, явились с самых нижних ярусов Эрона.

Наемник перевел взгляд на офицера:

— Вы не знаете, где находится она сама?.. Тот пожал плечами:

— Она связалась со мной отсюда, распорядилась собрать всех сохранивших ей верность солдат и технический персонал и через правительственный лифт направлять их сюда. Когда я сам добрался до этой станции, оказалось, что ее уже здесь нет. А работа была в самом разгаре. Это что-то вроде главного штаба.

Хорн обернулся и вопросительно посмотрел на Сэйра и Редблейда. Те словом не обмолвились, с немим любопытством смотрели на Хорна.

— Хорошо, — кивнул наемник. — Мы принимаем командование. Объясните своим людям, что они должны выполнять все распоряжения, исходящие от Питера Сэйра, Редблейда или от меня. Вы тоже. А сейчас пора заняться делом. Необходимо срочно установить связь с машинным залом на северном терминале — там у нас тоже что-то вроде штаба организовано. Необходимо, чтобы они тоже перебрались сюда.

Спустя полчаса штат сотрудников в аппаратной — или, как ее теперь называли, главном штабе — был полностью укомплектован. Была налажена связь со всеми более-менее значительными отрядами восставших. Теперь в целом прояснилась картина того, что творилось на Эроне.

Почти девяносто процентов северного терминала были в руках мятежников. Правда, гвардейцы Душана еще удерживали несколько стратегических пунктов на его территории, что не позволяло запускать в космос корабли. Однако по совету специалистов с ними справились очень быстро. Были опущены защитные барьеры, наглухо отделившие помещения, занятые врагом, включена вентиляция, с помощью которой туда начал нагнетаться воздух, который должен был использоваться для тушения пожаров. Эффективность такого средства борьбы с солдатами Душана оказалась куда более результативной, чем фронтальные атаки в коридорах.

Следом перед восставшими встала куда более трудная задача — каким образом предотвратить переброску подкреплений. Офицер, встретивший Хорна в аппаратной, сформулировал ее в несколько ином виде. Необходимо было полностью взять в свои руки правительственный лифт. Это было трудное и, на первый взгляд, невыполнимое дело.

— Мы не можем разместить на каждой станции свои патрули, — объяснил он

ситуацию Хорну и Редблейду. — Во-первых, станций очень много; во-вторых, они всегда имеют возможность маневрировать.

— Нельзя ли совсем отключить этот проклятый туннель? — спросил Хорн.

— Нет, это не в наших силах. Это может сделать только кто-либо из директоров с центрального пульта, но даже я не знаю, где он расположен. Вот какое средство в нашем распоряжении: мы можем отключить электропитание на станциях, в самих помещениях, и кабины будут проскакивать какие-то пункты. Но это временная мера — с центрального пульта можно восстановить электроснабжение. Но даже если нам удастся на час взять туннель под контроль, это будет важный успех. Им придется перебрасывать подкрепления по поверхности Эрона, используя космические скафандры. К тому же мы можем наполнить противопожарным газом входные шлюзы...

— Отлично, — сказал Хорн. — Как насчет южного терминала?

— Сразу, как только прибыл в аппаратную, я распорядился отключить энергию. В тот момент там находились люди Душана. В настоящее время мы не можем связаться с южным портом, однако могу твердо утверждать, что стартовать оттуда невозможно, так же как и прибыть туда.

Через полчаса северный терминал полностью оказался в руках восставших. Хорн явился с докладом к Сэйру.

— Эрон изолирован, — объявил он. — Теперь мы имеем дело только с теми вражескими силами, которые есть на Эроне!

Это был очень важный успех. Только теперь Хорн почувствовал, как устал. Стоило нервному напряжению немного ослабнуть, как его тут же повлекло в сон. Больших трудов Хорну стоило вновь взять себя в руки.

Между тем Сэйр обратился к офицеру, явившемуся вместе с Хорном:

— Вы сказали, что пытались установить связь с южным терминалом. А в масштабе всего Эрона вы можете организовать трансляцию?

— Конечно, — ответил тот. — У нас есть для этого все необходимое оборудование. Мы в состоянии выйти на широкую сеть, добраться до каждого экрана. Другое дело, что я не могу сказать, сколько их осталось в целости и сохранности.

— Срочно займитесь этим вопросом, — приказал Сэйр. — Мне необходимо обратиться с воззванием к населению планеты.

Через несколько минут все было готово. Сэйра провели в маленькую, похожую на куб комнату, и передача началась тотчас же.

— Надеюсь, — обратился Питер Сэйр к зрительской аудитории, — вы узнали меня. Да, я — Питер Сэйр, которого многие называют Освободителем. Как видите, я жив и невредим. Нахожусь на Эроне... Восставшие, находящиеся под моим командованием, взяли под контроль северный терминал и центральную аппаратную. Эрон изолирован. Настоящим я объявляю, что империя прекратила свое существование.

Пробил час! Теперь все вы, кто живет в радиусе пятисот световых лет, свободные люди. Теперь все вы имеете право выбирать свой собственный путь, жить так, как вам хочется, добиваться тех целей, которые вы поставили перед собой. Это не так просто, не так легко, как кажется. Свобода — тяжелое бремя, тем более в такой напряженный момент, когда под обломками рухнувшей империи может погибнуть вся наша человеческая цивилизация.

Этого допустить нельзя! Сама материальная основа империи, ее производственные мощности, транспортная система не могут быть разрушены. Межзвездные туннели являются жизненно важным средством человеческого существования. Они должны продолжать действовать вне зависимости от смены власти. При этом в нынешних условиях никто не может претендовать на владение какой-либо частью межзвездной сети. Мы не должны допустить, чтобы это величайшее достижение человеческого разума было растащено по частным квартирам. Стоит только погубить Эрон и стартовые комплексы, и каждый мир во вселенной, заселенный людьми, окажется отрезанным от всех других миров. Это приведет к

гибели всех производственных сил, острой нехватке энергии, к голоду и, что скрывать, к одичанию человечества. Мы не можем и не должны платить такую цену за свободу. Мы не можем подвергнуть подобным испытаниям человеческую расу. Любой ценой мы должны сохранить наше единство.

Повторяю, этого нельзя допустить! Нельзя сменить цепи рабства на разгул анархии, вседозволенности и насилия. Для нас обязательным является условие создания союза независимых миров, объединенных единой транспортной системой и источником энергии, добываемой из недр звезды Канопус. Все спорные вопросы должны решаться на основе законов, устанавливая которые должны выбранные вами представители. Теперь нам необходимо выработать условия, чтобы каждый имел возможность свободно трудиться, обмениваться результатами своего труда и приобретать необходимое на законно вырученную прибыль. Не может быть никаких преград для свободного обмена информацией, знаниями, произведениями искусства. Это наше общее достояние, оно делает сильнее и мудрее всех нас.

Вот такая у меня мечта. Я выносил ее еще в пору создания федерации Плеяд... Теперь, положив руку на сердце, я заявлю — это уже не мечта. Эта перспектива, близкая реальность, осуществить которую в наших силах. Все зависит только от нас, от нашей выдержки, мужества... От нашей осторожности — да-да, нельзя позволить низменным страстям, бездумному мщению овладеть нашим разумом. Наступил решающий момент, и мы должны использовать его. Нам следует нанести решающий удар тем силам, которые мечтают о возврате к прошлому. Они еще сильны, но победа будет за нами, потому что правда на нашей стороне. Эрон скоро будет в наших руках, поэтому призываю граждан — не допускайте актов вандализма и бессмысленного насилия. Не рушьте то, что принадлежит всем вам.

Теперь я хочу обратиться к тем, кто сражается на стороне империи. Я призываю вас сдаться. Сложите оружие. Ваше дело проиграно. То государство, которое вы защищаете, погибло. У вас нет союзников. Наступил новый день, у вас есть шанс войти в новый мир свободы полноправными гражданами.

Мой горячий привет всем, кто взял в руки оружие, кто борется за свободу. До скорой встречи.

Старик, несколько минут назад вошедший в маленькую студию, поначалу не совсем уверенно держался перед камерами, но постепенно голос его обретал прежнюю силу. Разглаживались морщинки на лице, распрямлялись плечи. Он стал выше ростом, сбросил с десяток лет и закончил свое выступление, как заканчивал их прежний Питер Сэйр. Хорн, поджидавший его у выхода из студии, спросил:

— Что-то я не понял смысл вашего прощального предложения. Что вы имели в виду?

— Я собираюсь выйти на этажи Эрона. Это сейчас крайне важно.

— Как?! Куда? Да что вы!..

— Как? С помощью этого самого правительственного туннеля... Спустишь на нижние уровни. Куда? Это не имеет значения. Там, на месте, когда я разберусь с обстановкой, я приму решение...

Хорн долго с мрачным видом смотрел на Сэйра. Тот терпеливо ждал. Наконец, осознав, что решение Освободителя непреклонно, Хорн угрюмо кивнул:

— Я с вами.

— Нет, Алан, твое место здесь, — возразил Сэйр. — Мы в любом случае должны удержать в своих руках северный терминал.

— Вы не учитываете одного важного момента, — предупредил Хорн. — Мы не знаем секрета туннелей...

— Поэтому мы вынуждены продолжать сражаться, — прервал его Сэйр. — Нельзя допустить, чтобы система межзвездных туннелей была разрушена. Они нам самим, могут пригодиться. Из того, что ты рассказал мне, получается, что уже многие сотни лет эта сеть работает как бы сама по себе и знания, которые якобы хранят директора, фикция. Я тебя

правильно понял?

— Да, я выразился именно в таком духе, — ответил Хорн. — Но это вовсе не значит, что секрета в принципе не существует, ведь каждый новый туннель вступал в действие. Каким-то образом в него вдували жизнь. Получается, кто-то знает, как это делается. Кому-то эта тайна была доверена...

— СЭЙР! — грохочущий рык раздался в аппаратной. Все обернулись. На дальнем, встроенном в один из пультов управления экране появилось изображение человека средних лет с усталым, наполовину скрытым под большим, свободным капюшоном лицом. Позади фигуры были видны люди, бегающие, обменивающиеся информацией, советующиеся, колдующие возле пультов управления, — одним словом, вся обстановка за спиной незнакомца тоже напоминала командный центр.

Сидевший за этой панелью техник в золотистого цвета комбинезоне растерянно обернулся к направляющимся в ту сторону Сэйру и Хорну.

— Я ничего не включал! — заявил тот. — Оно само появилось.

Брови у офицера, который сопровождал руководителей восстания, полезли вверх.

— Этого не может быть! — решительно заявил он. — Разве что кто-то использует неизвестное нам оборудование.

Сэйр, тем временем приблизившийся к пульту, приказал:

— Убери все посторонние звуки, а голос с экрана сделай погромче.

Человек в капюшоне повернулся и, обратившись к кому-то в зале, о чем-то попросил. Потом снова повернулся к экрану. Теперь его голос стал чист и звучен.

— Сэйр? — снова спросил незнакомец и, когда Освободитель кивнул, продолжил: — Извините, но мы должны были удостовериться. Это штаб-квартира нашей общины. Все мы поклоняемся культу Великой энтропии. Отсюда мы координируем действия восставших.

К удивлению Хорна, Питер Сэйр сложил пальцы и поднес их к груди. Изумление отразилось и на лице человека в плаще.

После недолгой паузы тот наконец вымолвил:

— Прекрасно! Мы тут делаем все, что в наших силах. Конечно, этого недостаточно. Прежде всего мы дублируем и стараемся довести до исполнителей, которые исходят из вашей аппаратной. Также мы препятствуем гвардейцам перебрасывать подкрепления. Кроме того, боремся с разрушениями: закрываем противопожарные двери, включаем огнетушители, заливаем водой местные очаги пожаров. Население в настоящий момент испытывает значительные трудности. Ваше выступление позволило наконец успокоить массы, а то кое-где дело подходило к бунтам и погромам. Судя по последним сообщениям, кризисная точка в настроениях народа миновала. Люди воспрянули, повсюду идет организация отрядов самообороны и органов местного самоуправления. Теперь они знают, что делать...

— О Душане что-нибудь известно? — спросил Сэйр.

— Последние сведения, которыми мы располагаем, утверждают, что Душан и его люди облачились в космические скафандры и выбрались на поверхность планеты. Они пытаются вывести из строя вентиляционные шахты. Кроме того, отмечены попытки нарушить герметичность металлического покрова планеты. Никаких подробностей у нас нет, мы потеряли их из виду. Как скоро вы сможете перебраться со своим штабом в наши помещения?

— Я отправляюсь к вам немедленно, — ответил Сэйр. — Люди пусть остаются на своих местах. Здесь есть кому ими руководить. Как я могу до вас добраться?

— Посредством правительственного лифта. Шестая дополнительная станция... Необходимо считать мигания красного диска. После пятой вспышки нажмите на красный круг.

Хорн выступил вперед.

— Вендре Кохлнар у вас? — спросил он.

— Да, — ответил мужчина. — Она где-то здесь.

— Нельзя ли позвать ее к экрану?

Незнакомец обернулся, принялся выискивать кого-то глазами.

— Не знаю, время ли сейчас... — В этот момент лицо его сначала удивленно, потом испуганно исказилось. Неожиданно он вскрикнул: — Что? Куда же вы смотрели!..

Экран внезапно погас.

— Что случилось? — встревожился Сэйр.

— Попробуйте восстановить связь, — быстро, обращаясь к технику, приказал Хорн. Потом повернулся к Сэйру: — Это мне не нравится. Такое впечатление, что их штаб-квартира подверглась нападению. Если Душан восстановит контроль над системами жизнеобеспечения, он может решить исход битвы в свою пользу.

— Что же нам делать? — спросил Сэйр.

— Исходить из самого худшего! — безжалостно заявил Хорн. — Будем считать, что Душан захватил аппаратную. Значит, нам надо как можно скорее отбить ее. Но как?

Боюсь, что этот негодяй применил ядовитый газ. — Затем он обратился к технику. — Ну как?

— Восстановить связь не удалось. Этого абонента нет в списке номеров. Пока мы будем отыскивать его, они там все будут мертвы.

Наступила тревожная тишина. Первым очнулся Хорн.

— Здесь можно быстро раздобыть космические скафандры? — обратился он к офицеру, ответственному за работу аппаратной.

Тот задумался, потом кивнул.

Хорн тут же повернулся к Редблейду:

— Нам понадобятся защитные костюмы. Чем больше, тем лучше. И подбери людей, которые умеют с ними обращаться и работать в них.

Он никому не сообщил о своем решении. Другой вопрос волновал Хорна в те минуты: на кого возложить командование восстанием? Он с надеждой глянул на Сэйра. Тот словно прочитал его мысли:

— Нет, я пойду с тобой.

— Что, вдвоем? Нам нужны бойцы.

— Ты удивишься, узнав, что именно этим я и занимался долгое время, — ответил Сэйр. — Не смотри на мои седины, я еще пригожусь в деле. В любом случае я иду с тобой.

Хорн решил не спорить, каждая минута была дорога. Он обратился к Редблейду:

— Значит, за старшего останешься ты.

— Нет! — решительно возразил пират. — У меня не получится...

— Ты единственный, кому мы можем доверять, — тихо сказал Хорн. — Ты с самого начала в курсе всего происходящего. Давай, Редблейд!..

Великан неохотно кивнул. Хорн принялся объяснять ему:

— Как только я уеду, вызывай кабину и отправляй следующего. Порядок такой — запоминай! Надо нажать на золотой диск, затем подождать, когда замигает красный. Будет пять вспышек... Ровно пять — и надо нажать на красную клавишу. Отправлять будешь по одному человеку, одетому в космический скафандр, — больше в кабине не поместится. Все понял?

Пират кивнул еще раз.

Тем временем солдаты в золотистых мундирах приволокли ворох скафандров. Хорн быстро подобрал костюм по размеру. Редблейд подержал упругую и прочную оболочку за плечи, и наемник ловко скользнул внутрь, просунул ноги, руки, застегнул молнии. Потом натянул левую перчатку, заделал шов. В правую, в особое гнездо, вставил рукоять унитронного пистолета, потом надел перчатку. Пошевелил пальцами — все было в порядке. При необходимости он мог мгновенно открыть огонь. Следом Редблейд надвинул ему на голову шлем. Проверка всех систем жизнеобеспечения заняла несколько секунд, и скоро Хорн уже сидел в кабине правительственного лифта, который мчал его в недра Эрона.

Так и есть — он вышел из него в пробитый в скале коридор. Здесь царила полутьма, было мрачно и тревожно. Хорн поспешно вышел из кабины и захлопнул дверь. Теперь

следовало разведать обстановку и обеспечить прибытие следующего бойца. Он прошел чуть вперед по каменному туннелю. Через несколько метров тот поворачивал вправо. Здесь он наткнулся на первые трупы. Точно, их потравили газом. Одеты они были в жуткие лохмотья. Сомнений больше не было: он вновь попал в катакомбы, в которых укрывались приверженцы культа Великой энтропии.

Хорн осторожно переступил через тела несчастных и дошел до следующего угла. Здесь он затаил дыхание и осторожно включил радиосвязь. В то же мгновение в шлеме кто-то спросил:

— ...долго нам еще таскать эти скафандры?

— Тихо! — отозвался чей-то мужской голос — Предупреждаю еще раз — радиосвязью пользоваться только для получения приказов и кратких докладов об их исполнении. Как только газ рассосется...

Хорн замер — это был голос Душана. Он прошел еще немного и затаился. Впереди в смутном полумраке металлически блеснула спина скафандра. Какой-то человек стоял в коридоре... Часовой! Разиня!., проспал появление чужака в этом коридоре. А может, просто со страху переместился ближе к своим и оставил лифт без присмотра. В любом случае разобраться с ним следует тихо. Очень тихо... Хорн успокоился, движением пальца подкрутил колесико на пистолете на самую низкую скорость полета пули. В этот момент часовой, по всей видимости, почувствовал опасность и начал поворачиваться. Хорн выстрелил, когда тот сделал пол-оборота, и, падая, часовой еще пытался подать сигнал тревоги, но было поздно: пуля прошла его насквозь. Хорн тут же замер, ожидая нападения из глубины коридора, однако прошло несколько секунд, но в подземелье было все так же тихо. Хорн опять включил радиосвязь — в эфире тоже стояло трескучее безмолвие.

В этот момент кто-то похлопал его по плечу. Хорн мгновенно обернулся, вскинул пистолет. Позади сквозь окошко шлема просвечивали седые пряди Сэйра. Собственно, его-то он и ждал; первым делом глянул на приборный щиток на груди: выключен ли интерком. С удовлетворением отметил, что указатель стоит на нуле. Потом он приблизился к Сэйру, прижался своим шлемом к его шлему и тихо сказал:

— Стой здесь! — И после недолгой паузы добавил: — Встречай прибывающих бойцов. Никаких радиопереговоров, только посредством касания шлемами. Потом атакуйте.

— Если бы они не пустили газ, я бы и сам с ними справился. Но в любом случае я нападую первым.

— Вендре здесь?

— Кажется, здесь.

— Тогда займись делом. Вот и второй наш человек прибыл.

С этими словами он подтолкнул Сэйра к лифту, а сам, повернувшись, направился вдоль по туннелю. Часовых больше не было — видно, у Душана было совсем худо с кадрами. Оно и понятно, смекнул Хорн, кому придет в голову рисковать ради этого ублюдка. Ага, а вот с выводом он поспешил — впереди опять что-то блеснуло. Точно, еще один раззява. Его Хорн тоже снял бесшумно. Он направился дальше, и на полу коридора то там, то здесь ему стали попадаться трупы погибших во время газовой атаки людей. Хорн обратил внимание, что лица у многих разбиты. Тогда он глянул на тяжелые ботинки часового — они были в крови. Остатки человеческих мозгов запеклись на металлических носках. Хорна охватила ярость — что ж, собаке собачья смерть!

Далее коридор заметно расширился и постепенно превратился в освещенный зал. Охраны больше не было. Хорн щелкнул тумблером радиосвязи — в наушниках послышались разнообразные звуки. Неожиданно раздался знакомый голос:

— Вынесите из помещения нескольких человек. Они нам понадобятся, чтобы наладить работу командного пункта. Обязательно их свяжите, ведь скоро действие газа кончится.

Хорн с огромным облегчением подумал, что еще есть надежда спасти кого-то из обслуживающего персонала. Он ловко скользнул сквозь распахнутые двери в огромное помещение, округлые своды которого вздымались на высоту с десятков метров. Вдоль стен

здесь тоже были расставлены пульта управления, а также другое оборудование, экраны, кабельросты, приборные щитки... Отсюда распахнутые двери вели в прилегающие к главному залу комнаты. В одной из них распоряжался Душан — Хорн сразу узнал его голос, а вот разглядеть его в толпе никак не мог: все они были в скафандрах.

— Этого прикончите... — командовал Душан, — и этого. Они из охраны... Техников перетасщите в другую комнату и приведите в себя...

Сколько ни вглядывайся, решил Хорн, толку не будет. Надо подойти поближе. Почему бы и нет, спросил он себя. Его костюм ничем не отличался от этих скафандров. Вот только нельзя появляться издали, надо подобраться поближе. Это можно сделать, если пройти за пультами.

Сказано — сделано. Скоро он уже смешался с толпой агентов службы безопасности, которые оставались с Душа-ном. Наконец нашел и самого начальника, массивное лицо которого мелькнуло за стеклом шлема. Хорн начал протискиваться поближе. Душан с любопытством глянул на него. В этот момент один из его подчиненных вынес из другой комнаты неподвижное тело.

— А-а! — удовлетворенно воскликнул Душан. — Вендре! Он подошел поближе, Хорн последовал за ним.

— Осторожнее, — предупредил Душан. — Она мне еще понадобится...

Тут он почувствовал, как что-то твердое уперлось в его спину. Душан нахмурился, но Хорн не дал ему и слова произнести.

— Тебе, — включив интерком, заявил он, — она уже не понадобится. Душан, это ствол моего пистолета упирается тебе в спину. Так что, если хочешь жить, не шевелись. И своим молодчикам прикажи вести себя тихо.

— Черт! — в сердцах выругался Душан, всматриваясь в Хорна. — Где же я видел это лицо?

— Скоро вспомнишь, — откликнулся Хорн. Потом он обратился к человеку, который держал Вендре на руках: Аккуратно положи ее. Бережней, бережней... Если кто-либо из вас дернется, вашему хозяину крышка. Не знаю, надолго ли вы его переживете.

— Убей ее! — внезапно, во весь голос закричал Душан и попытался рвануться в сторону. — Его убейте! У нас нет времени!..

Он изогнулся, пытаясь навести свой пистолет на Хорна. Агент, который держал Вендре, сразу бросил ее на пол и прикрылся правой рукой.

Хорн успел схватить Душана и с размаху ударил его по шлему. По стеклу побежали трещины. Душан сделал вдох, и миг лицо его побелело, приобрело умиротворенное выражение. Хорн успел выстрелить в того, кто держал Вендре, потом подскочил к человеку, который наводил на девушку пистолет, ударил его по шлему, затем нырнул за ближайший пульт. Главное было отвлечь внимание на себя. Из укрытия он дал очередь по толпе секретных агентов, которые только теперь начали прятаться за находившимися в зале приборами. Последнее, что он успел отметить в сознании, — это большая группа людей, ворвавшихся в аппаратную через главный вход. После чего комната погрузилась во мрак.

Из летописи

Непредсказуемое!..

Оно является необходимым элементом всякого прогноза, всякого, пусть даже самого точного расчета. Оно как камень под ногами, о который споткнешься в самый неподходящий момент. Как ураган, напрочь сметающий благостную картину, которую человек с такой тщательностью выстраивал в воображении, примерял каждую детальку, страховался от всякой случайности... Ветер времени сметает все расчеты, все обращает в песочные замки. Даже прогноз самого проницательного из мудрецов не будет стоить и гроша ломаного, пока не пройдет проверку временем.

Никому не дано предугадать непредсказуемое.

Может быть, это и к лучшему. Когда жизнь укладывается в определенные рамки, ее уже нельзя назвать жизнью в полном смысле этого слова. Только неживое в точности повторяет самое себя. И даже в мире мертвой природы существует уровень, на котором торжествует принцип неопределенности.

Непредсказуемость — это не только наличие множества вероятных путей развития. Это прежде всего принципиальное отрицание возможности абсолютно точного прогноза.

Никто не может знать, сколько лет ему осталось прожить, никто не способен точно рассчитать все последствия того или иного поступка. Это находится за пределами опыта. Ученые, занимающиеся историей, — это те люди, которым подобная истина должна быть особенно близка: как ни странно, именно они чаще других берутся за составление прогнозов.

Человека, который способен спланировать поведение какой-то разумной общности — например, человечества — на какой-то долгий, соизмеримый со столетиями срок, нельзя назвать человеком. Это, скорее, проявление какой-то стихийной, может быть, божественной силы...

Глава 20. ПЕРВОДВИГАТЕЛЬ

Хорн открыл глаза. Свет, падавший на ее лицо, был мягок и золотист. Что-то холодное и влажное упало на щеку — это ощущение окончательно привело его в чувство.

Теперь он ясно понял, что свет — это всего лишь отражение чего-то милого, обладающего чертами прекрасного... Чье-то личико склонилось над ним, знакомое и манящее. Вот этот образ и отливало золотом. Он не сразу догадался, кто склонился над ним, а когда понял, то побоялся шевельнуться, чтобы не спугнуть чудесное видение.

Хорн быстро сел, голова сразу пошла кругом. Острая боль ударила в виски. Он резко откинулся назад — перед глазами поплыла каменная необработанная стена, плавно переходящая в сводчатый потолок. Потом в поле зрения опять всплыло знакомое лицо. Выходит, это не сон, не бред...

— Подожди немного, сейчас тебе станет лучше, — сказала Вендре. — Боль прекратится.

— Что случилось? — спросил Хорн.

— Людей Душана разогнали, но в момент схватки пуля продырявила твой шлем и ты наглотался газа. Он не опасен, просто на время выводит из строя.

Наемник теперь уже более внимательно и цепко оглядел помещение, в котором находился. Правильно, все тот же аппаратный зал, забитый пультами управления, щитками, кабелями, печатающими аппаратами... Вокруг лежали люди — некоторые были мертвы, но большинство ранены. Кое-кто валялся без сознания.

— Что с Сэйром? — слабым голосом спросил Хорн.

— Он жив. Сэйр вместе со своими ребятами выкуривает последних агентов Душана. Они разбежались по катакомбам. Он просто замечательный человек.

Теперь прошлое полностью восстановилось в его памяти. Возникла картинка: вот Сэйр, ворвавшийся на командный пункт со своими людьми; первый залп, воющий полет пуль, его собственная очередь, которую он пустил в сторону агентов службы безопасности; затем подскочившее безмолвие и чернота. Он даже не пытался справиться с ними. Не успел...

— Если бы ты знала все, что здесь произошло. — Хорн повел головой, чтобы окончательно сбросить вялость. — И вообще, — он повел рукой, — что там наверху, ты в курсе?

— По самым последним сведениям, полученным Сэйром из верхнего командного пункта, следует, что организованное сопротивление сторонников режима подавлено. Кое-где еще возникают случайные очаги сопротивления, перестрелки. Отмечены случаи мародерства и вспышки преступности, однако они быстро подавляются перешедшими на сторону восставших частями. — Она сделала паузу и потом добавила: — В основном, моими... Хотя

многие из прежних служб охраны директоров организованно выступили против Душана...

— Что с ним?

— Он жив, захвачен в плен. Посажен в клетку здесь, в катакомбах, — она кивнула в сторону дальнего конца аппаратного зала. В общем-то, разглядеть что-либо в том конце было невозможно — все терялось в полутьме.

— Меня увезли на Ванти, — неожиданно сказал Хорн. Вендре часто закивала, словно уверяя его, что она знает о причине его такого долгого отсутствия. Словно верит, что если бы мог, он тотчас пришел к ней на помощь.

— Я знаю. — Она вдруг сглотнула и прерывающимся голосом добавила: — Мне Сэйр рассказывал. Он еще поведал, как вам удалось совершить оттуда побег. Это просто ошеломляюще, просто слов нет!..

— Люди сделали то, что они вынуждены были сделать. Иначе всем пропадать... — Хорн пожал плечами.

— Ну, это все говорят, — ответила она. — Почему ты сам решился на это? Ведь пошел на верную смерть...

Полная ясность в голове не принесла Хорну облегчения — теперь его охватила томящая, неодолимая и даже мучительная волна нежности к этой женщине. Легче было вдали мечтать о ней. На Ванти, например, где она казалась совершенно недостижимой. Но вот здесь, рядышком, касаясь ее руки... Это была пытка. Он даже взгляд не мог в сторону отвести, и ему было не по себе оттого, что он не знал и не мог знать, что сейчас написано на его лице. Вдруг что-нибудь обидное для Вендре? Или наоборот — равнодушие и бесчувственность. Он очень любил эту женщину, мечтал, чтобы она стала его, но вовсе не потому, что стремился обладать ею. Да, конечно, этого тоже жаждал, но больше всего на свете ему хотелось защитить ее. Сделать все, чтобы даже тень печали не пала на ее лицо.

— Мне показалось, что ты нуждаешься в моей защите, — наконец твердо выговорил он.

Она отвела взгляд в сторону:

— Ты искал меня, чтобы убедиться в этом? С этой целью и отыскал на празднике, когда убил моего отца?

— Тогда я еще не знал тебя, — ответил Хорн. — Увидел в первый раз и...

— Зачем же ты сделал это?

— Потому что мне заплатили, — честно ответил Хорн.

— Я так и знала. Другое дело, если бы ты мстил отцу и Эрону. Или совершил покушение из каких-либо романтических соображений, под влиянием жажды справедливости. Какая пошлость — за деньги... Хотя я рада, что ты не стал лукавить.

Она поднялась и уже совсем было собралась уйти, однако Хорн успел схватить ее за руку:

— Подожди! Я ничего не прошу, только постарайся понять меня.

Она остановилась, повернулась к нему.

— Если ты считаешь, что твой отец являлся человеком в общепринятом смысле этого слова, — сказал Хорн, — то ты ошибаешься. Для близкого окружения он, возможно, таковым и был, но для подавляющего большинства населения империи это прежде всего был символ, неперенный атрибут власти, ее воплощение. А символы и кумиры не могут испытывать боли, страданий. Это такие вещи, которые можно разбить, перекрасить, вознести над толпой, сбросить в грязь, истоптать. Когда в этом обнаруживается необходимость... Став Генеральным управляющим Эрона, твой отец утратил признаки живого человека... Но это, — переведя дух, продолжал Хорн, — только часть вопроса. Чтобы понять все в совокупности, ты прежде должна понять, кем я был, каково мое происхождение, в каких условиях вырос.

Хорн начал захлебываться словами, он уже не мог остановиться. Выложил все: и про созвездие Плеяд, и про свою жизнь там. О родителях и их гибели, о поступлении на военную службу, о разгроме их космического флота. О горечи, отчаянии и ненависти к самому себе,

которые он испытал, согласившись поступить в гвардию Эрона. О предложении стать наемным убийцей... О том, что ему стоило добраться до Земли, о путешествии по пустыне, о встрече там со стариком Ву и удивительным существом Лил. О путешествии через туннель и прибытии на Эрон, о том, что случилось на этой, обшитой стальной оболочкой планете.

Она слушала его внимательно, с горечью, написанной на лице — уголки губ были опущены вниз, — смотрела чуть в сторону.

— Теперь ты меня спрашиваешь, зачем я это сделал, и я отвечаю — за деньги. Хотя я сам прекрасно понимаю, что это объяснение невразумительно, что оно ничего не объясняет. Деньги, полученные за покушение, не так велики, чтобы оправдать те испытания, которые выпали на мою долю. Что, я — жадина, корыстолюбец? Или гордец, которого можно поймать на удочку масштабом задачи? Так что когда я говорю, что не знаю, почему убил твоего отца, я говорю правду. У меня такое впечатление, что для меня это было как экзамен. Я был обязан пройти через все эти испытания, и убийство в том числе, чтобы доказать себе и, может, кому-то еще, что способен делать то, что хочу. По сознательному выбору и невзирая на трудности. И в этом смысле убийство твоего отца не было убийством — это всего лишь доказательство, которое я предъявил тем, кто хотел накинуть на меня узду, заставить двигаться туда, куда они желают. Этим самым я им как бы сказал — не пытайтесь меня остановить. Я сумею добиться своей цели. Он помолчал. Помалкивала и Вендре. Наконец Хорн решительно рубанул воздух ребром ладони.

— Самое интересное, что теперь я ощущаю себя совсем другим человеком, нежели тогда, когда вступил на этот путь. Спросишь, в чем причина? Не знаю. Конечно, все люди меняются, но это не ответ. Это аксиома, которую необходимо доказывать в каждом конкретном случае. Кто-то брякнул — все течет, все изменяется. Это, безусловно, относится и к человеку. Но как это происходит, почему? — Хорн с размаху ударил кулаком по ладони. — Никто не в состоянии объяснить. Скажут — годы, трудности... Это верно, но общо... Так что если ты обвиняешь меня в убийстве твоего отца, то ты не права. Ты можешь с тем же успехом обвинить руку, вот этот палец, который нажал на спусковой крючок.

Она протестующе покачала головой.

— Все равно — убить безоружного человека, который ни о чем не подозревал...

— Безоружного! — возмутился Хорн. — Это Гарт Кохлнар был безоружен?! В окружении тысяч гвардейцев, двух десятков боевых крейсеров, чья совокупная мощь достаточна, чтобы уничтожить планету. Тогда скажи мне, в чем были виноваты те миллиарды людей, которых уничтожил твой отец. Безжалостно, хладнокровно!.. Любое объяснение — или оправдание — подобной жестокости это не более чем слова. Что, не так? Давай поспорим! Я берусь опровергнуть любое твое утверждение в полезности и необходимости этих убийств. Ты сама знаешь это. Но суть в другом: как избежать этих мер на пути прогресса или мы обречены душить друг друга, как псы на бойне? Мне кажется, я нащупал тропку... Когда человек живет, основываясь исключительно на собственном разумении, когда надеется только на себя и только свои желания ставит во главу угла, то ничего хорошего не жди. Даже когда люди объединяются в банду или в империю... Все мы связаны между собой, и связаны прежде всего межзвездными туннелями. Дерни за веревочку на одном конце вселенной — кто-то ойкнет на другом...

— Все равно — это не объяснение, а оправдание. Ничто не может скрыть тот факт, что ты поднял руку на моего отца, — с возмущением заявила Вендре. — Я должна ненавидеть тебя. И я ненавижу!..

— Тогда зачем ты приказала своему офицеру передать под мое командование верхнюю аппаратную?

— Это совсем другое дело! Потому что... Потому что ты оказался прав насчет Эрона. Корни совсем сгнили. Когда-то, в древние века космической эры, подобная организация была необходима, чтобы удержать в узде расползающееся, как тесто, человечество. Мы должны были сохранить человека как единый вид, как единую расу. Но с годами эта необходимость отпала, появилась система туннелей. Она принципиально была замкнута на

Эрон, и это стало тормозом на дальнейшем пути человечества. Свершилось объективное. Но Эрон — моя родина, я не могу предать его. А вот сохранить можно и, на мой взгляд, нужно. Перестроить, вычистить хорошенько. Конечно, пора разобраться со знаниями, накопленными в Индексе, ведь это бесценный клад. Душан сидел на нем как дракон, стерегущий золото. Я сначала не поверила тебе, когда ты утверждал, что Сэйр жив. Я решила взять на себя ответственность за это переустройство. Не перебивай, я сама знаю, что сил у меня недостаточно. Но кто, если не я? Потом я крепко задумалась над твоими словами и вот к какому выводу пришла: если он прав в самом главном, почему он должен быть не прав во всем остальном?

— Это мне понятно, — кивнул Хорн. Головная боль прошла, тело окрепло. Он поднялся, подошел к ближайшему телу убитого агента службы безопасности, поднял выпавший из его руки пистолет.

— Что ты собираешься делать? — настороженно спросила Вендре.

Он глянул на нее, торопливо шагавшую рядом, и сказал:

— Собираюсь поговорить с Душаном.

— Зачем?

— Есть два очень важных вопроса, на которые я хотел бы получить ответ. Первый — кто нанял меня, и второй — в чем секрет межзвездных туннелей?

— Человек, который нанял тебя, должен быть знаком с папиными планами насчет проведения празднеств по случаю победы над Кварноном-4. Я уже говорила тебе, что отец только со мной поделился. Почему же ты не подозреваешь меня?

— У меня были кое-какие сомнения в отношении тебя, — ответил Хорн, — но очень недолго.

— Что же повлияло на тебя?

Он мельком глянул на Вендре и вымолвил:

— Я тебе поверил...

— Вот что, я пойду с тобой, — решительно заявила она. — Может, потребуется моя помощь.

— Тебе не следует...

— Я тебе кое-чем обязана. Ты три раза спас мне жизнь.

— Первые два не считаются. Первый раз сработал инстинкт, второй... В этом был свой расчет.

Они почему-то оба разом замолчали и сосредоточенно, в ногу, направились в дальний конец зала, откуда выходил короткий коридор. Здесь по обе стороны были расположены двери — Хорн сразу узнал это место. Он сам несколько дней назад был посажен в одну из этих клетушек. Теперь в одной из них сидел экс-Генеральный управляющий Эрона, экс-директор службы безопасности, экс-хранитель Индекса. Он сидел на полу, согнувшись, прижавшись спиной к шершавой стене. Обнимал себя за плечи. Лицо хмурое, задумчивое... Заметив вошедшую в камеру Вендре — Хорн остался в тени у дверей, — он усмехнулся.

— Что может быть хуже предательства? Разве что цивилизованная женщина, которая уходит к туземцу. Надеюсь, тебе доставило удовольствие крушение великой империи и та роль, которую ты в этом сыграла. Теперь ты на всю жизнь обеспечена приятными воспоминаниями. Будет о чем рассказать своим диким отпрыскам.

— Я не собираюсь спорить с тобой, — тихо ответила Вендре. — Ты все равно вывернешься и будешь представлять себя спасителем отечества, хотя, между нами, Душан, твои намерения были самые прозаические. Я бы хотела избежать лицемерия.

— Твоя позиция понятна, — кивнул Душан. — Теперь меня выставят исчадием зла, интриганом, властолюбцем. Это разумно, — он задумчиво выпятил нижнюю губу. — Во всей этой мешанине страха, предательства, пренебрежения долгом, с которыми мне пришлось столкнуться за эти несколько дней, меня радует только то, что во мне есть примесь чужой крови. Глядя на вас, полноценных златокожих, хотелось вырвать с корнем ваше поганое семя из недр этого металлического шарика.

— А-а, так ты не из златокожих? — удивилась Вендре. — Тогда это многое объясняет...

— Что именно? — с вызовом спросил Душан.

— Методы твоей работы, — прошептала Вендре.

— Да знаешь ли ты, что значит быть полноценным во всех отношениях эронцем за исключением малюсенькой капельки, которая является той самой частицей дегтя, которая портит бочку меда? Ты когда-либо испытывала то, что пришлось пережить мне, обладающему силами, знаниями, решимостью и презрительно отвергнутому только потому, что мои предки где-то там согрешили? Известно ли тебе, что творилось у меня внутри, когда я был вынужден сиднем сидеть у порога власти и облизываться, потому что путь туда мне был заказан? Методы! — он в сердцах всплеснул руками. — Она рассуждает о методах! Каково!.. У кого же я перенял их, позвольте вас спросить? У вашего обожаемого папеньки. Это он убедил меня — примером, результатом убедил! — что они работают, что подобные средства весьма эффективны. Это чей принцип — «успех все оправдывает»? Неужели вы будете отказываться, что это кредо вашего отца? Я знаю, он постоянно вбивал в вашу хорошенькую головку эту истину, но вы оказались плохой ученицей, а я — хорошим учеником. — Он на мгновение примолк, лицо его, смутно видимое в полумраке, заметно потемнело. — Я приказал убить свою мать. Она оказалась единственной ниточкой, ведущей к нашим семейным тайнам. Вы назовете меня чудовищем. А как вы назовете человека, который дал разрешение на это преступление, решив, что сможет с его помощью держать меня на крючке? Негласно, конечно. Намеком... Это он успокоил меня, дал силы поставить крест на сомнениях. Я сказал себе — на одной чаше весов должность Генерального управляющего, с помощью которой я смогу вывести Эрон из кризиса, мне это под силу; на другой — смерть слабовольной, легкомысленной женщины. Кто поощрил меня на это? Твой отец.

— Как раз я оказалась достойной ученицей, — ответила Вендре. — Я усвоила его главный урок — прежде всего необходимо думать. Твои методы, дай тебе разгуляться, через несколько дней привели бы империю к окончательному краху. В этом смысле ты справедливо можешь обвинить себя как одного из ведущих разрушителей. Ты не мог не понимать этого. Тогда зачем тебе была нужна власть на такой короткий срок? Ты потерял разум, Душан?

— Ничего ты не понимаешь, — откликнулся Душан. — Хоть несколько дней да навластвовать всласть! Это стоит десятилетий рабства.

— В любом случае ты не смог бы удержать власть, — от дверей подал голос Хорн, — не зная секрета межзвездных туннелей.

Теперь Душан всерьез заинтересовался человеком, который явился вместе с Вендре. Он смотрел на него долго, изучающе, словно полумрак для него не помеха. Словно на всю жизнь хотел запомнить его лицо.

Сердце у Хорна замерло: неужели Душан оказался настолько умен, что уловил подвох в этом вопросе. Не может того быть, уверял себя Хорн, уж очень ловко они вместе с Вендре подвели его к этому разговору.

Наконец Душан подал голос.

— Это верно, — сказал он, потом перевел взгляд на Вендре. — Но ты бы открыла его мне. Конечно, сначала бы посопротивлялась, но в конце концов у тебя бы не было выбора.

— Нет, Душан, ты ошибаешься. Я не знаю секрета, — после короткой паузы ответила Вендре.

— Ты должна его знать. — Душан, отвергая возражения, махнул рукой. — Ты была полноценной златокожей, в твоих руках это должно было сработать. К тому же Кохлнар должен был открыть тебе эту тайну. Кому же еще, как не тебе? — Он словно рассуждал сам с собой.

— Повторяю, ты ошибаешься, — размеренно выговорила Вендре. — Он не сказал мне ничего такого, что бы не было известно тебе. Он, возможно, сам его не знал. И вообще никто

не знает. Хороша шуточка, а-а? Достойная великой империи. Еще более смешная, чем легенда о златокожем народе. Мы так гордились своим происхождением, так тщательно охраняли секрет, которого не было... И все для того, чтобы скрепить государство! Надо же, какая интересная национальная идея подвигла жителей Эрона на столь многочисленные подвиги!..

— Это ложь! — воскликнул Душан. — Кохлнар знал. Он должен был знать!..

— И все-таки она права, Душан, — сказал из своего угла Хорн.

Сомнений не оставалось: либо он гениальный артист, либо он говорит правду, но поскольку артистических способностей у него пока не наблюдалось, значит, он и в самом деле не знает секрета туннелей.

— Ты допустил роковой просчет, Душан, — добавил Хорн, — когда нанял убийцу, чтобы расправиться с Гартом.

— Я этого не делал! — Теперь Душан не выдержал и вскочил, бросился к решетке, которая отделяла его от входа в камеру. Он схватился за прутья и попытался выломать их. — Да, я мечтал об этом, но это было за пределами... разумной храбрости. — Он немного успокоился, потом обратился к Хорну: — Кто ты?

— Наемный убийца.

— Тогда ты тем более должен знать, что я-то здесь не замешан! — Он вновь вцепился — в решетку. — Ты должен знать, кто тебя нанял.

— Как раз этого я не знаю.

Хорн решительно вышел к свету, теперь Душан наконец рассмотрел его. Узнал сразу же!

— Это ты? Человек, который угрожал мне оружием, а до этого являлся телохранителем убитого Матала? Это фантастика!.. Еще раз спрашиваю, кто ты? Я твердо установил, что к началу совещания Матал уже был мертв, и тот, кто выдавал себя за него, был очень похож. Исключительно! Но это был не Матал. Значит, и ты — это не ты... — Он подумал немного и запросто спросил: — Хорошо, тогда скажи, кто изображал Матала?

— Не знаю, — слукавил Хорн. — Что случилось с Фенелоном и Ронхолмом?

— Они мертвы. Они оба мертвы... — равнодушно ответил Душан. — Значит, говоришь, не знаешь? — еще раз спросил он Хорна и сам ответил: — Такой же вопрос я задал Индексу и получил много интересных сведений. В информации сообщается о многих случаях воскрешения людей, а также о тех, кто появлялся одновременно в двух разных местах. И приметы сходятся — речь всегда идет о человеке маленького роста и страдающего полнотой. По большей части он — мелкий воришка, разгуливает в компании с каким-нибудь мелким животным. Он появляется то там, то здесь — одним словом, его появление отмечено во всех частях империи. Его бесчисленное количество раз заключали в тюрьму, однако он в каждом случае немедленно освобождался от стражи. Так происходило на протяжении многих веков, но когда-то необходимо, — Душан сунул руку во внутренний карман, — положить этому конец...

— Осторожней! — раздался чей-то голос — Он вооружен!..

Хорна не надо было предупреждать — умение первым выхватывать пистолет не раз спасало ему жизнь. Вот и теперь унитарный пистолет мгновенно оказался в его руке — он тут же выстрелил. Глаза Душана расширились, зрачки выкатились из орбит. Он похватал открытым ртом воздух и неуклюже повалился на пол. Там и затих.

— Убийство, — с трудом выговорила Вендре. — Всегда одно и то же. Смерть, смерть... Ты не можешь без убийства. — Она повернулась и быстро выбежала из камеры.

— Похоже, так и есть, — мрачно сказал Хорн. Он покачнулся, потом взял себя в руки, огляделся. Позади него стоял Ву. Он все еще был в штанах, болтавшихся на одной подтяжке. Верх прикрывала истрепанная донельзя рубашка из зеленого шелка. На голове тибетейка... На плече сидела Лил и посматривала одним глазом на распростертого на полу Душана.

— Вот он, — хрипло выговорила птица, — конец всем амбициям.

— Мне так кажется, — в тон ей промолвил Хорн, — ты решил использовать меня в

качестве подопытного кролика. Постоянно спасаешь меня... — Он отпустил рукоятку, и пистолет вновь скользнул в рукав.

Ву пожал плечами:

— Знаешь, какое это удовольствие — продлить жизнь тому, кто так мало жалеет себя?

— Куда ты исчез? В последний раз я видел тебя, когда нас обоих должны были доставить на Ванги.

— Еще не построена такая тюрьма, в которой меня можно было бы запереть. Подтверди, моя крошка. — Он погладил Лил. — Меня так и носит по городам и странам. Если можно так выразиться — бич судьбы гонит меня. А теперь самое время поискать алмазики. Сейчас можно собрать хороший урожай.

Хорн посмотрел на него, потом открыл замок и вошел в камеру. Встал на колени и обыскал Душана. Единственный предмет, который он нашел у того во внутреннем кармане, был пачка сложенной бумаги. Хорн удивленно глянул на Ву:

— Он не вооружен. Как он мог застрелить нас?

Наемник принялся просматривать записи. Закончив, он поднял голову — взгляд его был устремлен куда-то вдаль.

— Выходит, вот оно как, — задумчиво сказал он. — Твое присутствие было зафиксировано всякий раз, когда запускали в действие новый межзвездный туннель.

— Неужели? — удивился Ву. — Никогда бы не подумал, что это можно как-то связать... Просто на каждой церемонии собиралось много гостей, значит, можно было пожить с бриллиантами.

— Итак, директора не знали секрета, — медленно, глядя прямо в глаза старику китайцу, выговорил Хорн. — И тем не менее каждый раз туннель оживал. Выходит, кто-то все-таки знал, как это делается. Добавим к этому, что раз директора были в неведении, то и секрет не мог передаваться из поколения в поколение. А тут вдруг появляется человек, который утверждает, что прожил пятнадцать столетий...

— Я?! — уже совсем неподдельно изумился китаец, потом хихикнул. — Если бы мы, Лил, знали эту тайну, представляешь, сколько бы у нас было алмазов. Нам и красть их не надо было бы. Устроились бы мы на какой-нибудь планете и нам свозили бы их тоннами.

— Не надо ёрничать, — усмехнулся Хорн. — На возвышении было шесть человек. — Он поднялся, в упор глянул на Ву. — Я их всех видел в прицел. Считал, что один из них знает секрет, но, как призналась мне Вендре, на других торжественных пусках они тоже должны были присутствовать все вместе — учти, это при том, что они не обладали тайной. Значит, это не мог быть кто-то один — они должны быть все вместе. Но теперь и этот номер не проходит. Что касается тебя, то вот она, распечатка из Индекса, — твое присутствие зафиксировано при каждом открытии туннеля. Кто, если не ты, Ву?

— *Reductio ad absurdum* <Сведение к абсурду (лат.). Способ доказательства, состоящий в условном допущении положения, противоречащего тому, что требуется доказать, и в демонстрации того, что это допущение приводит к нелепому следствию. Чаще, однако, употребляется в смысле доведения до абсурда ошибочной в своей основе мысли таким ее развитием, при которой заключенная в ней ошибка становится очевидной.>, — многозначительно сказала Лил.

— Тем не менее логично, милый друг, — возразил Ву. — Очень логично. — Его голос заметно изменился, стал тверже, глубже и даже холоднее.

— Ты подстроил это убийство, — продолжал Хорн. — Душан хотел что-то рассказать насчет твоих походов, и ты тут же среагировал. Убрал его чужими руками. Это твой обычный прием — подыскать хорошего исполнителя. «Кто-нибудь да найдется» — это не твои слова? — Последнюю фразу Хорн прошептал. Страшная догадка пронзила его. — Где-то я уже слышал эту фразу... Точно! В совершенно темной комнате. Когда меня нанимали убить Кохлнара!

— Отличный аргумент! — ответил Ву. — Однако ты ошибаешься, милый друг. Твоя догадка в корне неверна. Но это, в общем-то, не страшно. Беда грозит совсем с другой

стороны. Ты напрасно считаешь, что я ни на что не годен. Я еще вполне в форме.

Хорн не удивился, увидев в руке Ву пистолет, направленный прямо ему в грудь, — он оцепенел от изумления. С ловкостью жонглера старый китаец выхватил оружие из лохмотьев, повел стволом, молча приказывая Хорну отойти в угол. Наемник безропотно повиновался — он никак не мог прийти в себя, поверить, что оказался прав. Хорн перевел взгляд на старика — когда-то он показался ему добрым, милым, даже немного заискивающим. Как он ошибался! Перед ним стоял удивительно странный человек — назвать его стариком просто язык не поворачивался. Впрочем, человеком тоже... Это было существо с изможденным, изрезанным тысячами морщин, желтовато-серым лицом. Руки вполне походили на кисти скелета. Разве что глаза... В глазах еще посверкивала жизнь. Взгляд у Ву был пронзительный, цепкий, с нескрываемой злобинкой...

— Значит, это правда? — шепотом выдохнул Хорн.

— Что бы ты хотел услышать от меня? — усмехнулся Ву. — Что бы ты ни услышал, тебе уже будет все равно. Ты слишком близко подобрался к разгадке, человеку с короткой жизнью это непозволительно. Надеюсь, ты не будешь возражать, если я напоследок объясню тебе кое-что, — ты же столько усилий приложил, чтобы разгадать секрет межзвездных туннелей. Подобное усердие требует вознаграждения. Да и мне тоже хочется поболтать... Если бы ты знал, какая это мука тянуть груз моих лет, знать то, что я знаю, и не иметь возможности поделиться с кем-нибудь. Есть, конечно, Лил. Она замечательный и верный друг, но все же она не человек.

— А ты сам? — спросил Хорн.

— Хороший, доброжелательный вопрос, — кивнул Ву. — Я теперь сам не знаю, человек ли я. Правда, алмазов пока не ем...

— Поэтому ты и нанял меня, чтобы убить Кохлнара?

— Почему ты решил, что я нанял только тебя? Вас было много таких, жадных до денег, желающих отомстить за поруганную родину, жаждущих отличиться. Но до подножия столовой горы, где когда-то возвышался Санпорт, добрался ты один. Между нами, это всего лишь небольшой эпизод в давней истории, начавшейся...

— Тысячу лет назад, — перебил его Хорн.

— Точно. Ты как всегда хитер и расчетлив, однако не надейся вывести меня из себя. Повидал я таких умников на своем веку... Должен признаться, ты — редкостный экземпляр. Когда вооружен, то очень опасен, но сейчас козыри у меня на руках. Как, впрочем, в течение последних полутора тысяч лет. Если не желаешь слушать, так и скажи — сейчас же и порешим дело.

— Я весь внимание, — глухо откликнулся Хорн.

— Эрон возник не случайно. Ты даже представить себе не можешь, что такое Эрон. Это первая в истории человечества заранее спланированная империя. С заранее заданной мифологией, идеологической подосновой, сформулированными целями. С соответствующим техническим обеспечением... В период Санпорта люди начали стремительно расползаться по галактике. Еще немного — и процесс должен был выйти из-под контроля. Как должен был поступить человек, получивший возможность установить такой контроль?

— Как всякий человек, использовать этот шанс в своих корыстных целях, — саркастически усмехнулся Хорн.

— Ну уж, корыстных, — Ву даже немного обиделся. — Не надо, Хорн. Ты не понимаешь, чем это могло грозить самому существованию человеческой расы. В худшем случае — вырождением, в лучшем — чередой бесконечных, бессмысленных войн. Человечество стояло на пороге открытия межзвездных туннелей, и этот процесс требовал упорядочивания. Я выбрал златокожий народ. Они привлекали меня своей энергией, силой, здоровым голодом по великим свершениям. Теперь слушай внимательно, Хорн, и ты прозреешь. Так легче умирать... Ты услышишь повесть о страстях человеческих и, может быть, поймешь, какая великая ценность наши чувства, неосознанные побуждения, порывы... Именно они вечны и неугасимы. Говорят, что желание с годами ослабевает, — не верь! Одни

ослабевают, другие, наоборот, входят в силу. О, это великий круговорот! Истинный путь!.. Единственная ценность...

— Я весь внимание, — сказал Хорн и чуть придвинулся к Ву. Вот что больше всего волновало и тревожило его во время этого разговора — неудобная дистанция между ними. Китаец занял правильную позицию — Хорн не успеет выхватить пистолет. Броситься на него он тоже не в состоянии — сразу получит пулю. Необходимо сблизиться — это был единственный шанс. Но как? Только если ему удастся заговорить Ву.

Собственно, Ву можно было не входить в детали, тем более исповедоваться в испытываемых им на протяжении столетий чувствах. Хорн, признав очевидное, сумел сам быстро разобраться что к чему. Все эти знания имели ценность только в одном случае — если он останется жив. Любой другой исход его как человека практичного не устраивал. Что ж, будем сблизяться — по миллиметрию, по воробыному скоку. Память у него хорошая — останется жив, вспомнит, что наболтал ему старый Ву.

— Межзвездный туннель, или, как все привыкли его называть, труба... Это было первое и необходимое условие продвижения к звездам, создания галактической цивилизации. Однако я не мог сделать достижение яблоком раздора, предметом спора, базой, на которой неизбежно должны были взрасти самые низменные, атавистические наклонности человека. Уж кого-кого, а наше двуногое, шарящее глазами по углам в поисках что где плохо лежит, я изучил досконально. Что могли дать человечеству как расе отдельные, разбросанные на огромных просторах, изолированные культуры? Их слияние в единую цивилизацию — процесс длительный, вероятностный. Таким образом, мы с Лил решили вручить судьбу туннеля небольшому, но энергичному народу. Поверь, это было единственное решение для того, кто хотел сохранить человечество как единую, внутренне спаянную расу. С помощью туннеля оказалось возможным одолеть самое главное препятствие на нашем пути — скорость света.

— Я догадался об этом, — сказал Хорн, — когда совершил перелет с Земли на Эрон. Скорость света является абсолютным ограничением скорости только в нашем мире. В туннеле же заключено пространство, которое нельзя отнести к нашей вселенной.

— Видишь, какой ты сообразительный! — одобрительно кивнул Ву. — Вот тогда я впервые взглянул на тебя по-новому. Я встревожился: что, если ты поделишься своим открытием с каким-нибудь толковым ученым? Он использует эту идею как путеводную нить, и тогда ему останется сделать только шаг к пониманию устройства туннеля. Дело в том, что основой нашего четырехмерного континуума является понятие гравитации. Именно распределение материальных тел в нашей вселенной определяет ее геометрию. Другими словами, наше пространство изогнуто вследствие наличия в ней материи. Встает вопрос: существуют ли в принципе вселенные, которые свободны от подобного ограничения?

Хорн кивнул и придвинулся еще на один малюсенький шаг.

— Свет, — продолжил Ву, — тоже подвержен действию гравитации. Он тоже распространяется в нашем пространстве по сложным кривым. Именно в нашем, отягощенном материальными телами, свернутом пространстве скорость света ограничена. Но в пространствах с другим числом измерений такого ограничения нет и быть не может. Вот в чем суть! Конечно, это все стало мне известно благодаря Лил. Она и ее народ испокон веку знали об этом. Когда в их пещере стали истощаться запасы урана, они принялись изучать природу нашего мира, выражаемую в основополагающих характеристиках: энергия, масса, пространственные измерения и время. Лучших математиков вселенная еще не знала.

— Это понятно, — сказал Хорн и придвинулся еще чуть-чуть.

Ву повел в его сторону стволом пистолета:

— Не надо, милый друг. Отодвинься назад. Если, конечно, ты желаешь услышать до конца эту удивительную историю о том, как бедному китайскому юноше однажды удивительно повезло.

Хорну ничего не оставалось делать, как шагнуть назад. Это приказание он исполнил покорно, но не в полной мере. Все-таки небольшой отрезок дистанции, разделявшей их, он

выиграл. Так, что там насчет несчастного юноши?..

— Проблема лежала исключительно в технической плоскости — каким образом свернуть инородное пространство и поместить в наш, переполненный материальными телами мир. С помощью Лил удалось решить и эту задачу. Энергию можно было черпать из звезд, сознание этой чудесной птицы представляло из себя матрицу, согласно которой чуждый континуум внедрялся в нашу вселенную в форме особо изогнутого цилиндра. Изогнутого с нашей точки зрения и абсолютно прямого изнутри. Как ты сам испытал, внутри туннеля нет ничего, никакая физическая величина там немыслима. Все наши знания внутри туннеля бесполезны. Внутри туннеля ничто не существует... Или существует «ничто», и всякие материальные образования, попавшие туда, являются чужеродными для этого странного мира. Они в свою очередь сворачиваются там в замкнутое пространство, но это не мешает им оказываться в нужной точке, где они и выбрасываются из туннеля. Да, существует предел пребывания наших материальных — в том числе и живых — тел в этом «ничто», однако даже с учетом этого ограничения мы можем забраться довольно далеко.

— Выходит, только ты и Лил способны активизировать туннель?

— Только Лил, — поправил Хорна старик. — Этим мы и занимались в течение пятнадцати веков. Но пойдем дальше... Итак, мы решили использовать Эрон в качестве инструмента, с помощью которого можно было решить две противоположные задачи — продвинуть границу обитания человечества к дальним звездам и в то же время, сохранить его как единую и неделимую единицу. Создавать несколько сетей туннелей и, следовательно, несколько государственных образований мы были не в состоянии. Лил просто физически не справилась бы с такой нагрузкой. Кроме того, подобное развитие событий было нежелательно по тем причинам, о которых я уже говорил. Скоро все эти царства, королевства, республики передрались бы между собой. — Ву с сожалением махнул рукой, потом решительно заявил: — Мы остановили свой выбор на Эроне.

— Выбрали, так сказать, себе квартирку, — неожиданно подала голос Лил.

— Точно, — подтвердил Ву. — С самыми лучшими намерениями, с большой надеждой мы вручили Эрону туннель, поставили вокруг этого изобретения завесу секретности, наворотили горы мифов. Первым в них уверовал златокожий народ. Потом пошло-поехало, и наше участие уже почти не требовалось. Разве что иногда, в критические моменты истории мы позволяли себе чуть-чуть подправить ход событий. Так продолжалось примерно тысячу лет, пока люди не взялись за освоение созвездия Плеяд. Шло оно под эгидой Эрона. Сила, знаешь ли, обладает интересной особенностью — в процессе становления она сама себя формирует. Находит внешние атрибуты, создает структуры... Источник существования находится в ней самой. Она сама способна подпитывать себя. Согласись, какая еще страсть способна пережить века, как не жажда власти. Стремление быть первым во всех своих разновидностях не знает ограничений. Любовь, жажда справедливости, вера в идеалы со временем гибнут, слабеют. Ничего долговечного на их основе построить нельзя.

— Значит, ты позволил себе вмешаться в естественный ход истории, — хмуро откликнулся Хорн, — исходя из каких-то абстрактных, романтических соображений. С трудом верится... — Он еще раз прикинул расстояние. Нет, ему не одолеть эти метры в одном броске. Этот реликт успеет выстрелить. Что же остается? Ждать, приказал он себе. Непременно ждать!

— Правильно, — согласился Ву. — Я начал вмешиваться, но не в том дилетантском смысле слова, который ты вложил в свое высказывание, а куда более тоньше, искуснее. Зачем, например, надо было толкать Кохлнара — его решимости хватило бы на двоих, однако время от времени подправлять его было необходимо. Беда в том, что никакой процесс не может постоянно протекать гладко, тем более развитие такого государства, как Эрон. В нем тоже назревали кризисы, с которым руководство империи до поры до времени успешно справлялось. С моей помощью, конечно... На этот раз противоречия накапливались так долго, нарастали с такой неизбежностью, что дальше откладывать разрешение кризиса было нельзя. Эрон сгнил изнутри, революция была неизбежна. Единственный шанс спасти его

заклучался в том, чтобы вызвать преждевременное вскрытие нарыва. С неорганизованным, спонтанно вспыхнувшим бунтом Эрон еще мог справиться...

— С этой целью ты и нанял меня? — спросил Хорн и чуть расслабил правую руку, чтобы пистолету было сподручнее скользнуть в ладонь.

— К сожалению, я ошибся в расчетах, — ответил Ву, — как ни горько это сознавать. Даже опыт пятнадцати столетий не может застраховать от ошибки. Даже фантастические математические способности Лил могут подвести. Слишком трудна оказалась задача, слишком много величин было задействовано. Мы просчитались — Эрон пал!

— Развалилась такая уютная, обжитая квартирка, — саркастически засмеялся Хорн и еще вытянул руку. — Рухнула налаженная, питавшая гордыню жизнь. Кончилось благосостояние... Теперь придется идти с протянутой рукой по просторам вселенной — искать, кто бы отсыпал горстку алмазов.

Ву прищурился:

— Ты, оказывается, еще умнее, чем можно было предположить. Да, Эрон — мой собственный дом, но если ты считаешь, что его разгромом мое благосостояние ухудшится, ты ошибаешься. Среди людишек всегда найдутся марионетки, которые за кусок золота, власти, женской плоти охотно примутся танцевать под мою музыку. Для этого только нужно время, а его у меня в запасе вечность. Ты даже не способен вообразить, сколько его у меня в заглашнике: Мы переместимся поближе к вновь зарождающемуся центру силы... Я могу даже указать, где он расположен, — уже все просчитано и спланировано. Ну что, угадал? Нет? Не прикидывайся, Хорн, ты же у нас ловкач по части всяких отгадок. Один из тех любителей, которые постоянно суют носы туда, куда их не просят. Точно, этим центром, зародышем новой империи, станут твои разлюбленные Плеяды. Вот уж будет зверь! Я постараюсь... Твои сородичи, почуяв запах крови и власти, станут совсем ручными. Конечно, там пока хаос, восстановление, но гроздь гнева уже созрели. Главное, направить их в нужное русло.

— Неужели тебе не хватило Эрона? — воскликнул Хорн. — Неужели ты за столько лет не устал, не надорвался?

Неужели не желаешь отдохнуть, оставить нас наконец в покое?

— И потерять последний источник сил? Самому выбить опору из-под ног и потом долго болтаться в петле? Что там долго — вечно!.. Нашел дурака! Нет, мой милый идеалист, на это я не могу решиться. Как-то боязно становится за вас, за людей. А вдруг вы опять вляпаетесь в какую-нибудь историю?

— Только этого не надо, — сказал Хорн, — забот о человечестве... А квартирку мы тебе обустроим. Алмазы будем тоннами подвозить — жри, не стесняйся!

— Хватит! — жестко прервал его Ву. — Пробил час, милый друг. Первым был Кохлнар, вторым — Душан. Теперь твоя очередь.

Глаза у Хорна необыкновенно расширились. Ву и бровью не повел.

— Старый трюк, — усмехнулся он, — сам его использовал.

Старик чуть поднял пистолет, ствол его теперь смотрел прямо в лицо Хорну, однако наемник не обратил на него никакого внимания. Он все так же напряженно рассматривал что-то, перемещающееся за спиной Ву. Оно было золотисто-красным. Скорее, с рыжеватым отливом...

— Это не трюк! Это не трюк! — неожиданно громко заорал попугай.

Ву не смог побороть себя и машинально обернулся. Хорн тут же метнулся в сторону, чтобы не оставаться на одной линии с Ву. Пистолет мгновенно оказался в его руке.

В этот момент Вендре выстрелила. Пуля с необыкновенно гулким, жужжащим воем ударилась в стену, срикошетила. Ву оказался цел и невредим. Но только на какое-то мгновение.

Хорн не колеблясь всадил очередь ему в грудь.

Дары приносящая галактическая граница...

Чем только не радуется она человека! За ней лежат бессчетные новые миры, девственные, изобильные планеты, где на миллионах континентов многометровые черноземы ждут прикосновения земного плуга. Горные рассветы и закаты — восхищенных зрителей, моря — судоводителей, недра — геологов, местные диковинки — туристов. Но все эти красоты, всю благодать чужих просторов способен ощутить только свободный человек.

В чем причина гибели Эрона? В качестве философского объяснения кое-кто из мыслителей утверждал, что все дело в границе. Точнее, в приграничье...

В эру существования империи граница превратилась в подобие крепостной стены, очерившейся жерлами орудий. Это была четкая, прочерченная по карте линия, разделявшая подвластные и неподвластные территории. Влияние всякой великой цивилизации распространяется далеко за ее границы. Вокруг нее возникает зона пусть и свободных, но находящихся под ее влиянием государств, которые служат буфером между внешним, полным опасностей миром и центральными областями. Не так в империи. Охраняющим ее границы людям их расширение ничего, кроме лишних хлопот, не приносит. На границе в состоянии постоянной опасности даже награбленное добро не приносит радости. Как только в империи намечается кризис, боевые колонны, до тех пор маршировавшие в сторону дальних пределов, немедленно меняют направление и идут в поход на собственную метрополию. Подобный психологический переворот понятен, если учесть, что всегда безопаснее сражаться с врагом, который известен. В такие кризисные времена неприятелем становится население собственной страны... Следом начинают бунтовать дальние области, стремящиеся выйти из-под слабеющей руки прежнего хозяина, неспособного защитить их от погромов, анархии, беззакония.

Так случилось и с Плеядами. Начало освоению этого звездного скопления положил сам Эрон. Когда же Плеяды почувствовали некоторую слабость метрополии, они попытались отколоться от нее. Однако Гарт Кохлнар сумел собрать силы и привести к покорности бунтующую окраину. Решив эту задачу, он неизбежно вставал перед другой, уже неразрешимой: в борьбе с Кварноном он надорвал силы империи, и надвигающийся кризис грозил смести Эрон с лица вселенной. Таков был ответ на вызов, который Эрон бросил звездам и времени.

С годами Эрон неизбежно превратился в реликт, в смердящий труп, способный погубить все человечество...

Глава 21. ВЫЗОВ

Хорн с некоторой опаской сел в роскошное, объемистое, удивительно удобное кресло — точнее, погрузился в его мягкие недра — и огляделся.

В подобных помещениях ему еще не приходилось бывать. Все вокруг блистало, посверкивало, поражало, слепило, сбивало дыхание. Драгоценных металлов, которые килограммами пошли на декоративное украшение, он уже не замечал. Не обращал внимания и на драгоценные камни, вправленные в редкую мебель, собранную в этой комнате. Другое поразило его — сплошь расписные стены и потолок. Преобладали золотые тона, однако в гуще цветковых пятен, линий, спиралей и прочих замысловатых фигур трудно было найти какой-нибудь смысл. Изображения скорее подавляли, заставляли Хорна испытывать некоторую неловкость.

Полчаса он провел в этой комнате, и мысль о том, что ему давным-давно пора уйти отсюда, уже несколько раз посещала его.

Что такого он может услышать от Вендре Кохлнар, чего не слышал прежде, спросил он себя. Опять упреки в смерти отца, оправдания, объяснения. К чему все это?

Зачем все эти удобства? Кресло, из которого с трудом можно встать... Зачем эта пилка для ногтей, ароматная вода в ванной, удивительная бритва, прикосновений которой он даже

не ощутил? Только для того, чтобы он почувствовал себя другим человеком? Хорн никогда не стремился к этому. Совсем не потому, что считал себя таким уж молодцом, просто тот, прежний Хорн, устраивал его больше. По крайней мере, он решал задачи, которые были ему под силу. А теперь!.. О чем, прикинул он, могло рассказать ему на; рисованное на стене гигантское око? Да и око ли это или просто плод его воображения? Он осторожно глянул на себя в зеркало. Даже обильное мытье не смогло смыть загар, развеселить взгляд. Он заметно постарел за эти несколько недель — это точно. И одежда совсем не в его вкусе. Все эти легчайшие, едва слышно шуршащие, ласкающие шелка, свободная туника казались с чужого плеча. Он привык к шерстяным курткам, кожаным жилетам, которые носили жители Плеяд.

Ладно, пусть Вендре приходит и говорит. Он выслушает. Только поскорее... Сколько можно ждать. Семь дней прошло со времени окончания боев на Эроне. Семь дней, как он не видел ее, — она исчезла сразу, как только он расправился с этим Ву.

Нелепо звучит — с этим Ву! Словно он муху прихлопнул. А ведь речь идет о человеке, создавшем все это. Эту роскошь, в частности... Человек, который ненавязчиво рулил колесом истории... Ладно, что о нем вспоминать. Поговорим-ка лучше о Вендре. Несколько часов осталось Хорну оставаться на Эроне. Его ждут Плеяды. Каждый день он ждал встречи с Вендре. Она молчала. Вспомнила о нем в самый последний момент — сама связалась с ним и попросила прийти к ней в гости и подождать.

Вот он и ждет.

...Ву, получив град пуль, согнулся и как-то очень вежливо улегся на пол. Свернулся калачиком и умер. Смерть наконец настигла его.

А вот Лил удалось ускользнуть. Хорн уже совсем было взял на мушку трепыхающегося под сводчатым потолком, орущего не своим голосом попугая, но в последний момент, когда только оставалось нажать на спусковой крючок, наемник передумал. Не мог он застрелить живое создание просто так. Ему, Хорну, она ничего плохого не сделала. Числилась в дружках у Ву? Тоже невелика вина. За соотечественников своих, погубленных людьми, не мстила...

К тому же было слишком поздно — Лил улетела.

— Что ж ты не стрелял? — крикнула ему из дверей камеры Вендре.

Хорн только пожал плечами. Девушка, казалось, догадалась о его сомнениях и принялась его упрекать:

— Разве тебе не понятно, что она очень опасна? Ах, Хорн, почему ты не застрелил эту тварь?

— Не мог, — наконец выдал из себя наемник.

— Подумай о том, что она способна натворить, если мы не найдем ее!

Хорн еще раз пожал плечами.

— Кто ее найдет! Улетела — пиши пропало. Она может превращаться во что угодно и на сколько угодно. Даже если мы обнаружим ее, как захватим? Сомневаюсь, что и пуля способна навредить ей. К тому же, если ты слышала разговор, главный прерыватель и есть эта самая Лил. Убьешь ее — и вся система туннелей развалится.

— Но это же очень важно. Она способна...

— Знаю, на что она способна. Тут есть одна заковыка... Понимаешь, Ву был человеком. Без него что эта птица способна сделать, какой ущерб причинить? Как ни крути, Ву был мягкий и — главное — предусмотрительный человек. Собственно, он прекрасно понимал, что он не рулит колесом истории, а всего-навсего сообразует свои действия с ее ходом. Не более того. Он устраивал свой собственный мирок и, как ему казалось, преуспел в этом. Ему много не надо было. Представь на его месте негодяя, напичканного комплексами, с трудным детством, испытывающего трудности в общении с женщинами... Или, скажем, просто труса...

— Ты не понял, — перебила его Вендре, — это создание никогда бы не подружилось с таким человеком.

— Вот именно! — подхватил Хорн. — Поэтому подумай, зачем Лил рушить то, что они

совместными усилиями создавали в течение такого долгого периода.

Хорн встал на колени возле тела Ву. На зеленой рубашке уже заметно проступило и на глазах расширялось обширное кровавое пятно. Сердце еще слабо билось, однако дыхания уже не было. Что-то удивительно жалкое было в этой скрюченной на каменном полу маленькой фигурке. Ву перед смертью поджал ножки, сложил на груди ручки. Он казался таким несчастным, безобидным, этот повелитель мира, нашедший наконец свою смерть. Сколько ни играй с безносой в прятки, все равно коса достанет...

Смеху было подобно такое кричащее несоответствие, какое заключал в себе этот маленький, съжившийся безумец. Сколько сил он потратил, чтобы убедить Хорна в предопределенности развития событий! Не он ли утверждал, что наши судьбы суть не более чем разменная монета в столкновении различных социальных групп? Из его рассуждений выходило, что только борьба классов двигала историю. Вот он лежал перед Хорном — живое, скорее мертвое, олицетворение идеи персонализма, утверждавшего приоритет и значение личности. Человек, исповедующий преклонение перед непознанными движущими силами истории, сам двигал ее вперед. Этот глубокий образ сам собой родился перед глазами Хорна. С его помощью можно было многое объяснить. Наемник вообразил Ву стоящим на берегу реки с коротким названием «Жизнь» и направляющим ее течение посредством устройства отводных каналов, дамб, плотин. В этом смысле Ву, конечно, был прав, утверждая, что течением реки управляют объективные силы. Прав он был, когда уверял Хорна, что это именно он спланировал будущее и создал империю.

Все это странным образом уживалось, прочно укладывалось в сознании Хорна. Кто он, Хорн? Питомец вольных людей, выше всего ценящих свободу и независимость. Он безусловно верил в право любого человека направить свои шаги туда, куда он хочет, заниматься тем, что ему по нраву. Но теперь он ясно осознал, что, даже ступая против течения великой реки, ты все равно находишься во власти ее течения. Волей-неволей человек сменит курс и двинется туда, куда «влечет рок событий». Вера в способности человека и осознание подвластности этим силам являлись сторонами одной медали. Теперь все смешалось и одновременно встало на свои места. Занятное положение, решил Хорн. Обстоятельства диктуют условия игры, твоя забота хорошенько изучить правила.

Хорн поднял голову. Перед ним стояла Вендре.

— Зачем ты спасла мне жизнь? — спросил Хорн. Девушка вспыхнула.

— Долг платежом красен, — ответила она. Потом добавила: — Теперь мы квиты, — и ушла.

Хорн долго смотрел ей вслед, однако с места не сдвинулся. Когда наконец поднялся с пола, отправился разыскивать Сэйра. Ему сообщили, что тот куда-то скрылся. В самый радостный момент, когда верхняя штаб-квартира проинформировала, что вся планета находится в руках восставших, Освободитель как в воду канул. Его искали — никаких следов. Удивительно другое — Сэйр так же и вернулся. Ни с того ни с сего, ниоткуда, неожиданно-негаданно... Он заявил, что будет в церкви — кому он потребуется, пусть ищет его там. Сэйр был человек неверующий, он сам признался в этом Хорну, однако величину культа, который вобрал надежды и чаяния многих людей, он отдавал должное. Вера — это большая сила.

— Неужели кучка людей могла свалить Эрон без помощи чего-то или кого-то, как это ни назови, — спросил Хорна Освободитель. — Человек сегодня слаб, завтра силен, но где ты видел человека, который мог бы похвастаться осуществлением мечты?

— Редко, но бывает, — не согласился Хорн. — Случается, что осуществление мечты становится навязчивой идеей. Я, например, был знаком с человеком, который вообразил, что он Господь. Правда, конец оказался невзрачным, — Хорн развел руками. — Как всегда. Хочешь посмотреть на него? Он тут недалеко, свернувшись клубочком, лежит. С пуль в груди...

Они пошли смотреть на погибшего китайца. К удивлению Хорна, тело исчезло. Наемник тупо оглядел место, и тут его сразила потрясающая мысль. Он полубезумным

взглядом одарил молчаливого Сэйра.

— Что-то мне Душан говорил насчет воскресающих мертвецов... Кстати, в камере должно быть тело Душана.

Хорн бросился в каморку — и здесь не было трупа. Вне себя он подскочил к Сэйру и принялся кричать:

— Они оба должны находиться здесь! Я сам стрелял, сам видел!..

— Конечно, конечно, — принялся успокаивать его Сэйр. Он едва смог скрыть усмешку. — Их, должно быть, убрали.

Боюсь, что их уже похоронили. Это не имеет значения. Мне бы очень хотелось взглянуть на человека, который утверждал, что создал Эрон и империю. К сожалению, это не более чем выдумка. Просто его век закончился. Все умирают, даже полубоги. Смерть, по существу, дает возможность природе исправить свои ошибки. Это единственный путь к совершенству.

Слабый шорох оторвал Хорна от воспоминаний. Он поднял голову — в комнату вошла Вендре. Остановилась у стены. Она была ослепительно красива, хотя одета просто, в голубоватого цвета костюм. Она отдохнула, успокоилась, и теперь выглядела совсем молодо. Непонятно почему, но Хорн испытал легкий укол — ему так хотелось, чтобы она вышла к нему в том золотистом платье, в котором он впервые на праздновании победы увидел ее.

«Слишком скромно и холодно для прощания», — подумал он и не сразу выбрался из кресла, встал.

— Долго ждал? — просто спросила Вендре.

— Да уж, — в тон ей ответил Хорн. Он слегка покраснела:

— У тебя просто талант говорить гадости.

— Ты предпочитаешь, чтобы я лгал или говорил лицемерные комплименты?

— О нет, лучше оставайся грубоватым и прямодушным парнем. Я вполне могу смириться с этим, если ты хотя бы случайно скажешь то, что я жду от тебя.

— Ждешь от меня? — удивился он. — Что бы это могло быть?

Вендре решительно встряхнула головой:

— Оказывается, ты совсем не понимаешь женщин. Я потому держала тебя так долго, что не могла решить, что одеть — парадное золотое платье, какое было на мне в день праздника, или этот скромный рабочий костюм. Теперь я чувствую, что угодила пальцем в небо.

— Костюм так костюм, — веско ответил Хорн. — Это, конечно, должно что-нибудь значить, но, к сожалению, мне не дано понять женщин.

— Да, — вздохнула Вендре, — скажу откровенно: я могу привести три примера, которые вполне доказывают, что ты совершенно не понимаешь женщин. Во-первых, ты до сих пор не сказал того, что я жду от тебя. Во-вторых, ты так и не сказал того, что бы я хотела услышать. И в-третьих...

— Минуточку, — прервал ее Хорн. — Что такое особенное ты хочешь услышать от меня?

Вендре еще раз вздохнула.

— Там внизу, в подземелье, ты спросил, почему я спасла тебя. Не это я хотела услышать от тебя. Ты должен был спросить, почему я вернулась.

— Почему? — спросил Хорн.

— Всякий вопрос уместен в свое время.

— Хорошо, вопрос вопросом, но что бы ты хотела услышать от меня?

Она поколебалась, потом быстро сказала:

— Это слово «любовь». Ты очень много говорил, но ни разу не употребил это слово.

— Мне казалось, ты сама знаешь, — смеялся Хорн. — Я думал... Я надеялся, я верил...

— Женщина всегда хочет услышать это слово.

— Но ты же заявила, что ненавидишь меня! — воскликнул Хорн.

— Я заявила, что должна ненавидеть тебя. Это далеко не одно и то же. И наконец, в-третьих — тебе надо знать, что женщине очень трудно признаться первой, поэтому она порой вынуждена высказываться иносказательно. — Она перевела дыхание.

— Я люблю тебя, Вендре, — ясно сказал Хорн. — Люблю так, как никто и никогда не полюбит тебя. — Потом он неожиданно смутился и спросил: — Так почему же ты вернулась?

— Я уже ответила на этот вопрос, — быстро вымолвила Вендре.

— И ты сможешь забыть, что я убил твоего отца? Она на мгновение закрыла глаза.

— Нет, Алан. Ты тоже никогда не забудешь об этом. Однако ты постарался объяснить мне, почему так случилось, и я поверила тебе. Поняла и приняла сердцем. Придется жить с этим, ведь никто больше не знает об этом. Эта наша общая беда. Понимаешь, так уж получилось, что я полюбила тебя...

Вид у Хорна был такой, словно он никак не мог понять, как же это получилось. Неожиданно Вендре прижалась к нему. Он обнял ее — так они стояли, пока он не спросил шепотом:

— Но почему меня? Почему варвара? Вендре улыбнулась:

— Может, причина в том, что женщина никогда не может устоять перед мужчиной, который способен дать ей почувствовать, что она женщина. Ты — единственный, кто сумел внушить мне это. Испытать эту радость...

— Ты смогла бы бросить все это, — он обвел рукой стены, — и отправиться со мной в Плеяды?

— Да, — ответила она. — Но, понимаешь...

— Тебе следует понять, Хорн, что у нее нет выбора. Ей придется отправиться с тобой, — раздался сзади голос.

Хорн обернулся — у двери стоял Сэйр. Освободитель очень изменился за эти несколько дней — погрубел, посуровел, даже как-то помолодел.

— Что ты имеешь в виду? — резко спросил наемник.

— К сожалению, Вендре не может остаться на Эроне. У нас уже был с ней разговор на эту тему. Восстание часто позволяет себе сентиментальные пируэты, кое-кого со временем охватывает ностальгия по прежним порядкам. А тут перед глазами живой символ прежнего величия. Вендре, конечно, изменилась, но кое-кто будет постоянно напоминать ей о прежнем величии Эрона, рода Кохлнаргов. Она становится как бы знаменем для тех, кто стремится возродить империю.

Хорн с силой прижал к себе Вендре, потом отпустил ее, шагнул к Сэйру:

— Она никогда не согласится на это!

— Я тоже так считаю, но те, кто верит в империю, хитры и коварны. С теми убеждениями, которые сложились у нее сейчас, она никогда не решится на авантюру. Но люди меняются. Я имею в виду не саму Вендре, а ее детей. Их вполне могут одурманить разговорами о славе империи. Нет, ей в любом случае необходимо отправиться в Плеяды и выйти замуж за варвара.

— Понятно, — угрюмо откликнулся Хорн.

— Что понятно? — спросила Вендре.

— Мне теперь стало ясно, зачем тебя посылают вместе со мной.

— Ничего ты не понял! — воскликнула Вендре. — Ты считаешь, что только потому я согласилась отправиться с тобой, что мне нельзя оставаться на Эроне? Что не желаю жить в Плеядах в одиночестве? Это совсем не так. Я только сегодня узнала, что ты улетаешь на родину. Я надеялась, что ты сам явишься ко мне и пригласишь меня!

Она посмотрела на него так, будто хотела сказать — верь мне. Хорн молчал. Вендре облизнула губы и, не дождавшись ответа, продолжила:

— Я как раз собиралась сообщить об этом, как ко мне зашел Сэйр. Вот почему я надела этот костюм. Я всегда была честна с тобой, Алан, и отправиться с тобой решила без всяких понуканий или других побочных обстоятельств. А насчет варвара?.. Пожалуйста,

постарайся обойтись без таких слов. Если женщина полюбила, то различия в культуре не самое главное. Тем более что в Плеядах она будет нуждаться скорее в защитнике и помощнике, чем в куртуазном ухажере. В отце семейства!.. Женщина всегда основывает свой выбор на инстинкте, и если к тому же ей нравится ее избранник, это большое счастье.

— Она правильно рассуждает, парень, — подтвердил Сэйр. — Тебе крупно повезло — другой такой женщины тебе никогда больше не встретить.

— Ох, да верю я ей! — махнул рукой Хорн. — Я о другом подумал. Меня до сих пор оторопь берет от мысли, что жить мне придется с бывшим директором Эрона.

— Какой бы пост ни занимала женщина, — ответила Вендре, — она прежде всего женщина, потом уже глава департамента, чиновник и все остальное...

После небольшой паузы Сэйр позволил себе кашлянуть.

— Не считите за бестактность, — сказал он, — я только хочу вам напомнить, что до отправления корабля в Кварнон-4 осталось два часа.

— Разве ты, — спросила его Вендре, — не отправляешься вместе с нами?

— Нет, я вылечу позже. Прежде я должен встретить временного управляющего Эроном.

— Откуда же он прибудет?

— Из Плеяд.

— Но как ты можешь быть уверен, что ему можно доверять? — спросила Вендре.

— Никак, — кивнул Сэйр. — В нынешних условиях я никому не могу доверять. Или, скорее, скажем так — кому-то можно доверять больше, кому-то меньше. Но этот человек кое-что понимает в демократии, у него было хорошее воспитание — он какой-то срок был главой государства Метропа-3. Он страстно хочет вернуться домой. Здесь он чувствует себя неуютно.

Вендре удивленно глянула на Сэйра:

— Что же в этом хорошего?

— А то, что он, как только выполнит свою миссию, ни на секунду не задержится здесь. В его задачу входит подготовить почву для установления местного самоуправления. Он будет работать день и ночь, чтобы скорее отправиться домой. Беда в том, что ему больше никогда не увидеть родной дом, он смертельно болен и сам не знает об этом. К сожалению, медицина в этом случае бессильна. После него новый порядок будут охранять другие.

— Культ, конечно? — спросил Хорн.

— И он тоже. Участвуя в восстании, приверженцы этой религии завоевали большой авторитет. Глава ее будет полезным и влиятельным советником нового управляющего компанией. Далее, армия, ее высший командный состав, состоящий из тех, кто сразу примкнул к восстанию. Мы решили установить сословное представительство — от технических специалистов, от рабочих, представители от обслуживающего персонала. Все эти классы имеют различные интересы и несхожие идеи. Как воплотить их в жизнь? Впрочем, то же самое творится и на большинстве других миров. Должен сознаться, что привести интересы всех классов к общему знаменателю никогда не удастся, но утрясать их они должны исключительно в законном порядке, и дебаты эти должны быть публично освещаемы.

— Какой толк в подобной говорильне? — удивилась Вендре. — Профессиональные задачи должны решать профессионалы, а управление страной — одна из самых сложных профессий.

— Что поделать, — вздохнул Сэйр, — подобная неэффективность является крупным недостатком демократии. За свободу всегда приходится чем-то расплачиваться. Однако эффективность, как ты понимаешь ее, в стратегическом плане куда страшнее подобной «говорильни». Все дело в том вреде, который может нанести то или иное неверное решение. Они будут всегда — ошибки. Но если при демократии ущерб от них всегда ограничен и исправим, то при имперских методах единоначалия и беспрекословного подчинения каждая крупная ошибка вырастает в проблему, которую так и не удастся решить до конца. Она чаще

всего загоняется вглубь. Только очень сильные организаторы и вожди способны разгрузить подобные завалы, но, к сожалению, они являются не часто. Этому мы сами свидетели. И если такой человек вовремя не придет к власти, что ж, государству пасть? Опять же все зависит от момента развития общества. Я ни в коем случае не утверждаю, что демократия хороша на все случаи жизни. Бывают такие периоды, когда требуется сильная рука. Но как остановить ее потом, после истечения срока полномочий, или вырвать чрезмерную власть из рук тщеславных преемников? То-то и оно. Неэффективность предполагает рассредоточение центров власти и установление такого порядка, чтобы никто не мог вновь сосредоточить безраздельную мощь в своих руках...

— И атаковать Плеяды, — добавил Хорн.

— Правильно, — кивнул Сэйр. — Хотя полностью избежать подобного развития событий нельзя. Но в других условиях. Как государственное образование Эрон закончил существование, теперь во вселенной не существует силы, которая была бы способна покорить Плеяды. Жители этого скопления знают, что такое свобода, они уже однажды потеряли ее. Больше этого никогда не случится, если они сами когда-нибудь не откажутся от нее как от чего-то ветхого и бесполезного. Нет, Эрон уже не представляет опасности — будущее земной цивилизации теперь будет связано с развитием других центров. В этом смысле я думаю прежде всего о Плеядах. Как точка, в которой пересекаются туннели, Эрон должен быть сохранен, пока наши ученые, ухватившись за ниточку, которую им дал Хорн, не откроют секрет туннелей или не найдут им какую-нибудь замену. Но слово теперь за Плеядами!..

— Я не понял, — угрюмо спросил Хорн, — неужели Плеядам когда-то тоже придется отказаться от свободы?

— Любовь к свободе угасает так же, как все на свете. Память об деспотии тускнеет, а то еще руками романтиков обретает привлекательные черты. Не расстраивайся, Алан, это длительный процесс. Должны пройти поколения и поколения. Но в перспективе это неизбежно. Следом придет новый расцвет власти всех и для всех. Каждому свой черед. Эрон был необходимым этапом развития нашей цивилизации. Только империя могла сплотить людей на переломном периоде нашей истории. Не сложись Эрон, не появилась бы система межзвездных туннелей. Человечество бы рассыпалось на отдельные очаги, которые вряд ли бы выжили в тех условиях. У землян тогда не было ни ресурсов, ни опыта, ни наработанной культуры обращения с далекими мирами. Все это могло привести нашу цивилизацию к гибели в худшем варианте или к раздроблению человеческой расы и возврату к доисторической эпохе в лучшем. Прикинь, Алан, теперь мы сильны как никогда, знаем, что почем в свободном пространстве, нам известно, как одолеть это самое пространство. Нужна ли нам теперь империя? Нет, теперь мы можем отпустить своих сынов в свободный поиск: в случае удачи нам будет с помощью чего развить успех; в случае поражения — есть чем защититься. Верю, успехов будет больше, мы опять располземся, начнем отрываться от корней — тогда вновь придет черед империи.

— Достаточно упрощенный, я бы сказал — циничный, взгляд на историю, — усмехнулся Хорн.

— Я — старый человек, — ответил Сэйр, — и могу позволить себе вслух выражать свои мысли. Блеск и роскошь идеалов уже не обольщают меня. Более того, если я хочу добиться существенных результатов в практической деятельности — а мне осталось совсем немного, — я должен трезво смотреть на вещи. Что это значит, Хорн, трезво смотреть на вещи? Это значит видеть перспективу, не терять голову при виде ее, не поддаваться на ослепительные, радующие глаз картинки, не проклинать ее, чтобы завтра жизнь была лучше, чем сегодня. В этом смысле программа такая — установить на Эроне баланс властей. Это трудно, но необходимо. Я сознаю, что свобода, которую мы только что завоевали для человечества, штука, безусловно, хорошая. Главное, полезная... Но допустить разгула своеволия, анархии мы не можем. Вот когда придет ей срок, тогда и будем думать, но не мы, а наши далекие потомки. Так что твой мистер Ву достоин не только проклятий И осуждения.

Если все было так, как ты рассказывал, он внес большой вклад в дело развития человечества.

— Каким же это образом? — удивился Хорн.

— А ты вспомни замечание Вендре насчет неэффективности «говорильни». Знаешь, иногда меня посещают странные прозрения. Я пришел к выводу, что эти формы правления как бы обмениваются между собой таким странным и невыносимо тяжелым даром, как эффективность управления. Камень ответственности так тяжел, что порой выпадает из рук; тогда его подхватывает иная форма правления и удерживает такой срок, на который ей хватает сил. Иногда подобная смена затягивается или задерживается на века. Вот и рассуди — в нынешний момент мы входим в новый период экспансии, но основу этого расширения составил скелет, созданный империей. Именно из ее запасов мы черпаем силу, с помощью системы туннелей способны практически мгновенно реагировать на любой вызов, но для этого сигнал сначала должен дойти до центра, здесь он должен быть обработан и в виде конкретного распоряжения вернуться в исходную точку. Но таких сигналов множество, трудно выделить из них существенно важный, поэтому решение может быть ошибочным. Не лучше ли местным властям среагировать на него? Империя накопила такие ресурсы, что мы в состоянии исправить любой промах. Отдадим экспансию на откуп самим первопроходцам...

— Но как же неистребимый дух человеческой свободы? — спросил Хорн. — Как совместить его с необходимостью восстановления рабства?

— Не знаю, — ответил Сэйр, потом пожал плечами. — Есть задачи, которые можно одолеть только напитавшись духом свободы. Но есть трудности, которые можно решить только постоянным, хорошо организованным трудом миллиардов. Кто может сказать, какой будет очередная угроза нашей расе? Мы до сих пор еще ни разу не встретились с чужим разумом. Кто может сказать, чем окончится эта встреча? А природные катаклизмы?.. А наши внутренние проблемы? Например, мутации... Знаешь, мне иногда снятся «безмолвные звезды».

— Что это такое? — удивилась Вендре. — «Безмолвные звезды»?

— Они расположены за Плеядами, — объяснил Хорн. — Более ста лет назад некоторые пограничные миры отправили в том направлении корабли с колонистами. С тех пор от них ни слуху ни духу. Отправлялись туда и торговые суда и тоже как в воду канули. Пока еще нет особых оснований для беспокойства. Вполне может быть, что они продолжили путь еще дальше в глубины вселенной, пока корабли способны нести груз. Однако кое-кто уже начал беспокоиться.

— Да, — согласился Сэйр. — Я тоже. Кто может сказать, что там случилось?

— Кто может сказать? — повторил Хорн. — Ну!

— Что за странная идея! — пожал плечами Сэйр. Глаза его сузились.

Хорн кивнул:

— Странная, но убедительная!.. Я задумался об этом, когда ты принялся утверждать, что Ву явился благодетелем человеческой расы. Оригинальная точка зрения... Конечно, у него было время, чтоб стать мудрым, рассудительным, много знающим и умеющим. Он мог бы стать великим движителем добра. Борцом со слепым напором истории... Он меня чему учил? Если что-то перемещается, ищи причину. Силу, которая творит это великое чудо. Причем сама по себе эта сила ни добрая, ни злая. Все зависит от обстоятельств и от того, кто подталкивает.

— Ты был хорошим учеником, — откликнулся Сэйр. — Я смотрю, ты поднабрался от него мудрости. Но запомни еще одну истину: судьей в споре добра и зла может быть только будущее.

— Ну, подобный базис — очень ненадежная штука, — возразила Вендре. — Может случиться так, что, действуя из самых лучших побуждений, можно оказаться в лапах дьявола.

— Сколько раз такое случалось, — подтвердил Сэйр. — Не зря говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Мудрый человек изучает проблему, но не берется

судить. Он может исходить из каких-то внутренних пристрастий, но он всегда соображает, что это только его личная точка зрения. Некоторые люди озабочены только тем, как быстрее достичь цели. Для других очень важны средства, используемые для этого... Что ни человек, то своя собственная точка отсчета.

— Выходит, нет ничего определенного, — саркастически усмехнулся Хорн.

— Нет, объективность — функция будущего. Вот такая заумь, — улыбнулся Сэйр. — Только грядущее оценит и рассудит. А теперь вам следует поторопиться, до отправления корабля в Плеяды осталось мало времени.

Из летописи

Вызова долго ждать не пришлось.

Спустя шесть месяцев после падения Эрона до Плеяд добрался один из отправившихся когда-то в сторону «безмолвных звезд» кораблей. Его появление было подобно крику ужаса, это была мольба о помощи...

Предсказание сбылось!..

Во время войны с Кварноном были построены армады военных кораблей. На них находились прекрасно обученные экипажи, но даже короткое бездействие пагубно сказалось на боевой подготовке людей.

Теперь они были свободны и, охваченные одним стремлением, быстро восстановили боевую мощь флота.

К приходу врага потомки землян оказались готовы. На этот раз угроза исходила от тех, кто ничем не напоминал человека...

ЭПИЛОГ

Историк нарисовал последний иероглиф, поставил точку и, вздохнув, отложил кисточку. Потом провел ладонями по лицу, по седым волосам, которые на глазах начали наливаться чернотой. Щеки зарумянились, разгладились морщины... Что-то грузно плюхнулось на стол рядом с раскрытой книгой. Это был попугай, как всегда взъерошенный, одноглазый.

Попугай прошелся по столу и укоризненно выговорил:

— Иногда меня посещает странная мысль: не ошиблась ли я? Может, было бы лучше оставить тебя в катакомбах с дыркой в сердце?

— Я был бы не против, — после долгого молчания ответил Ву.

Тысяча лет... И еще полтыщи. Всякие личные желания давным-давно умерли, инстинкт самосохранения тоже, однако он никак не мог подвести черту: удерживала тревога за судьбу человечества. Его выживание зависело от него. Ву задумался: может, и в этом он ошибается?.. Вот и попугай, нахохлившись, изрекает:

— Не вижу никакой необходимости в продолжении маскарада...

— Маскарада? Иллюзия порой бывает куда убедительнее, чем реальность.

Он еще раз бросил взгляд на исписанную последнюю страницу. Столбцы древних китайских иероглифов заполняли ее всю, только внизу оставалось место. Для самого последнего, самого важного и необходимого значка, который, как дверь в комнату, одновременно служит и входом, и выходом.

Вздохнул, обмакнул кончик кисти в тушь и каллиграфически вывел — конец.

Вот он, итог, но не всей книги, а только длинной, длинной главы...